

B-774

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКОВ
РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ
И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
В КИРГИЗИИ

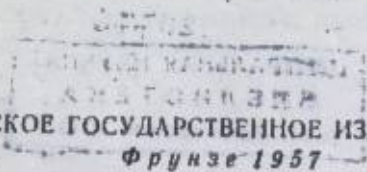
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК КИРГИЗСКОЙ ССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ПАРТИИ ПРИ ЦК КП КИРГИЗИИ

ВОСПОМИНАНИЯ
УЧАСТНИКОВ
РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ
И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
В КИРГИЗИИ

Под редакцией кандидатов
исторических наук
*Б. Байбулатова, С. Жантуарова,
В. Миртова, К. Орозалиева*

КИРГИЗСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Фрунзе 1957

В 774

В составлении сборника
приняли участие:
С. Жантуаров, В. Миртов,
Ш. Ширязданов, П. Ухванов

120776
ЦЕНТРАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
А. Н. Киргизской ССР

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая читателю книга воспоминаний участников революционных событий и гражданской войны в Киргизии есть результат совместного труда Института истории Академии Наук Киргизской ССР и Института истории партии при ЦК КП Киргизии. Сбор и изучение воспоминаний участников революционных событий на территории Киргизии ведется институтами на протяжении ряда лет. Собран большой фактический материал, над изучением которого и подготовкой его к печати работают научные сотрудники указанных институтов. Настоящий сборник является началом этой работы.

В октябре 1955 года в городе Фрунзе было проведено совещание участников революционных событий и гражданской войны на севере Киргизии. На нем присутствовало около 180 человек из Фрунзенской, Иссык-Кульской и Тянь-Шаньской областей. В июне 1956 года такое же совещание проведено на юге Киргизии в городе Оше. На этом совещании приняло участие 150 человек из Ошской и Джалал-Абадской областей.

Значительная часть материалов этих совещаний включена в данный сборник воспоминаний. Кроме того, в сборник включены и воспоминания, написанные значительно раньше, авторов которых уже нет в живых.

В ряде воспоминаний имеются расхождения в освещении отдельных фактов и событий, однако они не нарушают общего объективного изложения развития революционных событий на территории Киргизии.

Воспоминания активных участников революционных событий в Киргизии являются ценным материалом для изучения истории Октябрьской революции и гражданской войны.

К сожалению, не сохранились или не были написаны воспоминания таких активных борцов за Советскую власть в Киргизии, как: Т. Жукеев, Х. Сарыкулаков, Исамутдин Худайбергенов, И. Кобеков, С. Орозобеков, И. С. Меркуи, Я. Н. Логвиненко, П. Д. Гречко, М. Суюмбаев, И. Г. Елистратов, М. Н. Кравцов, Ф. С. Дубовицкий, И. И. Едренкин, Л. Г. Солнышко, Ф. Залялиддинов и многих других.

Не получили должного освещения в воспоминаниях революционные события в Нарынском уезде, Токмаке и Таласе. Нет в них полных данных о деятельности подпольных большевистских организаций и групп на территории Киргизии в дореволюционный период.

Институт истории и Институт истории партии будут весьма благодарны читателям за все их замечания и дополнения, направленные на более полное изложение истории революционных событий в Киргизии.

В сборе и обработке воспоминаний принимали участие Д. Айтмамбетов, А. Н. Громова, С. Данияров, К. Жунушбаев, Л. Ф. Локтионова.

А. И. ИВАНЦЫН

ИЗ ИСТОРИИ ПИШПЕКСКОЙ ПАРТОРГАНИЗАЦИИ

В Пишпек я приехал в октябре 1916 г. по приглашению Управления строительства Чуйской оросительной системы на работу по оборудованию главных мастерских.

Эксплуатация рабочих достигала здесь в то время невероятных размеров. На всех участках рабочие вместе со своими семьями жили в общих, крайне тесных, грязных и сырых бараках. Заработная плата была чрезвычайно мизерная. Рабочих на каждом шагу обшчитывали. Высокомерию и заносчивости администрации по отношению к рабочим не было предела. Малейшая попытка выступить против таких порядков встречала резкое осуждение или в лучшем случае снисходительно высмеивалась.

Не изменилось особо положение и после Февральской революции. Заправила уезда совместно с руководителем строительства Чуйской оросительной системы всячески пытались придушить нарастающую в связи с переворотом революционную активность масс. На первом митинге, собравшемся на строительстве призвал рабочих к спокойствию и в своем выступлении представил переворот как «добровольный, возвышенный и благородный акт царя во имя победного окончания войны».

Несмотря на все старания администрации, брожение в массах нарастало. Весть о перевороте и его характере быстро распространилась среди рабочих и возбудила их революционную деятельность. Наряду с обсуждением вопроса о положении в России все чаще велось широкое

обсуждение вопроса о положении рабочих на строительстве. Первое время из-за разобщенности рабочих нарастающая активность масс не получила своего организационного оформления. В избранные здесь общественные комитеты, наряду с меньшевистско-эсеровскими элементами, вошли и открытые сторонники старого строя. Агенты администрации работали повсюду. Нацелив на себя красные банты и прикидываясь сторонниками революции, они все меры принимали к тому, чтобы провести своих людей во все сформировавшиеся здесь после переворота общественные организации как на строительстве, так и в городе Пишпеке. При этом они прибегали к самой разнузданной шовинистической травле. Недовольным и протестующим против такой политики зажимали рты угрозами увольнения с работы и ареста.

Митинги все же стали собираться все чаще и чаще. Начало отчетливо проявляться недоверие как к информации и призывам получаемых здесь тогда буржуазных газет «Речь» и «Русское слово», так и к местному Исполкому.

Вскоре после переворота местный Исполнительный комитет под влиянием нарастающего недовольства масс был на протяжении очень небольшого отрезка времени несколько раз переизбран. Начали организовываться и профессиональные рабочие организации. Из всех возникших в Пишпеке организаций самой сильной и лучше организованной была организация «Союз рабочих и ремесленников». Вначале этот союз находился под влиянием эсеров, которые всячески старались направить его на путь борьбы только за чисто экономические интересы. Председателем союза на первых порах был эсер Кудряшев. Вести открыто большевистскую агитацию было в то время чрезвычайно трудно. Против большевиков шла широкая разнузданная черносотенная агитация.

Травля большевиков достигла особой силы после июльских дней и в дни Октябрьской революции. Помнится, осенью 1917 года на одном из собраний на стройке заместитель начальника строительства Жуков, стуча кулаком по столу, кричал: «Кто осмелится сочувствовать большевикам, а тем паче быть им, тому нет места среди не только нашей «чуйской семьи», но и среди граждан города Пишпека».

Несмотря на непрекращавшуюся черносотенную агитацию и террор, влияние большевистской партии среди широких слоев трудящихся масс все увеличивалось и росло. Оказывало революционизирующее влияние и положение рабочих на стройке, которое особенно ухудшилось к осени 1917 года, когда Чуйское управление ирригационного строительства, испытывая финансовое затруднение, не выплачивало в продолжение долгого времени рабочим и служащим заработной платы. Надвигалась зима, начались морозы. Управление строительства не выдавало дров для отопления барачных помещений, перестало выдавать рабочим и обусловленное по договору продовольствие. Все это настолько накалило атмосферу, что не только рабочие, но и низшие и средние служащие стали роптать и в один голос настойчиво требовать от администрации: или аккуратно платить, или рассчитаться с рабочими и закрыть предприятие.

Созвали собрание рабочих и служащих. Истрадавшиеся рабочие стали высказываться за полный и немедленный расчет и закрытие предприятия. Выступивший на этом собрании заместитель главного инженера П. П. Веймарн всячески пытался уговорить рабочих, несмотря на голод и лишения, не бросать работу. Это, однако, не помогло. Решили провести среди рабочих и служащих анкету, кто за продолжение работ и кто против; в зависимости от результатов решить, что делать дальше.

Провести анкету поручено было комиссии из трех человек, в которую избрали меня и еще двух служащих Управления. Однако работу провести пришлось мне одному. Один из членов комиссии, боясь увольнения, сразу отказался участвовать в комиссии, другой — бросил работу через несколько дней. Этот своеобразный плебисцит приходилось проводить в чрезвычайно напряженной атмосфере. Инженер Хрусталеv открыто угрожал рабочим, участвовавшим в этом плебисците, расправой. И тем не менее анкета была проведена с успехом. Результаты были таковы: рабочие в большинстве высказывались за немедленный, полный расчет и закрытие работ, служащие в большинстве — за продолжение работ. Тем временем на стройке среди рабочих оформилась небольшая подпольная большевистская группа, влияние которой увели-

чивалось с каждым днем. После успешно проведенного плебисцита на собрании рабочих мы открыто выступили как большевикп.

Дело было на одном из собраний «Союза рабочих и ремесленников» г. Пишпека. Обсуждался вопрос о положении в России в связи с Октябрьской революцией. Председатель «Союза рабочих и ремесленников» эсер Кудряшев начал было свою речь с истасканной меньшевистско-эсеровской и кадетской клеветы на Ленина и большевиков. Выступив после Кудряшева, я разъяснил рабочим, кто такой Ленин, за что борются большевики, а также смысл той клеветы, которую распускают вокруг большевистской партии эсеры, меньшевики и кадеты. При этом заявил, что я сам большевик с 1905 года, и рассказал о своей прошлой политической работе в рядах большевистской партии. Мое выступление среди рабочих было встречено с большим вниманием. Меня тут же избрали в число членов правления «Союза рабочих и ремесленников» и поручили организовать отделение союза на строительстве Чуйской оросительной системы. Через несколько дней на строительном участке было организационно оформлено отделение Пишпекского «Союза рабочих и ремесленников». Председателем правления нашего отделения союза рабочие выбрали меня. Вскоре после этого я был выбран заместителем председателя городского и уездного «Союза рабочих и ремесленников».

На собраниях, которые происходили в городе, я познакомился с местной группой большевиков: тт. Н. С. Абрамовым (кустарь-пряничник), И. С. Меркуном (машинист, служил в кино), Г. И. Швец-Базарным (военный писарь) и др. Начали совместно обсуждать вопрос о нашей работе. Помню первое наше совместное совещание. Собрались мы ночью у тов. Меркуна в маленькой комнате, которая находилась по соседству с моторным отделением кино. Обсудив положение в городе и уезде, мы подробно разработали план нашей дальнейшей работы по организации масс и взятию власти в свои руки.

Мне была поручена работа среди рабочих на стройке. Приехав после этого на строительный участок и поделившись с местными большевистски настроенными рабочими об общем политическом положении, мы решили созвать собрание членов союза. К этому времени на-

ше отделение насчитывало в своих рядах более 400 человек членов союза. Настроенные рабочие были очень боевые. Рабочие стали открыто выступать против администрации. На одном из собраний, когда инженер Хрусталев стал угрожать рабочим военной расправой, один из рабочих, член правления нашего союза, ему ответил: «Ты нас не пужай ружьями и расстрелами, мы тоже сумеем за себя постоять и не особенно боимся твоих угроз». Хрусталев при этом быстро, под свист рабочих, удалился с собрания.

Решили поставить вопрос о забастовке. Созванное нами в декабре 1917 года по этому поводу собрание прошло с большим подъемом. Выступающие на собрании рабочие вскрыли господствующие на стройке безобразия и в подавляющем большинстве масса высказалась за забастовку. Администрации строительства были предъявлены следующие требования: уплатить задолженность по зарплате и гарантировать дальнейшую своевременную оплату зарплаты и обеспечение рабочих топливом и продовольствием. В случае невыполнения указанных требований закрыть предприятие и произвести немедленный и полный расчет с рабочими, выдать им причитающуюся задолженность по зарплате и согласно договору выплатить деньги за проезд со стройки до прежнего места жительства.

Забастовка рабочих была встречена администрацией строительства и местными властями в штыки. Хотели было меня, как одного из инициаторов забастовки, уволить с работы и арестовать, но побоялись возмущения масс.

На следующий день после объявления забастовки рабочие стали собираться к бараку второго строительного участка. Переговоры с начальством поручено было вести мне в бараках в присутствии рабочих.

Я позвонил по телефону в управление строительства, позвал заместителя главного инженера Веймарна, объявил ему о забастовке и от имени рабочих потребовал, чтобы он явился в барак 2-го участка для переговоров. Сначала Веймарн отказался ехать в барак к рабочим и пытался было запугать нас всевозможными угрозами. Мы повторили наше требование. Категорический тон нашего требования и общая политическая обстановка как

в стране, так и в уезде вынудили администрацию быстро переменить свою тактику.

Час спустя Веймарн, окруженный целой свитой своих прислужников, приехал к рабочим в барак. Переговоры протекали очень бурно. Попытка представителей администрации отделаться одними посулами ни к чему не привела. Рабочие упорно настаивали на своих требованиях, но и администрация строительства также на уступки не шла.

Мы решили поехать в город и просить помощи у Пишпекского городского и уездного правления «Союза рабочих и ремесленников». Однако Правление союза наотрез отказало нам в помощи. Эсеро-меньшевистское большинство Правления и слушать не хотело о забастовке на строительстве. Эсеровские заправилы из Правления союза нам заявили, что они считают забастовку незаконной, что нужно, прежде чем начать забастовку, предупредить об этом за две недели администрацию и, наконец, рекомендовали нам сначала стать на работу и предъявить администрации свои требования. Если последняя в продолжение двух недель эти требования не удовлетворит и никакое соглашение достигнуто не будет, то только тогда можно будет обратиться за помощью в Правление союза. Сообщив об этом по телефону своим товарищам, я на следующий день вернулся на стройку. На созванном тут же митинге решено было организовать «голодный поход» в город Пишпек.

В город мы двинулись значительной массой, осадили городскую управу и потребовали дать нам помещение и продовольствие. Против нас развернута была бешеная травля. Эксплуататорские элементы города смотрели на нас как на преступников и всячески чернили нас в глазах рабочих и трудовых элементов города. Все забастовавшие рабочие были уволены с работы. Однако отсутствие в городе достаточно надежной воинской части вынудило городскую управу выполнить наше требование. Успех нашего «голодного похода» оказал революционизирующее влияние на рабочих и трудящиеся элементы города и уезда. На ряде собраний, устроенных нами в городе, мы легко рассеяли распространявшуюся вокруг рабочих строительства клевету. Значительную роль в этом отношении сыграла выбранная нами на стройке ко-

миссия из рабочих (нечто вроде рабочего контроля), которая раскрыла и разоблачила перед массами все мошеннические проделки администрации Чуйского управления.

Наша подпольная большевистская группа начала активно готовить переворот в Пишпекке. С этой целью мы наряду с агитационно-пропагандистской работой развернули работу по овладению руководством в «Союзе рабочих и ремесленников». Начали понемногу выгонять из союза чуждый, примазавшийся элемент.

Впервые вопрос о вооружении рабочих и захвате власти был поставлен нами открыто на широком рабочем митинге в Дубовой роще 31 декабря 1917 года. Этот митинг сыграл свою положительную роль. После митинга организовалось «общество 31 декабря», или, иначе говоря, общество сторонников советского переворота, которое под руководством нашей подпольной большевистской группы сыграло заметную роль в деле свержения власти Временного правительства в Пишпекском уезде.

Первый вопрос, который встал перед нашей подпольной большевистской группой, был вопрос о том, как достать оружие; 25 винтовок у нас было. Они ранее были выданы комитетом общественной безопасности «Союзу рабочих и ремесленников» для самообороны против непрекращающихся тогда в городе грабежей и убийств. Но для организации красногвардейского отряда и захвата власти этого было явно недостаточно. На состоявшемся в этой связи конспиративном совещании нашей подпольной большевистской группы было решено попытаться захватить казармы и оружейные склады. Эта операция была нами успешно выполнена ночью во второй примерно половине января 1918 года старого стиля. Организовали сравнительно небольшой красногвардейский отряд, захватили местные правительственные и общественные

¹ Точного состава этой группы установить не удалось. Из воспоминаний А. И. Иванцына и Г. И. Швед-Базарного известно, что в момент ее образования (примерно в ноябре 1917 г.) в нее входили: Абрамов, Безбородов, П. Бигель, А. И. Иванцын, Н. С. Меркун, Г. И. Швед-Базарный. 2 апреля 1918 г., когда оформилась Пишпекская организация большевиков и был избран комитет, эта группа уже насчитывала 45 человек. Ее руководителем был А. И. Иванцын (ред.)

учреждения и на завтра объявили о свержении в городе и уезде Временного правительства и переходе власти к Советам. Тут же послали в Ташкент курьера с извещением о перевороте и с просьбой прислать нам подкрепление.

Наше положение на первых порах было очень напряженным. Оружия было у нас крайне мало. Изю дня в день мы ждали карательного отряда из Верного, где у власти все еще сидели ставленники Временного правительства. Оттуда, вскоре после переворота в Пишпекке, против нас был послан казачий отряд.

Оказавшиеся в Совете меньшевистско-эсеровские элементы всячески тормозили и срывали нашу работу. Избранный вначале в качестве председателя Совета солдатских и рабочих депутатов эсер Кудряшев через пару дней бросил работу. Избрали на его место тов. Швецов, члена нашей подпольной большевистской группы. Не было денег на содержание развертываемого нами советского аппарата. Использовали наличные суммы воинского начальника, провели небольшое обложение капиталистов. Но всего этого было недостаточно. Красная Гвардия насчитывала до 100 человек бойцов. Вместе с административным аппаратом это требовало немало средств. Хлеба не было. Некоторое количество риса выдало нам дунганское население Пишпекки. Но этого еле хватало на удовлетворение беднейшего населения города и то по очень ограниченной норме. Кулацкие элементы города и селений уезда хлеб нам отпускать по твердой цене наотрез отказывались. Спекуляция была развита вовсю, причем кулацкое население хлеб не только по твердой цене, но и вообще на деньги продавать не хотело. «На что мне ваши бумажки, вот если дадите мануфактуру и то только хорошую, например: шелк, бархат, я хлеб на это сменяю», — сказал один кулак на нашу просьбу продать хлеб за деньги. Чтобы вырвать хлеб из рук кулаков и спекулянтов требовалась значительная военная сила.

Мы получили сведения, что против нас выслана из Верного казачья часть и что последняя находится недалеко от города. Чтобы предотвратить кровопролитие, мы послали навстречу приближающейся казачьей части депутацию. В числе депутатов был и я. Когда мы направились навстречу отряду, последний уже входил в город.

Наша делегация встретилась с казаками за мостом в Карагачевой роще. Открыли митинг. Узнав от нас о положении в Пишпекке и во всей стране, казаки заявили, что они против нас не пойдут и что они, отдохнув немного в Пишпекке, вернутся обратно.

В то время это имело для нас решающее значение. Постояв несколько дней в Пишпекке, казаки вернулись обратно. И хотя они при уходе утащили с собой из оружейных складов немало патронов, мы тем не менее вздохнули свободно. Первая серьезная угроза, таким образом, миновала.

Начали оформлять советские органы власти. Работать пришлось самим. Чиновная интеллигенция почти сплошь работать отказалась. Вскоре приехал из Ташкента наш уполномоченный, которого мы туда послали в первые дни переворота, рассказал о положении в Ташкенте и привез посланное отсюда по нашей просьбе оружие. Вскоре после этого приехал из Ташкента П. Н. Павлов (токмакский) со второй партией присланного для нас из Ташкента оружия. При помощи первой партии оружия мы развернули красногвардейский отряд в Пишпекке. Вторая партия оружия дала нам возможность оформить второй значительный красногвардейский отряд в Токумаке. Красная Гвардия была организована из добровольцев. По своему социальному положению красногвардейцы были из рабочих, городской бедноты и безземельных крестьян деревни и аила. Значительная часть красногвардейцев была из бывших солдат-фронтовиков.

В конце марта (нового стиля) приехал к нам инструктор крайкома партии большевиков тов. Николай Дмитриевич Луценко. С его приездом значительно оживила свою работу местная партийная организация. Провели согласно инструкции крайкома, привезенной тов. Луценко, перерегистрацию всех членов нашей организации, вычистили оказавшийся в организации случайный элемент, оформили после регистрации согласно инструкции всех членов нашей организации и выбрали Пишпекский городской комитет партии¹. На этом собрании я был избран лидером Пишпекской большевистской организации

¹ 2 апреля 1918 года (ред.).

и послан в Ташкент делегатом на Краевой съезд. Всего у нас в организации после перерегистрации осталось 45 человек. Среди них было несколько человек членов партии киргизов.

Работать приходилось в крайне тяжелых условиях. В Верненском уезде шла горячая борьба с белоказаками. Подготовленных кадров не было. В партию начали просачиваться чуждые элементы. Когда я вернулся в Пишпек с Краевого съезда, в нашей организации оказалось несколько тысяч человек. Многие из них были приняты в партию без каких бы то ни было оснований. Чтобы освободиться от чуждых элементов, было решено провести вторую перерегистрацию и при этом оставить только тех, которые отвечают условиям приема в партию.

Для проведения перерегистрации и организации партийных ячеек по селам и аулам мы послали в каждую волость по два организатора (один русский и один киргиз) из наиболее подготовленных членов нашей городской организации. При организации ячеек как в городе, так и в особенности в селах и аулах приходилось преодолевать активное противодействие со стороны местной лево-эсеровской организации, которая развернула большую работу и открыто распространяла вокруг большевистской партии самую невероятную клевету. Однако, несмотря на эсеровскую травлю, нам удалось организовать целый ряд сельских и аульных ячеек, которые на местах руководили работой Советов и вели развернутую борьбу с кулачеством и байством. При уездно-городском партийном комитете мы организовали постоянный штат инструкторов-организаторов, которых регулярно посылали в сельские и аульные ячейки как для проверки работы последних, так и для связи с партийным комитетом, инструктажа и помощи в работе. Особенно хорошо была налажена работа в ячейках на Чуйских строительных участках, в селах и аулах, расположенных поблизости от этих участков.

В своей массе эти партийные ячейки являлись организаторами революционной активности трудящихся масс. Большинство из них показали во время Беловодского кулацкого мятежа крепкую связь с массами и образцы подлинного героизма и беззаветной преданности партии и Советской власти. Сельские и аульные ячейки близле-

жащих к Беловодску районов по первому зову городского партийного комитета подняли против мятежников широкие трудовые сельские и аульные массы, выставили ряд отрядов, обеспечили красноармейцев продовольствием, обмундированием и особенно теплой одеждой, валенками и кошмами, в которых у нас ощущался крайне острый недостаток!

Алексей Илларионович Иваницын родился в Одессе в 1870 году. Его отец сапожник, больной туберкулезом, рано сошел в могилу. Вслед за ним умерла и мать. В семилетнем возрасте Иваницын остался круглым сиротой на попечении престарелой тетки Е. И. Угаровой. Два года спустя, когда Алеше исполнилось 9 лет, тетке удалось пристроить своего племянника в детский приют, где он окончил 2-классную начальную школу.

Тринадцатилетним подростком Иваницын был отдан в учение на Механический завод Русского Акционерного Общества Пароходства и Торговли в Одессе, где он работал вначале как ученик, а затем квалифицированным рабочим.

В 1890 году он поступил машинистом на пароход Русского Акционерного Общества, плавал по Черному, Азовскому морям. Бывал и в плаваниях за границей—по Средиземному морю. Жизнь в большом портовом городе, заграничные плавания, общение с разными людьми, чтение книг в короткие часы досуга, неутомимая работа над собой дали свои плоды. К двадцати пяти годам окончательно оформилось мировоззрение Иваницына как атеиста, он перестал верить в бога. В ту пору в России среди рабочих зарождались марксистские кружки, где изучались труды Маркса и Энгельса. В Петербурге Ленин создал «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».

В 1898 году Иваницын оставляет службу на пароходе и поступает токарем по металлу на Керченский металлургический завод.

Влившись в рабочую среду, Иваницын с первых шагов включается в активную борьбу за улучшение экономического положения рабочих и во время забастовки становится во главе стачечного комитета, требующего от

¹ На этом рукопись обрывается (ред.).

хозяина завода повышения заработной платы и сокращения рабочего дня.

Промышленный кризис начала XX века, охвативший царскую Россию, ускорял наступление и революционного кризиса. В ту пору Иваницын в кругу керченских рабочих читает рабочим ленинскую «Искру», «Песню о буре-вестнике» А. М. Горького, нелегальные брошюры и листовки. Наиболее сознательная и передовая часть рабочего класса чувствовала приближение революционной бури, по всей России прокатилась волна забастовок.

В 1902 году рабочие г. Керчи объявили всеобщую забастовку. Хозяин завода, где работал Иваницын, ответил локаутом, закрыл завод, уволил всех рабочих. Иваницын с женой вернулись в Одессу.

В 1904 году Иваницын прибыл в г. Николаев и поступил на судостроительную верфь токарем по металлу. Здесь он снова организует кружок рабочих, читает подпольную большевистскую литературу. На своей квартире печатает на стеклографе прокламации и листовки, распространяет их среди рабочих.

В феврале 1905 года в ответ на «кровавое воскресенье» в Петербурге рабочие судостроительной верфи объявили всеобщую забастовку. В период забастовки Иваницын организовал кассу взаимопомощи для рабочих. Забастовка длилась три недели и окончилась победой рабочих. Но вскоре Иваницына арестовали и отправили в г. Орел в пересыльную тюрьму, откуда ему удалось бежать в Киев, где он недолгое время жил и работал под фамилией Иванова.

После амнистии политических заключенных Иваницын в августе 1905 года приехал обратно в Николаев, где возглавил забастовку, носившую не только экономический, но и политический характер. На митинге под председательством Иваницына рабочие выдвинули лозунг — «Долой самодержавие».

Ночью Иваницын был арестован. Жандармы произвели обыск в квартире и увели его в тюрьму.

В 1906 году Иваницына отправили в ссылку на Север, в г. Холмогоры, куда год спустя приехала к нему жена Екатерина Дмитриевна с двухлетним сыном.

В холмогорской ссылке Иваницын прожил до 1911 года. Эта пятилетняя ссылка стала для него своего рода

университетом. Здесь он встречался с активными революционерами, обогащался опытом революционных битв, читал труды классиков марксизма — Маркса, Энгельса, Ленина, какие издавались в ту пору нелегально, за границей.

Среди ссыльных, кроме большевиков, были и меньшевики и бундовцы. В горячих спорах с ними закалялось большевистское мировоззрение Иваницына.

Период его жизни после ссылки под неусыпным надзором полиции отмечен лишениями и невзгодами, какие довелось переносить и ему и членам его семьи. Теперь ему уже не так легко было устроиться на работу.

В 1913 году удалось поступить преподавателем ремесленной школы в Кишиневе, но год спустя, когда разразилась война, ему снова пришлось переезжать с семьей в Одессу. В сентябре 1916 года Иваницын, будучи уже отцом троих сыновей, отправился из Одессы в далекий путь — в г. Пишпек, Семиреченской области.

В Пишпек Иваницын поступил на работу в изыскательную партию инженера Васильева мастером по оборудованию механических мастерских, которые находились неподалеку от села Молдавановки, на участке строительства Ат-Башинского канала.

На Чуйском строительстве Иваницын объединяет вокруг себя группу большевистски настроенных рабочих, а осенью 1917 года сближается с группой большевиков в Пишпек. В условиях жесточайшего засилья меньшевиков и эсеров, при открытых угрозах с их стороны начинает закладывать основу будущей большевистской организации в Пишпек и уезде.

В это время Иваницын переезжает в Пишпек, где становится во главе подпольной большевистской группы, ведущей подготовку масс ко взятию власти Советами.

В марте из Ташкента в Пишпек приезжает представитель Краевого комитета Коммунистической партии Н. Д. Луценко и 2 апреля 1918 года проводит организационное собрание, на котором Иваницын избирается председателем Пишпекского городского комитета партии.

Весь 1918 год и начало 1919 года А. И. Иваницын стоит во главе Пишпекской организации большевиков, которая становится уездной организацией, объединяя вокруг себя сельские и аыльные ячейки.

Весной 1919 года Иванцын с семьей выезжает на Иссык-Куль и работает в коммуне «Новая жизнь», являясь одним из ее организаторов. После окончания гражданской войны в Семиречье с 1921 по 1924 год Иванцын работает в Верном в областной контрольной комиссии и в Ташкенте — председателем Ташкентского областного суда.

4 января 1925 года А. И. Иванцын был убит классовым врагом.

Его жизнь, от начала и до конца связанная с жизнью и борьбой рабочего класса, являет собой яркий пример беззаветного служения народу, партии, советскому государству¹.

¹ Биография А. И. Иванцына составлена на основании имеющихся архивных документов и воспоминаний живущей в г. Фрунзе вдовы Иванцына—Екатерины Дмитриевны Иванцыной (ред.).

Г. И. ШВЕЦ-БАЗАРНЫЙ

ОКТАБРЬ В ПИШПЕКЕ

Родился я в 1878 году в слободе Воронцовка Павлопского уезда Воронежской губернии. Отец мой был колесник, работавший по найму. С десятилетнего возраста, когда я учился в сельской школе двухклассного типа, я начал помогать отцу в его ремесле. По приходу из школы мне некогда было отдыхать и резвиться, я должен был долбить ступицы, вертеть ободья и тесать клинышки.

Двенадцати лет отроду я остался сиротой и работал по найму в чужих людях, вначале в своей слободе, в колесных мастерских, а затем уехал на Кубань в станицу Ахтырскую. Проработав здесь в экипажной мастерской до 1901 года, я был призван на действительную службу и попал в 31-ю Аму-Дарьинскую пограничную бригаду, стоявшую в городе Термезе. Здесь я узнал о революционном движении и здесь же в 1905 году принимал участие в нем.

По окончании службы я поехал в Пишпек. Здесь в экипажных мастерских Чернецова, Вирясова и других проработал до империалистической войны. По мобилизации в 1914 году я попал на германский фронт и пробыл на этом фронте до лета 1917 года.

В период Февральской революции, когда было свергнуто царское самодержавие, я был на германском фронте. При организации военных солдатских комитетов меня избрали в ротный, а затем в полковый комитет.

По приказу об отпуске солдат в возрасте свыше 30 лет мне представилась возможность поехать в Пишпек.

В Пишпек я прибыл в конце июля 1917 года. В это время город был наводнен казаками. Все крупные купеческие и общественные здания были заняты расквартированными казачьими сотнями. Весь южный корпус каменных магазинов на базаре был загружен казачьим имуществом и снаряжением. Начальником пишпекского гарнизона был казачий полковник Пяткин.

В Пишпек я встретился с писарем Левченко, которого знал раньше. От него узнал, что солдаты при управлении в подавляющем большинстве купчики и кулаки, скрывающиеся от фронта.

При содействии Левченко я остался работать в управлении воинского начальника писарем по выписке продовольствия проходящим фронтовикам.

Работая в управлении, я не упустил ни одного случая побеседовать с солдатами, узнать настроение фронта. Через солдат, возвращавшихся с фронта, мы убеждались, что армия разлагается, что большинство фронтовиков готово к борьбе за свержение Временного правительства.

К октябрю 1917 года мы уже имели группу надежных товарищей, с которыми после Октябрьского переворота в Ташкенте начали обсуждать планы установления Советской власти в Пишпек.

После Октябрьского переворота в Ташкенте Пишпек подчинялся Верному и выполнял директивы верненских комиссаров Временного правительства—Шкапского и Иванова.

Среди кулацкой части населения большое влияние имела партия эсеров. Недаром на съезде крестьянского союза Пишпекского уезда 19 июля 1917 года признавалась «Демократическая республика» применительно к партии социалистов-революционеров. Съезд стоял за наступательную войну до почетного мира, заключаемого в согласии с союзниками. Касаясь вопроса землепользования, съезд писал в своем наказе (постановлении), что во время разделения земли туземное население должно быть сдвинуто в одно место и не должно мешать крестьянству заниматься обработкой полей. А на случай усмирения киргизов съезд ходатайствовал перед област-

ным съездом о снабжении русского населения огнестрельным оружием для защиты в случае повторения событий 1916 года со стороны киргизов.

В Пишпекке тем временем начали создаваться различные реакционные союзы и организации вроде «Шуро-Исламия», «Алаш», «Иттифак», союз домовладельцев и прочие.

Во главе всех этих организаций стоял так называемый «Совет Союзов», руководимый царским чиновником Хохулей, тесно связанным с Верненским и Сибирским белогвардейскими властями. Это было объединение всех сил реакции, фактически подчинявших себе и Совдеп. Непосредственным помощником «Совета Союзов» являлся «Комитет общественной безопасности».

Доминирующей политической партией были эсеры, они имели своих представителей во всех организациях, а сам эсеровский комитет был штабом этих организаций.

Основной силой для захвата власти Советами в Пишпекке могли быть только рабочие Чупра (Чуйской изыскательной партии), где во главе «Союза рабочих и ремесленников» встал старый большевик Алексей Иванович, возвращающиеся с фронта солдаты и крестьянская беднота.

Захват власти Советами в Ташкенте воодушевлял нас. Весь вопрос заключался в том, что мы не имели хотя бы небольшой вооруженной силы, на которую могли бы опереться, да и организаторских сил не хватало.

Мы неоднократно совещались по вопросу о путях и мерах привлечения солдат гарнизона на свою сторону. Отдельные солдаты склонялись на нашу сторону, но вырвать их из массы враждебно настроенных солдат было трудно. Поэтому мы перенесли наше внимание на создание Красной Гвардии из возвращающихся домой фронтовиков.

В ноябре—декабре 1917 года стали вырастать наши организаторские большевистские силы. Активную роль играл рабочий Иван Меркун, кинемеханик театра «Эдиссон». Вскоре прибыл из Ташкента товарищ Абрамов, с которым Меркун был знаком раньше и знал его как надежного товарища, принимавшего участие в боях за власть Советов в Ташкенте. Через Абрамова привлекли еще двоих—Безбородова и Бигеля. Таким образом, у нас

организовалась группа надежных товарищей, имеющих некоторый опыт в революционной борьбе. Перед нами стал вопрос о конспиративной квартире, которой была избрана квартира тов. Меркуна, маленькая избушка в Дубовом саду, рядом с театром, в котором работал т. Меркун. Мы стали частенько собираться в этой конспиративной квартире, делиться опытом, фронтовыми воспоминаниями, намечать и обсуждать свои планы.

Жаль, что мы в это время не вели ни протоколов, ни записей наших заседаний.

Большую помощь нам оказали завербованные в нашу среду почтово-телеграфные работники. Они перехватывали с телеграфа все важные секретные директивы, приносили их на конспиративную квартиру. Таким образом, мы всегда были в курсе дел Ташкента и Верного.

Намеченный нами план конкретных действий сводился к тому, чтобы взять в свои руки милицию, организовать Красную Гвардию и, выбрав удобный случай, захватить власть в свои руки. Для этого необходимо было связаться с милицмейскими работниками, Рассчитывать на бывшего тогда начальника милиции, верного Временному правительству, старого чиновника окружного суда Кирьянова было невозможно. Мы решили завербовать в нашу среду помощника начальника милиции Г. Щадилова и старшего милиционера Дреева. Это нам удалось. Благодаря нашей работе, разложение солдат в гарнизоне усиливалось. Солдаты, ранее боявшиеся сказать слово, начали смелее высказываться и предъявлять свои требования начальству. Это было на руку нам.

Большинство милиции было уже на нашей стороне. Перед нами стоял вопрос: как выдвинуть начальником милиции Щадилова. Тут вышло по русской поговорке: «Не было бы счастья, да несчастье помогло». В конце декабря проездом с фронта лепсинские солдаты изрядно подвыпили в одной столовой на базаре, и один из них разбил дверное стекло. Завязался скандал с хозяином. Шум приходил уже к концу, солдат уплатил хозяину за стекло и сел на подводу, собираясь уехать. В это время к собравшейся, как всегда в скандальных делах, толпе подъехал начальник милиции Кирьянов и потребовал, чтобы солдат слез с повозки и шел в милицию. Солдат не подчинился. Кирьянов выхватил револьвер и начал

угрожать солдату. Тот выхватил тесак и ударил по руке Кирьянова. Выстрелом в упор Кирьянов убил солдата, а сам поехал в больницу. Собравшаяся толпа пришла в ярость, двинулась за Кирьяновым и расправилась с ним. За смерть отомстила смертью.

После этого Щадилов временно был назначен начальником милиции, а Городская Дума подыскивала кандидатуру надежного начальника. Но таковой кандидатуры не находилось, и должность в течение нескольких дней оставалась вакантной.

На своем совещании мы решили широко использовать этот случай. Тем более, что, следя за каждым шагом Городской Думы, мы видели ее растерянность и колебания. Думские деятели знали о существовании нашей подпольной организации, но персональный состав и квартира им не были известны.

27 декабря мы собрались для обсуждения положения и плана действий. К этому времени, кроме милиции, мы имели поддержку со стороны «Союза рабочих и ремесленников» и со стороны союза «Букара», которым Щадилов роздал оружие, предназначенное Кирьяновым для вооружения реакционных союзов домовладельцев, шуро-и-исламовцев и дунган.

После целой ночи суждений мы наметили план: созвать 31 декабря митинг от имени милиции, на котором избрать начальником милиции Щадилова, и начать создавать Красную Гвардию. Начальником красногвардейского отряда решили избрать Безбородова.

Для отвода глаз казакам и думцам вопрос о Красной Гвардии официально в повестку дня не ставили, а решили начать митинг с мелких хозяйственно-бытовых вопросов. Тов. Меркуну поручили из толпы в ходе обсуждения вопросов внести предложение о создании народной дружины, распределили роли, кто и что должен делать по подготовке и проведению митинга.

В течение трех дней, остававшихся до митинга, мы провели подготовительную работу среди солдат гарнизона, милиции, «Союза рабочих и ремесленников» и с «Букарой».

Ночью под 31 декабря расклеили напечатанные на машинке объявления:

«Ввиду убийства начальника милиции и беспорядков

в городе милиция просит граждан г. Пишпека собраться 31 декабря 1917 года в 12 часов дня на митинг в Дубовом саду, на котором будет избран начальник милиции и разрешены другие неотложные вопросы».

Рано утром мы собрались на квартире т. Меркуна. Еще раз продумали, как провести митинг, договорились, кто и о чем будет говорить, и послали своих людей в союзы и на базар, чтобы больше собрать публики.

К 12 часам в Дубовом саду уже было полно народу, подошли фронтовики и члены союзов. В общем собралось около тысячи человек. Мы вынесли из квартиры Меркуна стол, который служил у нас трибуной, и Щадилов открыл митинг. Мы сразу же внесли предложение избрать председателем митинга Безбородова, а секретарем Бигеля. При этом Безбородова мы ввели в роль прибывшего из центра организатора. Собрание приняло ищи кандидатуры.

Митинг мы начали с вопроса о свинине, привезенной одним торговцем из Каракола в целях спекулятивной продажи и конфискованной Совдепом. Было решено продавать свинину по дешевой цене, под контролем Совдепа и не более 3 фунтов в одни руки. Это вызвало большое оживление среди собравшихся, и градом посыпались вопросы.

Щадилов поддерживал требования собравшихся и призывал к спокойному обсуждению вопроса. Этим он сразу завоевал доверие в публике. Когда мы подошли к выборам начальника милиции, Щадилов был избран без возражения. Насторожившиеся вначале казаки, которых к тому времени в городе оставалось уже немного, видя, что митинг идет тихо и спокойно, — решаются невинные вопросы, — успокоились и начали расходиться.

Когда стало видно, что собравшаяся публика на нашей стороне, тов. Меркун внес предложение о создании народной дружины из фронтовиков. Тут зашевелились казаки, оживились кулаки, баи и все контрреволюционные элементы.

Они засыпали Меркуна вопросами: «Для чего нужна дружина? С кем хотите воевать?» и т. д. Особенно яростно выступил казачий урядник Елизаров. Купцы и кулаки кричали: «Арестовать их, подлецов, это — большевики!». Я выступил и говорил, что нам дружина нужна не

для войны с казаками или с киргизами. Ни с кем воевать мы не собираемся. Рабочая дружина нам нужна для водворения порядка, для того, чтобы Кирьяновы не убивали невинных солдат, не чинили самосудов.

Моя речь получила одобрение участников митинга, и при голосовании наше предложение о создании народной дружины было принято. Безбородов был избран начальником рабочей дружины. И тут же на митинге в дружину записалось около 200 человек.

Дружинники разошлись с тем, чтобы завтра собраться у Совдепа. Мы пошли на свою конспиративную квартиру для обсуждения плана завтрашнего дня. А завтра, 1 января, предстояло заседание Совдепа для выборов нового председателя вместо Титова, выбывшего в Ташкент.

План большевистской группы был такой:

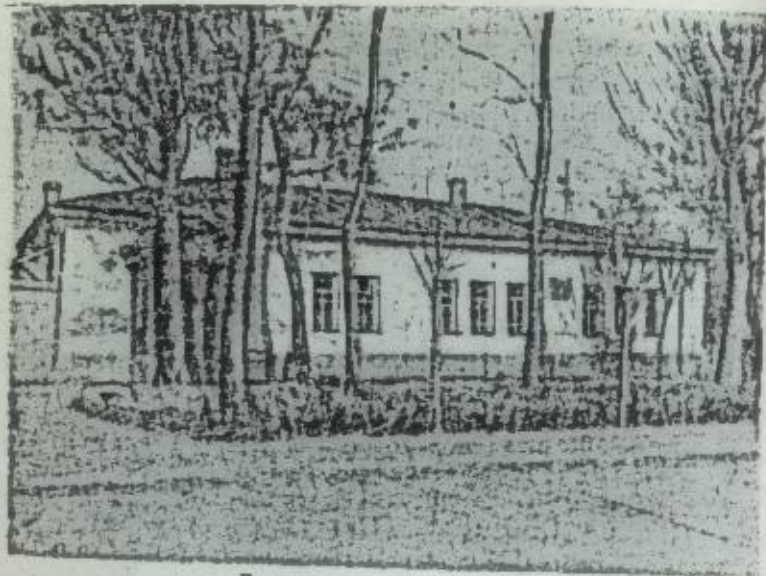
1. Добиться, чтобы заседание Совдепа было открытым, и к тому времени собрать дружинников и фронтовиков, привести отряд из более надежных милиционеров, собрать «Союз рабочих и ремесленников» и «Букару».

2. По предложению масс провести своего председателя и утвердить протокол митинга 31 декабря. Кандидатом на председательский пост был назначен я.

Когда мы выработали свой план, Городская Дума выработывала свой. Недаром мы после митинга были заняты вопросом, как держать себя, если нас сегодня же ночью арестуют, и решили говорить, что «мы не мы», друг друга не знаем и на митинг попали случайно.

Городская Дума далеко за полночь заседала. На этом заседании участвовали начальник гарнизона полковник Пяткин, председатель «Совета Союзов» Хохуля и председатель «Комитета общественной безопасности» Новаковский.

Первым долгом они вызвали Щадилова и потребовали объяснения, с чьего разрешения был создан митинг. При этом на него сыпались всяческие угрозы. Но Щадилову удалось втереть очки думцам и не только отвести угрозу, но снискать некоторое одобрение и доверие. Щадилов заявил, что митинга он не созывал. Кто расклеил объявления, не знает, его поставили перед совершившимся фактом уже собравшегося митинга. Не проводить его — значило бы привести толпу в бешеную ярость, могущую кончиться печальными последствиями. Поэтому, наперед

Бывшее здание Совдепа.

зная, что постановление митинга о выборах начальника милиции без утверждения Совдепа и Думы не закон, расставив по саду милицмейские посты, решил провести митинг, в результате которого удалось выявить состав большевистской организации, что даст возможность выловить их или арестовать на подпольном собрании.

После некоторого обмена мнениями думцы пришли к соглашению, что тактика Щадилова была правильной. Щадилов даже оставили на заседании Думы для разрешения второго вопроса, как быть с большевиками. Одни предлагали немедленный арест, другие призывали к благоразумию, доказывая, что провести арест сейчас, когда народ возбужден и находится на стороне большевиков, невозможно, да и материала обвиняющего нет.

После долгих споров решили: арест отложить, запросить мнение Шкапского и Иванова, провести следствие и собрать обвинительные материалы.

Щадилову поручили установить негласное наблюдение и слежку за большевиками. Щадилов следил за большевиками только не в пользу думцев. Он прямо с заседания Думы пришел на наше подпольное заседание и все рассказал нам.

С 10 часов утра 1 января 1918 года у здания Совдепа собрались отряды дружинников, не успевшие записаться в дружину фронтовики, члены союзов и т. д. Среди публики вели агитацию наши ребята, убеждая собравшихся избрать председателем Совета представителя большевиков.

Члены Совдепа, как никогда, собрались все и поджидали лишь некоторое время запоздавшего временного председателя Кудряшева.

Поздравив присутствующих с новым годом, Кудряшев открыл заседание Совдепа. Вопросы для обсуждения были предложены следующие: выборы председателя Совдепа и о митинге 31 декабря. Бурными аплодисментами было встречено открытие заседания и повестка дня.

Начались предвыборные речи.

Первым взял слово инженер Карлыханов. Он призвал Совет и присутствующих к избранию председателем человека с высшим образованием, который мог бы принести большую пользу Совету.

Вторым взял слово казачий урядник Елизаров. Полностью согласившись с речью Карлыханова, он подчеркнул, что нужно избрать инженера, а не кого-нибудь, и указал на кандидатуру Карлыханова.

Наступила моя очередь. В своей речи я сказал, что революцию делали не инженеры, а рабочие и крестьяне, и они должны заседать и управлять в Советах. Нам нужен председатель, заинтересованный в делах солдат, рабочих и крестьян. Власть Советов—это наша власть. Высшее образование каждый рабочий и крестьянин получит в самой работе Совета.

Председатель взял слово и с разрешения присутствующих начал оглашать имеющиеся у него кандидатуры. Он назвал кандидатуру Карлыханова. Из толпы под общее шумное одобрение прогремел голос Абрамова: «Это не наш, давай дальше». Карлыханов с вежливой растерянностью заявляет: «Я свою кандидатуру снимаю». В массах довольный смех.

Следующая кандидатура урядника Елизарова. Хор голосов: «Тоже не наш, — дальше!» Елизаров тоже снимает свою кандидатуру. Председатель заявляет, что список кандидатов исчерпан и просит выставить новых кандидатов. Произносится моя фамилия. Я выставил кандидатуру вернувшегося с фронта ефрейтора Купцова.

По результатам голосования председателем Совета был избран я. Кудряшев уступил мне председательское место. Началось обсуждение протокола митинга 31 декабря. Без особых возражений были утверждены пункты хозяйственного порядка и выборы Щадилова начальником милиции. Буря поднялась, когда дошли до создания дружины. С особенной яростью выступали Карлыханов и Елизаров. Большинством голосов был утвержден пункт о создании рабочей дружины. Пользуясь огромным подъемом трудящихся, собравшихся на заседание Совдепа, мы внесли и провели вопрос о признании Советской власти в Петрограде и Ташкенте и присоединении к ней.

В это время объявленный Советской властью вне закона консул Временного правительства в Китае Люба из Кульджи разослал разным организациям письма с призывом присоединиться к «Великой Сибири» (точное выражение в письме). Мы, узнав об этом письме, немедленно приняли меры к его конфискации, но было уже поздно: часть писем была вручена адресатам.

Ухватившись за это письмо, Городская Дума созывает 4 января 1918 года в мужской гимназии общее собрание по вопросу о присоединении к «Великой Сибири». Собрание было многолюдным. Прения были самые ожесточенные.

Чувствуя превосходство эсеровских сил, мы взяли тактику на срыв собрания и предложили провести в городе всеобщее голосование. Наше предложение прошло. Была избрана комиссия, которая выработала воззвание, отпечатала три записки с надписями:

- 1) Присоединиться к Центральному Правительству Российскому.
- 2) Присоединиться к «Великой Сибири».
- 3) Воздержаться до Учредительного собрания.

Каждому гражданину города были вручены эти записки, и он по своему выбору одну из них опускал в приготовленную урну.

Мы мобилизовали все свои силы и на каждом углу вели агитацию против Сибири за Советскую власть Петрограда.

Результатом было то, что «Великая Сибирь» прова-

лилась, а большинство воздержалось до Учредительного собрания.

После первого заседания Совета начальнику гарнизона полковнику Пяткину было предложено от имени Совета выдать народной дружине в количестве 500 человек обмундирование и оружие.

Только теперь буржуазно-эсеровские элементы реально почувствовали, что власть ускользает из их рук. Началась открытая борьба за власть. Полковник Пяткин сообщил требования Совета Хохуле, который на следующий день пишет Совдепу, что высшей властью в уезде является «Совет Союзов» и что Совет солдатских и рабочих депутатов должен свои решения представлять на утверждение «Совета Союзов». А вопрос о создании дружины «Совет Союзов» будет рассматривать на междуведомственном совещании. Городская Дума заявила, что вопрос организации дружины подлежит ее ведению. «Комитет общественной безопасности» заявил, что создание и вооружение дружины не может решаться без его согласия. Среди солдат управления воинского начальника буржуазно-эсеровские элементы повели бешеную агитацию против Совета. Воинский начальник приказом уволил меня с писарской работы Управления. Хохуля созывает междуведомственное совещание своих сторонников и отменяет решение митинга и Совдепа об организации дружины. Эсеры саботируют заседание Совдепа. Два назначенные заседания не состоялись за недостатком кворума.

Атмосфера сгушалась, но мы не терялись и своих позиций не сдавали. После созванного в третий раз заседания Совдепа мы провели заседание большевиков, но теперь уже не в конспиративной квартире тов. Меркуна, а в помещении Совдепа.

Из подполья мы вышли на свет. Обсудив положение дел и вопрос о том, что работу Совета надо поставить на большевистские рельсы, мы решили обновить Совет.

После длительных суждений по этому вопросу наметили следующий план действий: имея в виду, что депутатов в Совет могут посылать все организации, мы решили митинг 31 декабря назвать «Обществом 31 декабря» и от его имени ввести в состав Совета тт. Меркуна, Абрамова, Безбородова, Бигеля и еще несколько человек. Написали протокол от имени общества об избрании депутатов в

¹ Иные здание библиотеки им. Н. Г. Чернышевского (ред.).

Совет. Мы знали, что контролировать нас, кроме «Совета Союзов», некому, а народными контролерами над деятельностью учреждений на собрании 2 января были избраны наши же товарищи. В Совете мы начали укрепляться постепенно, вводя в него своих людей.

Бешеную травлю подняла против нас белогвардейская печать, называя нас самозванцами, наймитами и всякими бранными эпитетами.

Мы с каждым днем крепили, перед нами стал вопрос о выходе из рамок города, об объединении с крестьянским союзом и организации Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов.

В последних числах января¹ «Советом Союзов» был созван Пленум Крестьянского союза для обсуждения вопроса о продразверстке. Мы послали на Пленум своих представителей Меркуна и Безбородова с целью постановки вопроса о создании Совета рабоче-крестьянских и солдатских депутатов. По окончании обсуждения вопроса о продразверстке на Пленуме встал вопрос, кому поручить проведение принятых решений. Наши представители, воспользовавшись этим моментом, выступили с предложением, что выполнить это может только Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, в который должны объединиться Совдеп и Крестьянский союз. Против нашего предложения выступил Хохуля и его единомышленники. Они предложили Крестьянскому союзу создать свой Крестьянский Совет.

Пленум принял предложение Хохули и решил созвать на 21 февраля Уездный крестьянский съезд.

Обсудив создавшееся положение, мы решили предупредить созыв Крестьянского съезда созывом съезда Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов на 11 февраля. Разослали извещения по всему уезду. В селениях и аилах получилось замешательство, не знали, куда же посылать своих депутатов. И так как наш съезд был ближайшим по времени, к нам приехали делегаты от всех сел и аилов. Даже те делегаты, что были избраны на Крестьянский съезд, в большинстве попали к нам.

Хохуля узнал о созыве нашего съезда только в день его открытия. Он заявил одному из делегатов, что при-

¹ 28(15) января 1918 г. (ред.)

дет завтра, распустил съезд, как незаконный, и арестует тех, кто созвал съезд.

Но Хохуля просчитался: когда он пришел, президиум съезда даже не дал ему слова. В конце работы съезда Хохуля был арестован и выслан из пределов Киргизии.

Съезд, на котором присутствовали делегаты от каждого села и аила, от каждой городской организации, довел свою работу до конца. Работа съезда продолжалась в течение полумесяца. Основными вопросами, занимавшими внимание съезда, были: продовольственный вопрос, земельная собственность, признание Советской власти Петрограда и Ташкента.

Первый вопрос был вызван недостатком хлеба в городе. Город требовал хлеба, а кулаки задерживали его и не хотели давать. Хлебный кризис был вызван империалистической войной и колонизаторской политикой царизма, разорившими крестьянские хозяйства.

Вопрос земельной собственности, землепользования не мог вылиться в то или иное конкретное решение потому, что наш съезд по своему социальному составу был чрезвычайно разнородным: от рабочего, батрака до бая и кулака. Из представителей политических партий количественно преобладали эсеры.

Собственно, сам съезд-то нельзя было назвать съездом Советов, так как Советов в это время в селах и аилах или не существовало или они лишь назывались Советами, но ничего советского в их работе не было. Поэтому делегаты нашего съезда были избраны не Советами, а общими сельскими собраниями и без всяких конституционных правил и норм. Но съезд имел огромное значение, он был поворотным пунктом в организации Советской власти на селе и в аиле.

Съезд закончил свою работу избранием уездных исполнительных органов. Были избраны: президиум исполкома, уездный комиссар по административным делам и секции: нарсуда, промышленная, земельная, финансово-палоговая, продовольственная и военная.

Шаг за шагом мы отвоевывали свои позиции. После съезда мы очистили гарнизон и красногвардейский отряд от всех ненадежных элементов, пополнили его новыми силами, приходящими не только из города, но и из деревни и аила. Вся Красная Гвардия была вооружена и состав-

вила ядро будущего Пишпекского полка, храбро сражавшегося на фронтах с белогвардейцами.

Эсеровские элементы один за другим выживались с руководящих постов. Одно учреждение за другим переходило в наши руки. Перешла в наши руки почта и телеграф. Мы начали завязывать крепкие связи с деревней и анлом.

После организации Совдепа Президиум и секции приступили к работе. Работа была для нас новая и незнакомая. Большинство членов Совдепа были из селений, малограмотные и малоопытные. Но работать было нужно, и мы работали, как только умели, не за страх, а за совесть: одни организовывали Красную Гвардию, другие — милицию, третьи — продовольственные органы, четвертые — нарсуд и т. д.

Мы старались использовать все силы наших городских рабочих активистов, посылали их в самые опасные места, ставили нелегчайшие задачи, и товарищи с честью выполняли порученные им задания.

Желая узнать отношение старой интеллигенции города Пишпека к Советской власти, Совдеп через несколько дней после роспуска съезда и высылки Хохули из Киргизии, созвал их и предложил им влиться в наши секции по специальности, помочь нам в работе. После долгого толкования о методах советской работы большинство держало себя пассивно, так сказать «себе на уме». Некоторые несмело, боязливо критиковали и были уверены, что мы начали рубить дерево не по себе. Но нашлись и такие работники, которые давали трезвые советы — поддержать молодую Советскую власть и записывались в секции по своей специальности.

С первых же дней нашей работы нам понадобились деньги, но взять их было негде. Мы еще не имели в своих руках никаких доходных статей, тогда Совдеп обратился к председателю Уездной продовольственной Управы Васильеву, и он дал займы двадцать тысяч рублей. Затем мы взяли у ликвидировавшейся в то время Васильевской партии несколько тысяч снопов клевера, продали его и, таким образом, обзавелись средствами на первое время, а затем мы постепенно подчинили себе все учреждения, и жизнь стала входить в нормальную колею.

Не успели мы еще оформиться и ориентироваться как следует, не успели организовать в достаточном количестве Красную Гвардию, как контрреволюционное казачество станицы Кегетинской сделало нам вызов. Казаки отбили у киргизского анла, находившегося рядом, несколько тысяч баранов. Киргизы прислали своих уполномоченных с жалобой в Совдеп. Совдеп предложил казакам возвратить баранов. Но казаки не возвратили. Совдеп предъявил казакам ультиматум, что если они не возвратят баранов в трехдневный срок, то к ним будет послан отряд. Казаки игнорировали ультиматум, и Совдепу волей неволей пришлось прибегнуть к вооруженной силе.

Во главе отряда Совдеп послал начальника Красной Гвардии тов. Гончарова и членов Совдепа Абрамова и Безбородова, поручив им принять все меры к избежанию кровопролития. Это был наш первый поход, первое испытание нашей Красной Гвардии. Нашему отряду удалось без кровопролития выполнить поставленную перед ним задачу и вернуть баранов жителям киргизских анлов.

Первое время, работая в Совдепе, официально партийной фракции мы не создавали, а совещались по-прежнему и изучали членов Совдепа, чтобы легче было разобраться в нужный момент, кого мы можем завербовать в свою партию. Но жизнь шла вперед и требовала своего. К нам начали приезжать из Верного и из Ташкента представители по разным вопросам. В конце марта 1918 года из Ташкента приехал Н. Д. Луценко с полномочием организации партии большевиков. В нашу партию записались преимущественно члены «Союза рабочих и ремесленников».

2 апреля состоялось организационное собрание большевиков, избран городской комитет с председателем Ивановичным во главе.

В Совдеп дополнительно было введено несколько большевиков и была создана партийная фракция. Мы начали проводить заседания фракции и обсуждать вопросы Советского строительства.

Эсеры в свою очередь собирались на свои собрания. На каждом шагу они защищали кулаков и эксплуататоров, срывали мероприятия нашей партийной организации. Так, например, в августе 1918 года был призыв

на службу запаса нескольких возрастов. Беловодчане под влиянием эсеров возбуждали призываемых, которые потребовали вооружить их на месте с тем, чтобы расправиться с Советской властью. Беловодские кулаки готовили мятеж с самого возникновения Советской власти, но маскировались. Беловодский участок был населен в большинстве своем кулаками. Продразверстка, хлебозаготовка, мобилизация лошадей для фронта, ликвидация частной торговли задевали богачей, вызывали их яростное сопротивление. Кулаки старались возбудить массу крестьян против Советской власти. Атмосфера сгущалась, и достаточно было одной удачной искры в подходящий момент, чтобы получился взрыв. И момент этот представился. К осени 1918 года партия «левых» эсеров встала на путь открытой вооруженной борьбы против Советской власти. В ноябре 1918 года на областном съезде обеих партий в г. Верном был поставлен вопрос о ликвидации партии «левых» эсеров.

Получив об этом телеграмму из Верного, мы созвали конференцию обеих партий в Пишпекке, где была зачитана телеграмма и предложено сочувствующим нам эсерам влиться в нашу партию. Партия «левых» эсеров была объявлена ликвидированной, и члены ее, занимавшие ответственные посты, были заменены коммунистами. «Левые» эсеры использовали подходящий момент, уход нашего красноармейского отряда на Северный фронт и, рассчитывая на поддержку сибирских белогвардейцев, в декабре 1918 года подняли контрреволюционный мятеж.

6 декабря вечером из Беловодска было получено донесение о незаконных собраниях эсеров, заговорах и военных приготовлениях. Мы послали в Беловодск небольшой отряд красноармейцев под командой тов. Сухомясова в помощь милиции для восстановления порядка, а 7 декабря утром в Беловодск была командирована комиссия для расследования и упорядочения дела на месте. По пути к Беловодску она увидела группу молодых людей верхом и пешком, направляющихся в село Беловодску. При въезде автомобиля в село Садовое комиссия узнала о начале мятежа и была вынуждена возвратиться в Пишпек.

По возвращении нашей комиссии под 8 декабря были подняты все имеющиеся в Пишпекке военные силы—ми-

лиция, коммунисты, члены «Союза рабочих и ремесленников» и «Букары». Под командой военкома Нагибина и помощника его Денисюка отряд был отправлен в Беловодск.

Мы сообщили о мятеже в гг. Верный, Каракол, Тоқмак, послали извещения во все наши партиячки в селах, а так как связь с Ташкентом по телеграфу была невозможна, то в Ташкент были посланы разными путями на лошадях Луценко, Александрович, Сафянц и Нигматуллин с донесением. Был организован военно-политический штаб, в который вошли: прибывший из Верного председатель Облсполкома Быков, лидер партии большевиков Иванцын, военком Нагибин и другие. Началась вербовка добровольческих отрядов, организовали отряд Красного креста под руководством доктора А. П. Яковлева.

8 декабря была получена телеграмма из Беловодска за подписью Благодаренко следующего содержания: «Признаются ли Пишпекским Совдепом «левые» социал-революционеры за одну из доминирующих партий?».

Посоветовавшись с т. Иванцыным, мы решили выиграть время и повести переговоры. За моей и Иванцына подписью послали в Беловодск следующий ответ: «Идейных» «левых» эсеров признаем, а для переговоров с вами высылаем делегацию в составе тт. Меркуна, Шитуня и Никитенко».

На эту телеграмму мы ночью получили ответ Благодаренко следующего содержания: «Поскольку вы признаете социал-революционеров «левых», мы признаем Советскую власть и вышлем наших представителей для переговоров». Но 9 декабря главарь Беловодского мятежа по прямому телеграфному проводу предъявили нам следующие требования:

1. Признание партии «левых» социал-революционеров.
2. Освобождение арестованных за политические убеждения.
3. Выделение Беловодского участка в автономный уезд.
4. Вывод отряда Красной Армии из Беловодского участка.

На эти требования мы ответили: «По 1 пункту: вам уже сообщено телеграммой о признании «левых» социал-революционеров и от вас получен ответ, по 2 пункту:

у нас арестованных нет, так как амнистия 7 ноября освободила всех политических, по 3 пункту: выделение из уезда вовсе не требуется, и мы сойдемся мирным путем, по 4 пункту: раз военных действий не будет, то красноармейцы будут выведены. Таким образом, все вопросы улаживаются, и просим выслать мирную делегацию утром следующего дня».

В переговорах с мятежниками по прямому проводу мы предложили, чтобы 13 декабря в 11 часов утра их штаб вышел за свою цепь в условленное место, между нашей и их цепями, куда прибудем и мы, разрешим все вопросы, подпишем мирные условия и чтобы с утра ни они ни мы огонь не открывали. Мятежники согласились, и мы дали распоряжение до нашего приезда огня не открывать.

13 декабря в 9 часов утра мы отправились на фронт. Стрельбы как с нашей, так и с их стороны не было. В нашем лагере надеялись на благополучный исход переговоров. Дождавшись условленного времени, мы вышли за наши окопы и пошли на место, которое было на бугре, и оба фронта с него были видны, как на ладони. Бугор этот был выше расположения штаба наших отрядов и до него нам пришлось идти порядочное расстояние.

Как только мы показали на бугре и выбросили условный знак, по нас была открыта стрельба. Мы упали в снег и свалились за бугор. Сначала мы подумали, что это недоразумение, но оказалось, что стрельба началась по всему фронту, и наши красноармейцы стали отвечать. Мы ползком и перебежками, с риском для жизни, вернулись в наш штаб. Переговоры были сорваны по вине мятежников. Начался бой.

В это время мы получили донесение, что в Пишпекке со стороны гор появился отряд беловодчан и занял казарму. К нему присоединились городские дунгане, и таким образом, вся западная часть города оказалась занятой противником и наш Военно-Антоновский участок окружен. Оказалось, что мятежники, пользуясь нашим миролюбием, туманной ночью послали свой отряд под командой Агафонцева в глубокий обход горами и напали на казармы. Вот как описывает этот момент один очевидец в «Пишпекском листке» 17 января 1919 года в статье «Выдался денек».

«13 декабря 1918 года в первом часу дня я был в штабе Пишпекского батальона, где отправлял на Военно-Антоновский фронт разного рода имущество, снаряжение и обмундирование. Малочисленный гарнизон города в это время обедал. Тов. Багунов выкрикнул ошелмляющую фразу: «Беловодчане прорвали фронт». Я не поверил и ответил, что это—провокация. Когда я выбежал на улицу, то увидел скачущих бешеным галопом всадников в кожных, примерно человек 300.

С полсотни всадников спешили, ворвались в казарменную ограду, а остальные открыли огонь по казармам. Несмотря на неожиданность нападения, красноармейцы быстро опомнились и в свою очередь дали по мятежникам несколько залпов и этим приостановили захват казармы мятежниками.

Всю ночь была перестрелка. Мы были осаждены со всех сторон. Красноармейцы с ног сбились, защищая каждое окно и каждую дверь. В казармах было около 150 человек, вооруженных только 60-ю берданками, тогда как мятежники численностью были в два раза больше и почти все вооружены.

В один момент 15 человек мятежников все-таки проникли в казарму, но были все перебиты нашими красноармейцами.

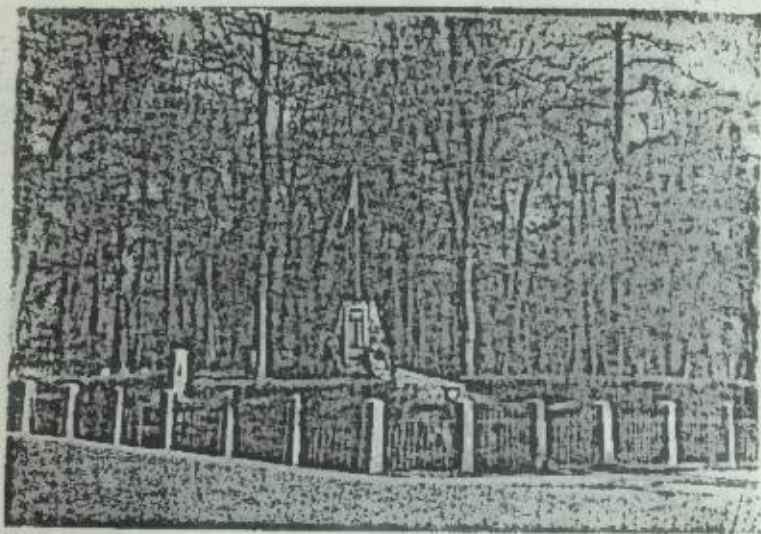
К утру перестрелка стихла, и мятежники оставили казарму, ушли в Дунгановку. Много было убитых мятежников. На дворе валялись их трупы и трупы лошадей. У нас тоже были потери: 7 убитых, 7 тяжело раненых и 2 легко.»

Выдержав натиск беловодчан, который был особенно ожесточенным в этот день и следующую ночь, наш отряд решил оставить оборону села Военно-Антоновки и отступить в Пишпек, что было сделано 14 декабря, днем.

В то время были получены сведения о выступлении из Верного и Каракола отрядов нам на помощь. Мы, организовав оборону, поджидали эти отряды.

Беловодчане перенесли свой штаб в Дунгановскую часть города, укрепились там и начали разыскивать коммунистов, арестовывать их, предавать мучительным пыткам и казни.

Отряды из Верного и Пржевальска двигались очень медленно, и когда, наконец, Верненский отряд прибыл в

Памятник погибшим красногвардейцам в Дубовом парке г. Фрунзе.

Пишпек, то никаких мер принимать не стал. В нем начались митинги. Несмотря на наши просьбы помочь нам отеснить повстанцев за город, они бездействовали и нам не только не помогали, но, наоборот, мы вынуждены были оторвать часть нашего внимания от повстанцев и обратить на Верненский отряд, чтобы последний не ударил нам в спину. Пржевальский отряд был еще далеко.

Мятежники разослали своих агентов во все окрестные селения для подготовки повстанческих отрядов, которые окружали бы нас со всех сторон.

Главное внимание ими было обращено на пути нашего сообщения с г. Верным—на Чуйский участок, куда они направили даже свой командный состав. Но так как в селениях Георгиевском, Касыке и Успенском у нас была надежная охрана тыла в лице Зачуйского добровольческого отряда под командованием Петра Илющенко, который сумел удержать эти села в подчинении Советской власти, план мятежников окружить Пишпек со всех сторон не удался, и наш главный путь между Пишпеком и Верным был свободным. Мы получали из Верного оружие и боевые припасы, что давало нам возможность вооружать новые отряды.

Командующий войсками области Емелев велел держаться до прибытия Пишпекского отряда т. Логвиненко, снятого с Северного фронта, который двигался очень быстро и давал нам сведения о себе с каждой станции, и поэтому нам был известен каждый шаг его движения.

26 декабря отряд Логвиненко в полдень вступил в Пишпек и был встречен с музыкой. К этому времени прибыл из Верного Емелев, который лично принял руководство боевой операцией. Вечером того же числа он собрал всех командиров отрядов и отдал приказ—27 декабря утром ударить по мятежникам, причем Верненский отряд, как неблагонадежный, был взят под особое наблюдение, а все ответственные операции были поручены Первому Пишпекскому Советскому полку под командованием Я. Н. Логвиненко.

Распределив между командирами участки, Логвиненко дал всем боевые задания с таким расчетом, чтобы ранним утром 27 декабря обстрелять из батареи и ударить по главным силам мятежников, охватив одновременно их фланги с обеих сторон. Распоряжения Логвиненко были выполнены в точности. После упорного сопротивления, видя, что с обоих флангов им отрезают пути отступления, мятежники не выдержали лихого натиска красных отрядов и обратились в паническое бегство.

После поражения главари мятежа скрылись куда-то, армия их растаяла и к 1 января все военные действия были закончены. Наши отряды возвратились в Пишпек. 1 января мы сделали торжественные похороны наших павших товарищей на братской могиле среди Дубового сада.

Так боролись трудящиеся Пишпека и уезда за Советскую власть в годы Октябрьской революции и гражданской войны.

СТРАНИЧКИ ИЗ ПРОШЛОГО

Вскоре после восстания шестнадцатого года мы были мобилизованы на рытье Чуйского канала. В то время там работала Васильевская партия (Чуйское управление оросительной системы). Сюда стекались рабочие железнодорожники и городские ремесленники. Все они после Февральской революции были объединены в один союз ремесленников, во главе которого был эсер Кудряшев. Здесь-то я впервые и встретился с большевиком Алексеем Иванецким, работавшим монтером по оборудованию механических мастерских. Иванецки все называли дядей Алешей, а меня он прозвал Николаем. Алексей Илларионович был внимательным, душевным товарищем.

В один из весенних дней 1917 года наш дядя Алеша был особенно весел. Он посвистывал, посмеивался весь день. Этот день действительно был каким-то необычным. Начальников своих мы не видели и были предоставлены сами себе. Иванецки подошел ко мне, похлопал по плечу и говорит: «Давай, Николай, закурим», а потом и спрашивает: «Как ты думаешь, куда наше начальство разбежалось?» Я недоумеваю и посмотрел на него. А он засмеялся и говорит: «Царя ведь теперь уже нет, мы должны сами быть хозяевами, понимаешь? Поедем с тобой в город и там будем работать».

Хотя царя и не стало, но власть была в руках Вре-

менного правительства, которое стояло на страже интересов богачей. Алексей Илларионович стал нас просвещать, учить борьбе за Советскую власть. Мы собирались группой тайно, надо было вести агитационную работу среди киргизской бедняцкой массы, поднимать ее на борьбу за Советы.

Я напоминал тогда ученика, который учится из букв складывать слоги, а потом—слова, но мне было ясно одно—власть должна быть в руках бедного люда. И мне было поручено Иванецким разяснить массе то, что знал и во что верил он сам. Вот мои первые робкие революционные шаги.

Примерно в августе 1917 г. в селе Чала-Казак (теперь Кызыл-Аскер) в доме печника Гордова созвал я бедняков на тайное собрание. Здесь мы разясняли собравшимся, что Временное правительство защищает интересы богачей, оно не внесло никаких улучшений в жизнь бедноты. Народ был неграмотным, плохо знал причины своего бедственного положения. Но чутьем ощущал нашу правоту и крепко верил в нее.

В ноябре нам удалось созвать второе собрание бедноты. На этом собрании мы писали листовки о передаче власти Советам с призывом: «Долой буржуазное правительство! Но, видимо, кроме бедноты на собрание к нам пробрался кто-то из предателей, потому что сразу же после собрания явились казаки и по распоряжению «Комитета общественной безопасности» я был арестован. Впоследствии мне рассказывали товарищи, что они в составе тридцати человек подали в «Комитет общественной безопасности» заявление с протестом против моего ареста. Просидел я в тюрьме до января 1918 года, т. е. до установления Советской власти в Пишпекке. Судя по переписке «Комитета общественной безопасности», меня должны были выселить из села Чала-Казак.

В ноябре 1918 года стало известно, что эсеры ведут подготовительную работу среди кулачества за поднятие в Беловодске контрреволюционного мятежа.

Для подавления этого мятежа в гор. Пишпекке были срочно организованы отряды. В отряде, организованном из бедноты селения Чала-Казак, начальником которого являлся я, было около 30 человек. Среди них было много

русских. Начались бои. Силы врагов имели большое превосходство, и нам пришлось бы очень туго, если бы не отряд под командованием Петра Даниловича Джуры. Он оказал нам большую помощь.

В этих боях наш отряд потерял Гришу Глушкова, Монтия Степаненко и других наших боевых товарищей, фамилии которых я уже не помню.

В связи с войной и мятежом в городе создалось тяжелое положение. Население голодало, отряды нуждались также в систематическом снабжении продуктами. И вот «Союз рабочих и ремесленников» по поручению Совета открыл пекарню, продовольственный магазин, который находился в том месте, где сейчас центральная сберкасса. Для закупки хлеба и скота правлению союза было отпущено 90000 рублей. Закупки производились по загорным волостям. В ведение союза входила мельница, кожевническая мастерская. Большую роль сыграл этот союз во время подавления Беловодского мятежа, снабжая продовольствием отряды бойцов Красной Армии.

В 1919 г. я принимал участие в работе комитета по оказанию помощи беженцам из Китая. В Пишпекке имелись два пункта: около пивзавода и на Ат-Башинской улице (ныне ул. Молодая Гвардия). Сюда привозили ослабленных детей и их родителей. Такие пункты были созданы в Токмаке, Пржевальске, а также в селениях и ашлах уезда.

Большую помощь большевикам по организации бедноты оказал союз «Букара», состоявший из киргизов, татар и др. национальностей.

Перебирая в своей памяти моменты прошлого, невольно вспоминаешь боевых товарищей, сложивших свои головы за Советскую власть. Из киргизов большевиков на меня произвел большое впечатление Тавалды Жукеев (Пудовкин—последняя его партийная кличка). В 1924 г. он вернулся в Киргизию. Жукеев рассказал нам очень много о Ленине. Он говорил: «Надо крепко оберегать и защищать свою Советскую власть, она завоевана кровью народной. Теперь самим нужно строить свое будущее». И действительно, мы отстаивали свою родную власть, мы не дали её в обиду. Проискам врагов мы дали сокрушительный отпор.

Н. Д. ГОЛУБЬ

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СОБЫТИЯ В ПИШПЕКЕ в 1917—1921 гг.

К моменту победы Февральской революции Пишпекский уезд находился в тяжелом положении. Главные отрасли экономики—земледелие и скотоводство—в результате колонизаторской политики царского правительства пребывали в крайне запущенном состоянии. Сильно было подорвано сельское хозяйство в период восстания 1916 года. Во время подавления восстания и бегства в Китай киргизский народ потерял большую часть имущества, скота. В таком же положении находилось и русское трудовое переселенческое крестьянство, значительная часть которого не имела земли, а некоторые русские села также сильно пострадали в период восстания.

Мелкая кустарная промышленность в городе и в уезде находилась в состоянии упадка. Рабочих этих предприятий душили продовольственный кризис и дороговизна. Всюду наблюдалась хозяйственная разруха, приостановить которую могли только решительные революционные меры.

В начале марта 1917 года стало известно о победе Февральской буржуазно-демократической революции в Петрограде.

10—11 марта на городской площади Пишпека, около собора (где ныне Музей изобразительных искусств), проходил митинг. Было сообщено об отречении от престола царя Николая II, о демократической свободе. Народ тор-

жестовал и многого ожидал от революции. Вскоре был сформирован «Исполнительный комитет» Временного буржуазного правительства, в состав которого вошли русская буржуазия и киргизская феодальная знать. В то же время организовался Совет солдатских депутатов, а впоследствии Совет рабочих и солдатских депутатов. В составе Совета рабочая прослойка была малочисленна. Основную массу депутатов составляли солдаты из 243-й Самарской дружины, 16-й горно-стрелковой батареи, казачьих сотен и интеллигенция города Пишпека. Последняя играла руководящую роль в Совете.

С момента организации и до января 1918 года деятельность Советов в чем-либо существенно не проявлялась, ибо власть в основном находилась в руках Временного правительства, а депутаты Советов в лице меньшевиков и эсеров полностью поддерживали действия Временного буржуазного правительства. Руководящий состав Совета всячески скрывал от населения сообщения о событиях, происходивших в Петрограде, Ташкенте и других городах. Массы узнавали о революционных событиях через солдат-фронтовиков и из личных писем.

В связи с тем, что участились открытые выступления против Временного правительства и усиливалось недовольство масс, Городская Дума в июле 1917 года вынесла решение об организации в Пишпекке «Комитета общественной безопасности». Репрессивные меры этого комитета не могли приостановить революционизирования трудящихся масс, ибо они убеждались на собственном опыте и примере рабочих центральных областей в необходимости выступать против буржуазного правительства.

Примерно к ноябрю 1917 года в городе Пишпекке собралось около 300 солдат-фронтовиков, часть которых была из Пишпекского, Пржевальского и других уездов. Именно к этому времени относится начало сильного брожения среди депутатов Совета. Солдатские депутаты сблизились с депутатами из прослойки местных трудовых масс и совместно стали выдвигать требование о передаче всей власти Советам и установлении связи с Ташкентом.

Большевистская группа в Пишпекке объединилась вокруг старого революционера-большевика А. И. Иванницына. Агитационно-разъяснительная работа этой группы

и возвращавшихся солдат-фронтовиков способствовала большевизации трудовых масс.

В октябре—ноябре 1917 года в Пишпекке большевики стали открыто выступать против Временного правительства. Подпольная группа большевиков, состоявшая тогда из небольшого ядра коммунистов (Иваницын, Меркун, Швец-Базарный, Бигель), имела поддержку со стороны трудящихся масс всех национальностей. В числе её агитаторов был киргиз Омахан Масадыхов, который за агитационную работу среди киргизов был посажен Временным правительством в тюрьму и выпущен только с установлением Советской власти.

Нараставшая революционная активность народных масс заставила городскую власть насторожиться. Городская Дума решила вывезти в город Верный оружие, имевшееся на складе крупного торговца Мирзабаева. Благодаря бдительности подпольной группы большевиков это оружие было возвращено в город Пишпек. На другой же день были вооружены самые надежные члены «Союза рабочих и ремесленников», которые явились первым боевым ядром будущей военной дружины города Пишпека.

После этого большевистская группа разработала меры к взятию власти, для чего было намечено созвать городской митинг в воскресенье, 31 декабря 1917 года.

Накануне в городе были расклеены объявления, в которых трудящиеся призывались на митинг для обсуждения неотложных вопросов: о выборе начальника милиции, об установлении в городе порядка, обеспечивающего интересы народа.

Митинг состоялся в назначенное время. На нем присутствовали рабочие строительства Чуйской оросительной системы, кожзаводов, мельниц, солдаты-фронтовики, милиционеры, члены союза «Букара» и другие. Начальником милиции был избран поддерживающий большевиков Г. Д. Щадилов. Была также создана «Народная дружина», а в Совет были избраны представители от большевистской группы.

1 (14) января 1918 года состоялось заседание Совета, на котором разгорелась острая борьба. Большевики и эсеры выступали за присоединение к белогвардейскому

«Сибирскому правительству». Депутаты от большевистской группы требовали немедленного присоединения к Ташкенту и Петрограду, где установилась Советская власть. Это предложение было поддержано присутствовавшими на заседании трудящимися города. Заседание избрало новый состав Совета.

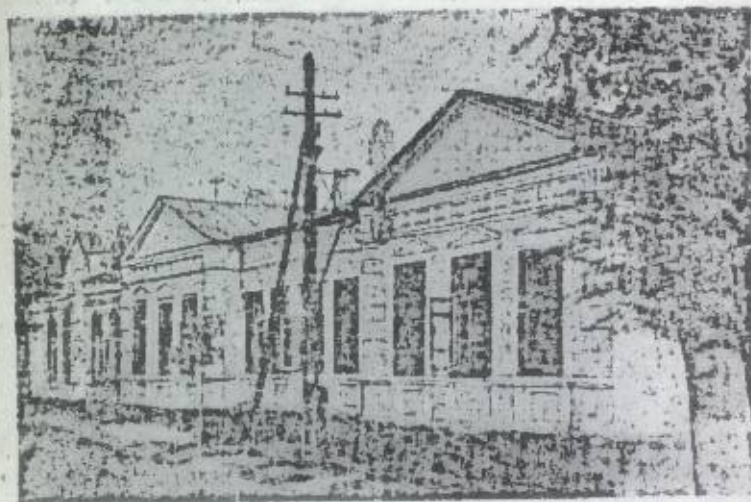
После свержения Временного правительства эсеровская и меньшевистская партии стали разваливаться. Часть бывших эсеров примкнула к Советской власти, а часть ушла в контрреволюцию, стала готовить мятежи и заговоры против Советов. Меньшевики же вообще большой роли не играли и быстро сошли со сцены.

Зато партия большевиков росла и крепла с каждым днем. Ее лидер, Алексей Илларионович Иващенко, рабочий ЧУПРа, был, как нам известно, с дореволюционным партийным стажем, состоял в социал-демократических кружках, был знаком с подпольной марксистской литературой.

Первый съезд Советов собрался 11 февраля 1918 г. в доме управляющего сельхозшколой (ныне ул. Первомайская и им. К. Маркса). Съезд проходил под влиянием большевиков. Ни с чьей стороны серьезных препятствий работе съезда не было, если не считать выступления начальника переселенческого управления Хохули, который требовал закрытия съезда на том основании, что недавно в Верном проходил Областной крестьянский съезд, правомочный создавать органы власти на местах. Его просто выгнали.

Съезд принял предложение передать всю полноту власти в руки Советов; уездный Совет именовался «Совет Народных депутатов». В составе Совета были организованы комиссии: земельная, торгово-промышленная, военная и др., которые положили в основу своей работы вышедшие к тому времени и широко распространенные декреты Совнаркома РСФСР. На съезде был представлен наиболее передовой отряд фронтовиков, который уже прошел азбуку большевизма на фронтах, а потому и решения его были большевистскими.

Съезд избрал уездный Совет Народных депутатов. Были учреждены ревтрибунал, следственная комиссия, Совнархоз, Совет народного образования, земельная комиссия и т. д. Председателем Совета был избран Швец-

Бывшее здание Угоркома.

Базарный, а его заместителем, или, как его тогда именовали, товарищем председателя, — Н. С. Абрамов. Вся работа Совета 1-го созыва была направлена в основном на организацию советских учреждений. Формирование батальона Красной Гвардии было поручено Я. Н. Логвищенко.

В Пишпекке 2 апреля 1918 года состоялось организационное собрание, положившее начало существованию большевистской организации Пишпекка. Помнится, в апреле 1918 года Комитет партии большевиков помещался в бывшем «Общественном собрании», где теперь типография № 2, и имел вывеску, на которой по голубому фону черными буквами было написано: «Российская социал-демократическая рабочая партия (большевиков)».

Одновременно существовала партийная организация и в Токмаке, одним из руководителей которой был Ф. С. Дубовицкий. В то же время в Токмаке была очень сильная эсеровская партия, которая в 1918 г. добивалась выделения Токмака в автономный уезд. В селениях Беловодском и Ново-Троицком партийные ячейки возникли вскоре после организации их в Пишпекке, во всяком случае не позже июля 1918 г. Членом Беловодской партий-

ной организации состоял мировой судья Карпов, большевик-интеллигент, что было в то время большой редкостью, а в Ново-Троицком—волостной писарь Комаров.

Количество коммунистов, членов волостных комитетов и ячеек в уезде определить было трудно, так как учет коммунистов не велся даже в уездно-городском комитете партии. Здесь имелся лишь список городских коммунистов. Сельские же коммунисты совершенно не учитывались. В сельских партийных организациях так называемые «лидеры» партии имели свои списки.

В этом же здании, где помещался комитет партии, проходили партийные конференции, съезды Советов. Много здесь произнесено пламенных речей и принято разных решений. Здесь была ликвидирована партия «левых» эсеров и заседал штаб по ликвидации Беловодского мятежа. От этого здания ушли на фронт мобилизованные коммунисты с тем отрядом, который сыграл большую роль в ликвидации Северного фронта. Здесь росли люди, формировались большевики.

Второй съезд Советов был созван в августе 1918 г. и проходил в кинотеатре «Эдиссон». На этом съезде уже было две фракции—большевиков и «левых» эсеров. Большевики заняли левую половину зала, эсеры—правую. По сторонам президиума, словно прокурор и адвокат в суде, заняли места лидеры фракций: слева—Иваницын, справа—Агафонцев. После доклада Швец-Базарного начались прения. Эсеры нападали, большевики защищали деятельность Совета. Среди эсеров было много людей интеллигентного труда, уже с навыками выступать на собраниях. Это прежде всего сам Агафонцев, фельдшер Рыбчик, почтово-телеграфные чиновники Муранов и Трясин, бухгалтер Шепелев и другие.

В это же время из Ташкента была получена телеграмма о мобилизации нескольких возрастов в армию, без классового отбора. Не обдумав как следует этого вопроса, разослали директивы на места. Реакция на мобилизацию была изумительная: чуть ли не на следующий день Дубовый парк, где проходил съезд, заполнен воинственно настроенными людьми из числа богатеньких, подлежащих мобилизации. Они явились без вещей, пришли требовать оружия не для защиты Советов, а для их разгона. Эсеры воспряли духом, выступления их стали наглее.

«Вот наша армия»,—кричали они. Атмосфера еще больше накалилась. Ждали всего, а потому батальон красноармейцев был поднят по команде «В ружье!». Большевики—делегаты съезда—перешли на ночь в казармы и были вместе с красноармейцами настороже.

Однако эсеры выступить открыто не посмели. Мобилизация была отменена, и съезд перешел к выборам. Произвести выборы путем голосования было нельзя, так как каждая фракция голосовала только за своего кандидата. Поэтому решили предварительно поделить «портфели» между фракциями, а затем каждая фракция подбирала кандидатов, и они просто согласовывались на съезде. Несмотря на воинственную демонстрацию со стороны прибывших по мобилизации кулаков и подавляющее большинство эсеров на съезде, большевики стояли больше мест в Совете и стали руководителями большинства Комиссариатов.

Трудно сказать точно, но приблизительно так были распределены «портфели» в Совете 2-го созыва: должности председателя, его заместителя, секретаря, военного комиссара, уездного комиссара, начальника милиции, заведующих земельным отделом, народного образования, совнархоза, следственной комиссии (потом «ЧК») и места в городской коллегии были заняты большевиками. Посты зам. председателя, зав. отделами здравоохранения, продовольствия и социального обеспечения достались эсерам. Члены Совета «без портфеля» тоже постоянно оставались в Совете и в течение всего дня заседали под председательством одного из заместителей. Вся почта поступала на это заседание, каждая бумажка зачитывалась, обсуждалась, и решение заносилось в протокол, а выписки рассылались по адресам.

Если на уездном съезде Советов в Пишпекке две фракции представляли собой два полюса, то на областном съезде, который собрался вскоре в гор. Верном, произошел такой случай: эсеры пересели на скамьи фракции большевиков и объявили о своем переходе к большевикам. Об этом была получена телеграмма из Верного. Эта телеграмма была основанием для ликвидации партии «левых» эсеров. Решено было создать объединенное собрание, на котором вопрос поставлен был так: «Кто с нами—приглашаем в свои ряды, кто против—убирайся с

дороги. Существование двух партий—не допустим». Собрание состоялось в том здании, о котором говорилось выше. После доклада Швец-Базарного, в котором поведение фракции эсеров в Совете было названо как вставление палок в колеса, тон прениям задал столяр пожарной команды Трушин. Он первый заявил о своем переходе к большевикам. «Я считал,—говорил он,—что большевики какие-то особые люди, а это, оказывается, Иванцын, Швец-Базарный, Абрамов, Меркуи, такие же рабочие, с которыми я рядом стоял за верстаком.» Запомнилось выступление крестьянина села Прохладного—Метальникова. Это был крупный старик, с пышной бородой. Речь его была приблизительно такова: «Кто такие большевики? Это рабочие; они сделают плуг, борону, серп и косу, я землю обработаю и им хлебушка дам. Зачем нам две партии, дорожка-то ведь у нас одна». Выступал и один из эсеров. Он не говорил ни об объединении, ни о сохранении двух партий. Его речь сводилась к тому, что все надо сделать иначе, машину перестроить и... «смазать ее маслом». Эсеры думали о свержении Советской власти и в качестве «смазочного» готовили Беловодский мятеж. Конечно, не случайно, что ни один из будущих вожаков этого мятежа на собрание не явился. Единогласным решением эсеровская партия официально была ликвидирована.

Вскоре было второе собрание, на этот раз в кино-театре «Эдиссон», на котором шел прием в партию бывших «левых» эсеров. Такие люди, как Трушин, прошли без особых возражений, но когда перешли к лицам из эсеровской верхушки, то прения были очень остры, их принимали с большим разбором.

После этих собраний в Совете осталась одна—большевистская фракция. Была перестроена работа Совета, избрали Исполнительный комитет, упразднили дневные заседания. Вопросы, требующие коллегиального решения, рассматривались по мере накопления на собраниях Исполнительного комитета. Свободные члены были отпущены по домам, расходы уменьшились.

В июле 1919 года состоялись сначала партийная конференция, а затем и 3-й съезд Советов. Был избран уездно-городской комитет партии, председателем которо-

го был избран П. Е. Соловьев. Соловьев много сделал по организационному укреплению и оформлению парторганизации уезда.

Под руководством Угоркома партии укреплялись и налаживались органы Советской власти, изживалась партизанщина и устанавливалась революционная законность.

В период с 1918 по 1920 годы основное внимание партийных и советских органов Пишпекского уезда, да и всей Семиреченской области, было направлено на преодоление сопротивления врагов и укрепление позиции Советской власти. В условиях острейшей классовой борьбы ежегодно возникали кулацкие мятежи, и до марта 1920 года шла борьба с белогвардейцами на Семиреченском фронте.

Важнейшим хозяйственным вопросом в условиях Киргизии был земельный вопрос, а он требовал для своего разрешения серьезной подготовки, ибо противоречия по земельному вопросу были очень острыми. Между русскими «старожилками», прибывшими в Киргизию в 80-х годах прошлого столетия и успешными крепко обжиться до кулацких хозяйств, и «новоселами», переселившимися в начале XX века, шла вражда. Новые населенные пункты, как Полтавка, Романовка, Военно-Антоновка, Ново-Павловка и их наделы земли вклинивались между старыми селами, ограничивая их земельные просторы.

Влиятельной бай-манапской верхушкой и «старожилками»-кулаками раздувались противоречия между киргизами и русскими.

Обострялись противоречия между беднотой и богачами той и другой национальностей. Все эти противоречия были так или иначе связаны с земельным вопросом. Они вскрывались и разъяснялись инструкторскими аппаратами Угоркома и Уисполкома. На 1-м съезде Советов земельная комиссия в своем положении записала большевистский принцип: «Земля принадлежит тому, кто трудится на ней». В русских селах прошел передел земли по едокам, запрещены аренда земли и наем батраков. Это продолжалось до НЭПа.

Крупных земледельческих хозяйств помещичьего типа в Пишпекском уезде не было. Городская буржуазия и чиновники имели в разных местах земельные участки в

20, 40 и даже 100 гектаров, именуемые заимками. Деревенские кулаки арендовали земельные наделы бедняков своей деревни и, главным образом, киргизов. Арендные сделки совершались обычно весной, когда запасы на исходе, а потому арендная плата была крайне низка, до рубля за десятину, а бывали случаи и за булку хлеба. Скотоводческие хозяйства как у русских, так и у киргизских богатеев были крупные. В 1906—1910 годах из Ставропольской губернии в Пишпекский уезд переселилась группа скотоводов, у которых был породистый скот: английские и донские лошади, крупный рогатый скот астраханской породы и овцы мериносы, рамбулье. Эти хозяйства имели от 100 до 300 лошадей, 200—300 голов крупного рогатого скота и от 100 до 3000 овец. Были крупнейшие скотоводы-киргизы, как например, Ашир-Султан и Галий Узбеки. Количество скота, находившегося у них во владении, они, вероятно, и сами точно не знали. Факт тот, что при перегонах скота на пастбища, скот владельца шел неделями.

Конфискация крупных хозяйств кулаков и баев в то время не проводилась, а ограничения кулацких и байманапских хозяйств велись с первых же дней. Дело в том, что финансовое положение Совета было очень тяжелым. Царские денежные знаки исчезли еще до перехода власти к Советам. «Керенки» исчезли весной 1918 г., и пошли в ход вместо денежных знаков облигации оборонных займов Временного правительства. В Верном Обл-исполком начал выпускать очень примитивные знаки, с бедным рисунком, напоминающим голову лошади, — «семиреченские» деньги, получившие в народе название «аргамки», «обеспеченные» опиумом, хранящимся в государственном банке. В Ташкенте выпускались общетуркестанские деньги, прозванные «саксаул». Покупательная стоимость их была очень низкая. Ни государственной, ни кооперативной торговли по существу не было, деньги из кассы уходили потоком, а возвращались каплями, а потому Совет постоянно ощущал острую нужду в деньгах. В силу этого на удовлетворение постоянных нужд Совета в деньгах все население, кроме рабочих и служащих, облагалось денежным налогом.

Периодически, чаще всего в ответ на разные выступления буржуазии в центре и на месте, Совет выносил ре-

шение об обложении буржуазии контрибуцией. Составлялись персональные списки, против каждой фамилии представлялась сумма контрибуции и рассылались повестки о явке в Совет. Обычно сумма контрибуции вносилась прямо в кассу Совета. Таким путем Совет получал некоторую сумму денег. Однако обложение кулаков, баев, купцов и др. зажиточных элементов не было единственным источником добывания средств. Главную помощь молодой Советской власти и ее армии оказывало трудовое население всех национальностей.

Тяжелой была осень 1918 года. На Семиреченском фронте имела место деморализация отдельных частей, в которые проникли кулацкие и предательские элементы. Фронт отступал под нажимом противника. Из Верного поступила тревожная телеграмма с приказанием в несколько дней сформировать отряд из коммунистов, влиться в небольшой отряд, следующий из Ташкента, и идти в Гавриловку. Мы разъехались по сельским партийным организациям для вербовки в отряд коммунистов.

В три дня был создан отряд численностью около 300 человек и выступил на фронт. Поздно вечером подошли к Молдавановке. У села нас встретило много народа, в огромных котлах варился ужин, стояли бочки с местным вином. Ужин мы съели, за вино, не начиная бочек, поблагодарили, и так до самой Гавриловки народ кормил нас. За малейшие попытки мародерства и злоупотребления силой расстреливали. Отряд шел быстро на фронт, еще быстрее шла слава о нем, что отряд дисциплинирован, ничего не берет бесплатно, а нарушителей дисциплины и своих и чужих строго наказывает.

1921 год был первым годом мирного труда во всем Туркестанском крае. Закончилась гражданская война, ликвидирован Бухарский эмират. Бухара стала народной республикой, уничтожено Хивинское ханство, резко убыло басмачество. Впервые было намечено максимально возможное расширение посевных площадей вообще и хлопковых в особенности.

Решением ЦК КПТ и Совнаркома Туркестанской республики была создана чрезвычайная комиссия по проведению посевной кампании—«Чрезкомвескам», проведена по партийным организациям мобилизация коммунистов, и они были переданы этой комиссии.

В каждую область были назначены чрезвычайные уполномоченные с большими правами. Мандаты были подписаны секретарем ЦК КПТ, председателем Совнаркома, командующим Туркфронтом и председателем Туркчека, назначались уездные и волостные уполномоченные. Каждый уполномоченный по области выезжал на место работы со своими уездными и волостными уполномоченными. Их задачей было—поднять массы на местах по проведению земельно-водной реформы, проведению весеннего сева и организации союза безземельных и малоземельных дехкан и батраков, так называемого союза «Кошчи».

* * *

Со времени описываемых событий прошло около сорока лет. Многие уже забылось, выветрилось из памяти. Поэтому в настоящих воспоминаниях могут быть отдельные пробелы в освещении событий.

В заключение хочется сказать о тех десятках и сотнях активных участников революционных событий в Киргизии, которые на своих плечах выносили все трудности борьбы за Советскую власть и теперь уже умерли. Склоним перед их светлой памятью и свои уже поседевшие головы.

Большинство из них были малограмотные люди, для которых легче сделать хорошую вещь, чем прочесть написанное от руки письмо, но в поисках свободной и счастливой жизни они с оружием в руках шли в бой за республику Советов и закладывали первые кирпичи в величественное здание нового социалистического общества.

Н. Ф. КРАСНОВ

РОЛЬ КОМИТЕТОВ БЕДНОТЫ В УКРЕПЛЕНИИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

В марте 1918 года я приехал в Пишпек. В это время власть здесь принадлежала Совету, руководимому большевиками, но в составе его находились и «левые» эсеры. Шла работа по созданию новых советских органов, организовывалась Красная Армия, вводилась единая система советского государственного управления. Но вводилась она не гладко, а в ожесточенной борьбе. Я был направлен на работу в Пишпекский гарнизон членом комиссии по приему в Красную Армию. Одновременно с апреля 1918 года я выполнял работу агитатора-организатора Комитета Пишпекской организации большевиков.

В первых числах апреля 1918 года присланный из Ташкента инструктор Крайкома партии большевиков Н. Д. Луценко собрал нас, разъяснил цели и задачи партии, порядок голосования, познакомил с положениями устава. Собрание избрало председателем партии коммунистов Алексея Илларионовича Иванницына, секретарем — Петра Дмитриевича Гришина.

Помещение для работы партии было отведено по ул. Ташкентской (ныне Ленина № 131), где в настоящее время помещается типография № 2.

Насущными задачами в то время были: оздоровление состава Советов, организация комитетов бедноты на селе, которые явились бы опорой Советов, организации воинских отрядов, помощь семьям фронтовиков и киргизскому населению. Эти вопросы не снимались с повестки дня.

Вместо бывших эсеров и представителей казачества в состав Советов вошли в основном большевики: Г. И. Швец-Базарный, Н. С. Абрамов, Т. К. Оведенко, И. С. Меркун и др. В первую очередь нужно было привлечь в помощь Советам широкие массы бедноты, чтобы они в любую минуту могли постоять за свою родную власть.

Если в городах фабрично-заводские рабочие сумели окончательно скинуть капиталистов и сбросить с себя ярмо эксплуатации, то в деревне, особенно в условиях Пишпекского уезда, только начиналась настоящая борьба с кулачеством.

Всякое завоевание трудящихся прочно только тогда, говорил В. И. Ленин, когда оно опирается на собственную народную организацию. И мы должны были призвать деревенскую бедноту к такой организации. Назрела необходимость создать в каждом селе комитеты бедноты. С этой целью Пишпекским городским комитетом партии были направлены коммунисты: в Беловодский район—Беспалов, в Загорную волость—Чебыкин, в Курдайский, Чуйский р-ны и село Георгиевку поехал я. Работа эта была сопряжена с большими трудностями. В селах у власти стояли еще кулаки и эсеры, которые пытались всячески удержать за собой власть. С этим я столкнулся и в селе Георгиевке.

На общем собрании мы разъяснили народу, что существуют две партии: партия большевиков и партия эсеров, их цели и задачи. Все шло мирно до тех пор, пока не дошли до характеристики партии эсеров. Тут ярый эсер Березенко не мог уже больше молчать. Он поднял шум, с пеной у рта доказывая, что большевики приехали одурачить народ, нет им веры, раздался возглас «Долой!» В результате—собрание было сорвано. Нужно было менять тактику.

На следующий день в доме Д. Грачева нам удалось провести собрание с беднотой, на котором и был создан комитет бедноты, председателем был избран Никита Пойдыха, заместителем его—Василий Клюквин. Такие комитеты бедноты были созданы в селениях Черная Речка, Касык, Успеновка, Вознесенка, Курдай-Павловское, Горно-Николаевка и других.

Особенно трудно было с созданием комитетов бедноты

в киргизских и казахских селениях. Баи пытались удержать власть в своих руках. Так, чтобы провести собрание с жителями одного из казахских айлов, нам приходилось выезжать туда четыре раза и всякий раз безрезультатно. Аил был расположен в горах, в 3-х километрах от села Георгиевки. Старшиной там был богач Ногайбай. Жил он как князь. Имел много жен, для каждой из них были юрты, кроме того был у него дом, в котором он принимал чиновников и богачей. Несколько раз этот старшина получал задания созвать людей на собрание, но народ не собирался. Наконец, мы приехали в пятый раз и заставили его собрать людей. Выяснилось, что он скрывал от населения созыв собрания. На этот раз мы сумели провести собрание, на котором организовали комитет бедноты. Беднота живо откликнулась на это мероприятие Советской власти.

В другом казахском селении председателем комитета бедноты был избран бедняк Нуржус Раимкулов. Но баи заставляли его отказаться от руководства комитетом бедноты, угрожая расправой. Пришлось взять Нуржуса под свою защиту. Мы по заданию партийной организации заявили этим баям: «За жизнь Раимкулова вы ответите, и если что с ним случится, то вас арестуем, а ваше имущество будет конфисковано». После чего они притихли.

Баи, маанпы пытались пролезть в комитеты бедноты, они даже маскировались под бедноту. Так, в одном из казахских айлов, к северу от селения Касык, все баи явились на собрание бедноты, переодевшись в самую худшую одежду, поэтому многие из них прошли в комитет бедноты. Нам пришлось впоследствии проводить переборы. Несмотря на трудности, комитеты бедноты были созданы. В аилах их возглавляли: Кегетинском—Мынбай Ногайбаев, Ботпаевском—Джелеу Алдабергенов, Аргынатиинском—Суюмкул Мажин. Из состава этих комитетов была масса добровольцев, желающих служить в Красной Армии и отстаивать с оружием в руках интересы бедноты. Одновременно в этих селениях создавались партийные ячейки. Так, в Георгиевке организовалась первичная партийная организация (ячейка) в составе двадцати трех членов. Председателем ее был избран П. И. Илюшенко.

Созданные комитеты бедноты сыграли исключительную роль в укреплении Советской власти на местах. Под руководством партии коммунистов они организовывали надежное пополнение Красной Армии, тщательно следили, чтобы не прошли в армию чуждые люди. Каждый боец должен был представить справку о соцпроисхождении с печатями от сельского совета и комитета бедноты. Снабжали армию хлебом, с боем изымая его у кулаков, которые прятали хлеб, чтобы голодом задушить Советскую власть.

Достаточно привести такой факт. Во время Беловодского мятежа только из селений Архангельского, Горно-Николаевского, Горно-Павловского, Черной Речки и Георгиевки комитетами бедноты была организована отправка хлеба в Пишпек для армии в размере 15000 пудов, кроме этого доставлялся фураж для лошадей, теплая одежда для бойцов и выделен был отряд добровольцев в 120 человек под командованием Дениса Акименко и Петра Илюшенко для подавления Беловодского мятежа.

Шла ожесточенная классовая борьба. Эсеры, опираясь на кулачество, старались привлечь на свою сторону бедноту, восстановить ее любыми средствами против большевиков, используя даже религию.

Припоминается такой характерный случай. Георгиевский поп во время службы в проповеди объявил сельского учителя Литвинова и его жену, стоящих на стороне большевиков, проклятыми богом и призвал народ к их уничтожению, за что обещал на том свете вечное царство. После этого возбужденные жены кулаков и подкулачников 25 июля 1918 года окружили школу, стоящую на площади, били окна, ломали двери, требуя учителя для расправы. Надо было прекратить эту поповскую провокацию, но как? Стрелять нельзя, это может быть использовано врагами в своих целях. Тогда было сказано эсерам, если они не отзовут женщин от школы, то будут арестованы и преданы суду. Только тогда бунтующие разошлись.

Из Георгиевки я возвратился в Пишпек. В августе 1918 г. в Дубовом парке в здании кинотеатра «Эдисон» состоялся съезд Советов, на котором присутствовало много эсеров. В первый же день работы съезда была

получена телеграмма из г. Верного о мобилизации в Красную Армию. Эсеры встретили это сообщение аплодисментами. Они радовались тому, что в армию вольются сынки кулаков, которые смогут оказать им поддержку в свержении Советской власти. Отменить приказ о мобилизации было невозможно. Призывники уже съезжались. Самочинно устраивались митинги. Здесь же выбирали своих представителей в Советы, на почту, телеграф, срывая переговоры большевиков по прямому проводу. Однако ликование их было преждевременным, оружия они не получили.

15 ноября 1918 года нашей разведкой было передано, что в Беловодском районе идет подготовка мятежа против Советской власти. Я получил задание от Иваницына проверить этот факт. В Беловодск со мной поехал Игнатенко—сотрудник местной газеты.

По приезду мы установили связь с народным судьей Карповым и председателем следственной комиссии Мортиковым. Оба они, коммунисты, впоследствии были зверски уничтожены мятежниками. Мы попали как раз в тот момент, когда эсеры проводили собрание, о чем мы были предупреждены.

Данные разведки подтвердились. Оставаться нам дальше было нельзя, так как мы были замечены. Ночью мы выехали в Кара-Балты. Ехать пришлось окольными путями, так как за нами была установлена слежка. Чтобы добраться до Военно-Антоновки, нам понадобилась целая неделя.

В это время в Георгиевке кулаки вели подготовку к мятежу. На месте выяснилось, что эсеры селений Архангельское, Черная Речка и Георгиевка провели собрание в доме одного кулака, где шел разговор о поддержке готовящегося Беловодского мятежа и о продолжении борьбы против Советской власти и большевиков.

Следовало принимать меры. Эсеров нужно было обезоружить, очистить Георгиевку от врагов Советской власти.

Эта задача была решена так. На имя главаря эсеров Березенко и его заместителя Бойко выписали повестку, что, якобы, приехал представитель эсеров из Ташкента и вызывает в сельсовет. Они явились немедленно. Тут они были арестованы и отправлены в Пишпек. Кулаки стали

приходить в сельсовет, чтобы узнать о судьбе своих главарей. Их арестовали и на квартирах у них при обыске забирали оружие.

Для обсуждения создавшегося положения собрался актив.

На повестке дня стояли два вопроса:

1. Об организации в Георгиевке районного военного комиссариата.

2. Об обезоружении кулаков и эсеров в Зачуйских селениях.

Военным комиссаром был избран Д. К. Акименко, командиром партизанского отряда П. И. Илюшенко, начальником штаба сельской учитель И. Т. Литвинов. Были распределены обязанности и намечен план действий.

К концу ноября месяца 1918 года во всех селениях Зачуйского района эсеры и кулаки были разоружены, а их партия ликвидирована.

Советская власть утвердилась прочно во всех селениях. Добиться этого удалось благодаря правильной политике коммунистической партии. Коммунисты Георгиевки твердо выполнили задачи, поставленные партией перед ними. В своей работе они опирались на комитеты бедноты, которые были организованы во всех селах и сыграли большую роль в укреплении Советской власти на местах, в борьбе с эсерами, кулацкими элементами и их прихвостнями.

ИМАШ ТОКБАЕВ

БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ

В начале 1918 года, когда установилась Советская власть в Пишпеке, борьба между большевиками и эсерами обострилась. Большевиком возглавлял Иваницын. Он часто бывал на предприятиях, разговаривал с рабочими, разъяснял им сущность борьбы за Советскую власть. Бывал он и на маслобойном заводе, где я работал с отцом. Он говорил: «Будет голосование народа, какой власти должен подчиниться Пишпекский уезд. Местные буржуи, бывшие царские чиновники, требуют, чтобы Пишпек присоединился к Сибири, а мы, большевики,—говорил он,—против этого, мы за власть трудящихся, за Ташкентское и Петроградское Советское правительство.»

Рабочих на заводе было немного. Они решили голосовать за Советскую власть. Тогда Иваницын говорит: «Вот я вам принес несколько листовок призыва к населению, как бы их разбросать по городу.»

Рабочие предложили использовать для этой цели меня. Иваницын согласился и передал мне листовки. Получив пачку воззваний от Иваницына, я незаметно разбросал их там, где он мне намечал, главным образом, среди рабочих.

По поручению партийного комитета я вел агитационную работу среди киргизов, чтобы они записывались в красногвардейские отряды.

В августе 1918 г. Пишпекский отряд под командой Харина был отправлен на Семиреченский фронт. Я тоже

ушел на фронт. Нашим командиром в отряде Харина был Логвиненко, который на фронте потом, в октябре 1918 г., стал командиром отряда вместо Харина.

Из киргизов-большевиков, активных участников революции, я хорошо помню Ходжимурата Сарыкулакова, Жайнака Садаева, Баубекова, Бапакова.

На Семиреченском фронте я был рядовым. 18 декабря 1918 года отряд Логвиненко был отозван с фронта на подавление Беловодского мятежа. После ликвидации мятежа в первых числах января 1919 г. наш отряд вновь отправился на фронт.

В июне 1919 г. я был отозван в Пишпек. Здесь мне поручили в качестве старшего сопровождать в Ташкент мобилизованных киргизов, казахов, уйгуров, узбеков, дунган.

В Ташкенте мобилизованных мусульман с разных округов Туркестана было много. Из всех мобилизованных был образован полк под названием III Интернационала в составе пяти отдельных отрядов. Меня назначили командиром 3-го отряда числом до 800 бойцов с пулеметной, обозной командой и батареей из 3-х орудий.

Наш отряд прибыл в Верный и получил боевое задание—занять Чилик и Джаланаш—казачьи станицы. Отсюда отряд с боем шел в Нарынкол, в Подгорное—казачьи селения. После многодневных боев казачьи части отступили. Мы, преследуя белых, дошли до границы Китая, остановились в Кульджате, на пограничной полосе, где и находились до июня 1920 года.

В июне в связи с Верненским мятежом наш отряд был вызван и участвовал в подавлении мятежа, а затем был влит в состав 21 Туркестанского стрелкового полка, а я был откомандирован в распоряжение Семиреченского Областного Чека.

16 октября 1920 г. с поручением Областного Чека с шестью оперативными работниками я прибыл в Нарынский уезд по специальному заданию.

В Нарыне, когда я приехал, председателем Уездгорревкома был Мустафа Янгулатов—татарин, его заместителем Ибрагим Мазепа. Председателем Уездгоркома партии—Хаким Мусабаев—татарин. Председателем Уездгор Чека—Сулайман Орозбеков—киргиз. Военком уезда—

Василий Копылов—русский товарищ. В Нарыне стоял 5-й пограничный полк под командой Кирьянова.

В Нарыне наша группа выявила большую шайку заговорщиков в лице командира 5-го полка Кирьянова и кулаков во главе с Бондаревым. Мы их арестовали и донесли в область.

Из области прибыл Б. Шванский, зам. н-ка регистрационного отдела и его помощник Альяз Утемисов—казах. Они меня с небольшой командой красноармейцев командировали в Кочкорку, где мы должны были захватить представителя контрреволюционной банды прапорщика Шевченко, который шел из Пржевальска с оружием.

Из Нарына мы выехали 4 ноября 1920 г., и в этот день возвращается в Нарын Шевченко, таким образом, мы его не застали. Агентура банды, видно, работала неплохо. Они преследовали нас и в Кочкорке. Когда я находился вне своего отряда, был арестован, привезен в Нарын. Здесь я в тюрьме узнал, что 6 ноября 1920 г. 5-й погранполк восстал, освободил из тюрьмы Кирьянова и его единомышленников, арестовал всех представителей Советской власти, как местных, так и приезжих, в том числе и Шванского, Утемисова и др. Председателя Уездгоркома Мусабаева и председателя уездгор Чека Орозбекова уже успели расстрелять. Такая участь ждала всех нас, но, к нашему счастью, успел прибыть из Верного отряд особого назначения под командой Тегина и отряды из Пишпека, Токмака, Пржевальска. Они внезапно накрыли банду, нас освободили и задержали из активных участников банды около 60 человек, которых судили.

После этого Обл. ЧК в декабре 1920 г. я был послан на работу в г. Джаркент в качестве уполномоченного Обл. ЧК и одновременно командиром особого отдельного кавалерийского дивизиона на Китайской границе.

Во время моей работы в Джаркенте была выявлена контрреволюционная связь местного начальника уездной милиции Касымхана Чанышева с Дутовым. Последний жил неподалеку от нашей границы в китайском поселке Суйдин, около Кульджи.

Связь Чанышева с Дутовым устанавливалась через старшего милиционера Махмуда Ходжамиярова—уйгура,

ярого контрабандиста. По моему сигналу в Джаркент приехал начальник Особого отдела области Добрых и его заместитель Шванский, начальник регистрационного отдела Пятницкий. Они арестовали Чанышева и Ходжамиярова.

В Джаркенте я работал до 1925 года, после чего был отозван Киргизским обкомом партии и избран членом Обл. КК РКК.

Я. Н. ЛОГВИНЕНКО

КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ

Бывший командир 1 Пишпекского Советского полка Яков Никифорович Логвиненко личных воспоминаний не оставил. Но в памяти всех людей, знавших его, сохранился простой и обаятельный образ большевика, стойкого и волевого командира, выходящего из народных низов, преданного до конца делу революции и борьбе за власть Советов.

В автобиографии, составленной в 1921 году, Яков Никифорович Логвиненко сообщает о себе следующие данные:

«Я—сын крестьянина Полтавской губернии Кобылянского уезда селения Марковки, Яков Никифорович Логвиненко, родился в 1895 году, 23 октября.

На воспитании родителей был до восьми лет, а затем до тринадцатилетнего возраста жил в работниках у кулаков в том же селе.

Не помню, в котором году мои родители переехали на жительство в Сибирь, в Акмолинскую область, в поселок 2-я Божедаровка, где я три года работал у кулака.

В 1912 году со своими родителями переехал в с. Ново-Покровское Пишпекского уезда Семиреченской области. В этом селении я работал по найму у кулаков.

В 1915 году меня мобилизовали на действительную военную службу, и я был назначен в 143 пехотный запасный полк, который находился в г. Самаре. Прослужив в полку два месяца, я был переведен в пехотную

учебную команду, в каковой и пробыл шесть месяцев. По окончании учебной команды возвратился обратно в 143 полк, после чего был отправлен с маршевой ротой на фронт. На фронте находился в 102 Курском полку до Октябрьского переворота 1917 года.

В декабре 1917 года шло наступление на Оренбург против белогвардейской армии Дутова. В Самаре был организован отряд добровольцев под моим командованием, как унтер-офицера старой армии. Наш отряд принял участие в наступлении на Оренбург.

После освобождения Оренбурга солдаты, идущие с фронта, были отпущены по домам. Я со ст. Арысь отправился в Пишпек.

В январе 1918 года я прибыл в Пишпек, где был сформирован отряд Красной Гвардии, в который я вошел добровольцем. Постановлением общего собрания, с утверждением местного Совета я был выбран на должность командира Красной Гвардии.

Распоряжением командующего войсками Семиреченской области Емелева наш Пишпекский отряд в первых числах сентября 1918 года был направлен на Северный фронт.

В декабре того же 1918 года, находясь на Северном фронте, я получил распоряжение с I Пишпекским Советским полком выступить для подавления Беловодского мятежа в Пишпекском уезде, что и было мною выполнено в последних числах декабря 1918 года.

После подавления мятежа распоряжением командующего войском я был назначен начальником гарнизона г. Пишпека, где находился до июня 1920 года. Во время Верненского мятежа в 1920 году я отправлял эскадрон для подавления этого мятежа. Вскоре распоряжением начальника 3 Туркестанской стрелковой дивизии тов. Белова я с Пишпекским отрядом отправился в Ташкент и вследствие болезни санчастью Туркфронта был уволен в отпуск на два месяца и вернулся в Пишпек. Угорком партии назначил меня, как члена КПТ, военкомом Семиреченского тракта.

Во время Нарынского мятежа постановлением Пишпекского угоркома КПТ я был назначен командиром коммунистического отряда, с которым был отправлен на подавление мятежа. По прибытии в Токмак я получил

распоряжение от начальника гарнизона тов. Жевакина: «Ввиду ликвидации мятежа отряду оставаться в Токмаке впредь до особого распоряжения». После этого было получено распоряжение отряд распустить по домам.

Я возвратился к исполнению должности военкома тракта.

Находясь на этой должности до июня 1921 года, я получил предложение ввиду ударной работы по переброске продовольственных грузов из Семиречья в Туркнаркомпрод г. Аулие-Ата работать в комиссии по переброске этих грузов. На этой работе в должности заведующего конторой Уполнаркомпрода по переброске государственных продовольственных грузов и нахожусь по настоящее время¹.

Состою членом Коммунистической партии Туркестана с 5 марта 1918 года.

* * *

Из автобиографии мы видим, что Яков Логвиненко, выходец из бедной крестьянской семьи, с девятилетнего возраста батрачит у кулаков, а когда разразилась империалистическая война, в 1915 году призывается в царскую армию и после восьми месяцев службы в запасном полку направляется с маршевой ротой на фронт, где принимает участие в боях в составе 102 Курского полка. В чине младшего командира — унтер-офицера царской армии — после Октябрьского переворота Логвиненко возвращается домой. Однако на пути в Туркестан для солдат, едущих с фронта, возникает препятствие. В ноябре 1917 года Оренбургский атаман Дутов захватил в свои руки власть в городе Оренбурге. У Дутова насчитывалось около семи тысяч хорошо вооруженного войска, и его цель была — отрезать Туркестан от Советской России. Однако рабочие Самары и Оренбурга и, главным образом, железнодорожные рабочие Ташкентской железной дороги совместно с солдатами-фронтовиками организуют отпор белогвардейскому атаману, и Дутов с остатками разгромленного войска вынужден бежать в Верхнеуральск.

¹ Автобиография написана 11 ноября 1921 года (ред.).

Яков Логвиненко становится во главе отряда, сформированного из солдат-фронтовиков, и в качестве командира принимает первое боевое крещение в схватке с дутовцами.

По прибытии в Пишпек Логвиненко вступает добровольцем в красногвардейский отряд и в марте 1918 года вступает в ряды Коммунистической партии.

На Северном Семиреченском фронте, командуя Пишпекским полком, участвует в боях под Абакумовкой, Аксу и Саркандом. Решающую роль играет полк под его командованием в ликвидации контрреволюционного эсеро-кулацкого мятежа в Пишпекском уезде.

После разгрома беловодских мятежников Логвиненко остается начальником гарнизона города Пишпека.

После окончания гражданской войны и службы в качестве военкома Семиреченского тракта Логвиненко едет на учебу в Ташкент, где поступает вначале на рабфак, а затем в Среднеазиатский государственный университет на сельскохозяйственный факультет.

В 1933 году, после окончания университета, Логвиненко возвращается в Киргизию с тем, чтобы в качестве агронома начать работу в одном из совхозов Чуйской долины, возделывавшем ново-лугьяные культуры.

Через несколько месяцев Яков Никифорович Логвиненко и его жена Анастасия Моисеевна заболевают сыпным тифом. Их в бессознательном состоянии положили в городскую больницу. Жена Логвиненко перенесла тяжелую болезнь, а Яков Никифорович скончался 9 апреля 1933 года.

Схоронили Я. Н. Логвиненко в Дубовом парке города Фрунзе рядом с братской могилой красноармейцев, павших в уличных боях в дни борьбы с беловодскими мятежниками.

Над могилой Логвиненко поставлен скромный памятник—гранитный обелиск с мраморной плитой, на которой написано: «Командир 1-го Советского полка Яков Логвиненко».

И. Д. ПАНЧЕНКО,
М. П. ЧЕРНЫШЕВ

БОЙЦЫ ПИШПЕКСКОГО СОВЕТСКОГО ПОЛКА

Весной 1918 года в селе Ново-Покровка Пишпекского уезда создалась первая большевистская партийная ячейка. В нее вошли Климентий Архипов, Михаил Зеленский, Александр Сливин, Степан Скопенко, Павел Сотин, Фома Диканов, Фома Брык, Федор Олейников, Михаил Гончаров, Никита Чернышев. Председателем избрали Ф. Брыка. На заседаниях ячейки обсуждались жизненно-важные вопросы, главными из которых были вопросы о земле, помощи бедноте и т. п.

Партийная ячейка опиралась на комитет бедноты и проводила большую работу среди массы трудового крестьянства. К этому же времени относится создание первых товариществ по совместной обработке земли, куда входило беднейшее крестьянство. Полученные от государства землю и кредиты товарищества использовали для посева клещевины. Хороший урожай клещевины, вопреки пророчествам кулачья, с лихвой оправдал госкредиты и даже дал возможность приобрести сельскохозяйственный инвентарь.

Вслед за товариществами организовалась потребительская кооперация, куда вступала не только беднота, но и середнячество. Паевые взносы потребкооперации быстро росли. В каждом селе, начиная от Ново-Покровки и кончая с. Кара-Балты, открывались магазины потреббществ.

Но развернувшаяся гражданская война отвлекла силы

народа от мирного труда. В Пишпеке происходил набор добровольцев в Красную Армию для защиты Советской власти. Из всех сел в г. Пишпек потянулись добровольцы, чтобы грудью встать на защиту власти трудящихся от посягательства контрреволюции.

Из нашего села в ряды добровольцев Красной Армии записалось примерно 40—45 человек. Среди записавшихся было много молодежи, не служившей еще в армии, поэтому с первого же дня мы приступили к изучению военного дела. В июле или в августе 1918 г. из нас сформировали отряд в количестве 750 человек, в состав которого входило 500 человек пехоты и 250 кавалеристов. Начальником отряда назначили Харина, а командирами батальонов — Логвиненко и Кочергина. В конце августа 1918 года наш отряд отбыл из Пишпека на Северный фронт. У гор. Верного отряд был встречен командующим Северного фронта Емелевым. На митинге, проведенном тут же, он объяснил отряду задачи, рассказал о силе белоказаков, о их местонахождении и т. д. Спустя 4—5 дней после митинга, отряд двинулся на встречу с белоказаками.

В с. Гавриловка, ныне Талды-Курган, начальник отряда Харин, не обеспечивший руководства отрядом, был смещен с должности, и на его место назначен командир первого батальона Яков Никифорович Логвиненко.

С декабря 1918 года отряд под командованием Я. Н. Логвиненко стал именоваться 1 Пишпекским Советским полком.

С момента организации отряда был создан комитет под председательством Хоярова, выполнявший функции штаба.

В начале организации отряд назывался коммунистическим, хотя многие бойцы фактически не являлись коммунистами. Но каждый представлял себя коммунистом, считая великой честью быть бойцом своего полка.

Отряд наш двигался по направлению к станции Аксу, находившейся почти в тылу врага. У станции Чимбулак в широкой долине завязался бой с заставой белоказаков; в результате поражения они отступили. В шести километрах от станции Аксу казаки открыли ураганный огонь из винтовок, пулеметов. Нашим дружным огнем атака была отбита, белоказаки отступили, оставив четыре трупа, среди которых был офицер в английском обмундировании.

При обыске у него обнаружили сверток с николаевскими кредитками и копию телеграммы о силе нашего отряда и боеприпасах.

Спустя некоторое время, белоказаки с обнаженными шашками бросились в атаку на отряд. Но пулеметчики встретили противника дружным огнем и заставили его отступить.

Тогда казаки пошли на хитрость: свое наступление они начали под прикрытием стада коров. Однако эта хитрость была разгадана. Подпустив противника на близкое расстояние, пулеметчики отряда открыли ураганный огонь и отбросили белоказаков к станции. В ответ на это противник также открыл огонь из всех видов оружия, прикрытая наступление своей пехоты. Положение оказалось тяжелым, и нашему отряду пришлось отступить. Отойдя на 15—20 километров, мы остановились на ночлег, во время которого Логвиненко вел с нами беседы, подводил итоги первого боя с белоказаками и разбирал наши ошибки.

Известие о Беловодском кулацком мятеже застало нас в с. Гавриловке. Вскоре наш отряд получил приказ о возвращении в г. Пишпек, где трудящиеся тепло нас встретили.

Утром 27 декабря 1918 года после артиллерийской подготовки наш отряд пошел в наступление против мятежников и преследовал отступающего противника до полного его разгрома.

В. И. ПАРШКОВ

ПОДАВЛЕНИЕ БЕЛОВОДСКОГО МЯТЕЖА

В начале 1918 года с Германского и Турецкого фронтов возвращались домой солдаты. Приходили раненые, больные, а больше—здоровые. Некоторым удавалось пронести через всю Россию большевистские газеты, листовки и даже оружие. По примеру рабочих Петрограда, Москвы и других городов они с помощью местных большевиков стали создавать в своих сёлах и анклавах Советы рабочих и крестьянских депутатов.

Партия «левых» эсеров, кулачество и другие антисоветские элементы всячески старались поднять мятежи против Советов. Разъезжая по сёлам, эсеровские агитаторы охивали большевиков и восхваляли свою партию и свою программу. Любимым коньком их красноречия была клевета на большевиков и Советскую власть.

Но не дремали и большевики.

Помню, к нам в Орловку Быстровской волости приехал человек, собрал сход. Оказалось, это был большевистский агитатор (фамилии его не помню). После своей речи о программе партии коммунистов он сказал:

«Кто за партию коммунистов, за Ленина — отходите влево, кто за эсеров — вправо».

Большая часть схода—молодёжь, фронтовики, в том числе и я, отошли налево, с десяток богачей и зажиточных мужиков—направо. Порядочная группа не примкнула ни к тем, ни к другим, а осталась стоять на месте.

Так же создавались большевистские группы и в других сёлах Быстровской волости — в самой Быстровке, Белом Пикете, Атайке, Берёзовке, Михайловке и других. Все эти сёла, кроме Михайловки, возникшие в 1910—1916 годах, были населены преимущественно маломощными крестьянами.

В это же время накапливалась сила и контрреволюция. Как-то весной 1918 года до нас дошёл слух, что казаки станицы Самсоновской (теперь Бурулдай, центр Кеминского района Фрунзенской области) готовятся выступить через Кастекский перевал на соединение с восставшими казаками города Верного и окрестных станиц. Большевики Орловки собрались и стали обсуждать создавшееся положение. Все сходились на том, что станицу надо окружить и обезоружить казаков. Но у нас самих не было оружия (на всё село пять—семь охотничьих ружей).

На наше счастье через день или два мимо Орловки прогнал большие отары овец, тысяч в десять голов, скотопромышленник Лопатин. Он гнал их с Кеминских гор к Шамсинскому ущелью с намерением перегнать через перевал и там спрятать. Вблизи Орловки он остановился на дневку, поставил юрту. Мы знали, что сам Лопатин и все его батраки—чабаны были вооружены винтовками. Мы решили отобрать у них оружие. Бывший фронтовик, фельдфебель Василий Проконин собрал нас человек десять, и мы с тремя дробовиками отправились к стоянке Лопатина. В юрте у него, под кошмами, мы нашли шесть или семь винтовок с полсотней патронов к ним и револьвер. Скотопромышленник отдал нам всё это даже без намека на сопротивление.

На другой день с этим оружием мы уже значительно большим, человек в тридцать, отрядом под командованием того же Проконина на подводах отправились через Чу в Михайловку (Кара-Булак). Нашему примеру последовали большевики Быстровки, Белого Пикета. В Михайловке давно был начеку свой отряд.

Окружить Самсоновку мы намеревались ночью. Но казаки как-то узнали об этом, и прислали к нам своего парламентаря верхом на коне. Он был в казачьей форме, но без оружия. Парламентарь сказал, что некоторые казаки из богачей успели уйти в Верный, а остальные не хотят проливать кровь, готовы сдать оружие и признать Со-

ветскую власть. И сдали. В дальнейшем это оружие очень пригодилось.

«Левые» эсеры и кулаки в Токмаке всё нагнали. Они чуть ли не каждый день устраивали на улицах и площадях собрания, митинги, на которых открыто выступали против большевиков и Советской власти.

Видя это, токмакские большевики во главе с военным комиссаром, бывшим фронтовиком Филиппом Селиверстовичем Дубовицким спешно создали красногвардейский отряд. Ядром этого отряда явилась караульная Саратовская дружина, присланная сюда в 1916 г. царским правительством. Она была хорошо вооружена. Кроме винтовок и большого запаса патронов имела три конных крепостных пулемёта на высоких колёсах.

Эта дружина большевиками была распропагандирована, в результате чего дружинники сместили своих командиров. Так саратовцы из дружинников стали красногвардейцами. Пулемёты принял новый начальник пулемётной команды Егор Степанович Поляков, наш орловец, кузнец. Он набрал команду из опытных пулемётчиков и почти исключительно из своих односельчан-орловцев. Среди них были храбрые, самоотверженные солдаты: Иван Васик, Семён Коваль — орловский кузнец, Амвросий Мерзляк, житель Покровки, Игнат Пономарев (геройски погиб в 1919 году в бою с басмачами в Ферганской долине) и другие. В качестве первого номера расчёта одного из пулемётов туда же поступил и я.

Из Токмака выделялись отряды и посылались на Северный фронт. С одним из отрядов ушли мои сверстники и друзья юности Григорий Арсентьевич Чмыров, Андрей Филиппович Дудник, Ефим Степанович Чуйков и другие. На место ушедших в наши ряды приходили новые люди из крестьянской бедноты, батраков и ремесленников. Приходили люди разных национальностей: русские, украинцы, киргизы, татары. Желавших поступить в Красную Гвардию было немало и даже зажиточных, сынков кулаков, торговцев, чиновников. Эти шли с единственной целью — разложить или взорвать изнутри гарнизон и захватить в свои руки оружие, чтобы справиться с Советами и большевиками. Но их не принимали. Военный комиссар Ф. С. Дубовицкий, политруки и работники штаба — люди из разных сёл, и они знали всех реакционеров наперечёт.

Дубовицкий однажды говорил: «Нам достаточно услышать фамилию желающего поступить, и мы уже знаем, кто с какой целью идёт в Красную Гвардию».

Почти весь 1918 год бесновались эсеры. В советских учреждениях они пытались занять все руководящие посты с тем, чтобы прибрать Советы к своим рукам. В редакцию газеты «Токмакский листок» каким-то образом пробрался видный эсер, бывший краснореченский учитель, а потом подрядчик при проведении от реки Иссык-Атинки казённого Краснореченского канала, — некто Гаврин и стал её фактическим редактором. Находясь на этом посту, он сослужил своим собратьям по классу большую службу: в «Токмакском листке» он напечатал свою эсеровскую программу. Большевики это возмутило. Чтобы предотвратить печатание подобных материалов в будущем, партийный Комитет гарнизона решил послать в редакционную коллегию для совместной работы с эсерами и контроля над ними своего человека, большевика. Выбор пал на меня, как на наиболее грамотного в гарнизоне. Вручая мне направление, Дубовицкий в напутствие сказал: «Смотри в оба! Чуть что заметишь — сейчас же докладывай мне».

Но долго работать в редакции мне не пришлось. События в области быстро развивались. Осенью 1918 года начались конференции, съезды, решался вопрос о слиянии большевистской и левозероградской партий. Во многих уездах эсеры соглашались на слияние, но с условием признания частной собственности и «непринудительной коммуны». На проходившем в Верном областном съезде Советов было принято решение — слить обе партии в одну.

Однако это обстоятельство отнюдь не устраивало «левых» эсеров. Они по-прежнему не хотели мириться с большевистской программой и теми мероприятиями, которые проводили коммунисты для укрепления власти Советов. Наоборот, они всячески старались помешать проведению в жизнь этих мероприятий и подорвать авторитет большевиков. Видя, что добром с ними ничего не сделаешь, партийный комитет и Совдеп решили уволить всех эсеров из органов Советской власти.

После очистки Совдепа реакционеры начали действовать энергичнее. Их лидеры перебравшись из Пишпека в Беловодск. В этом старом, типично кулацко-колонизаторском селе они нашли довольно благоприятную почву

для антисоветского мятежа. В Беловодске начались контр-революционные митинги, демонстрации.

Телеграфная связь с Ташкентом была прервана. О том, что происходит в Беловодске, в Пишпек, никто ничего толком не знал. Но выяснить было необходимо. Для этой цели 6 декабря Совдеп направил туда на автомобиле делегацию, в числе которой был и Токмакский комиссар Дубовицкий. Делегаты надеялись не только выяснить, что там происходит, но и попытаться уговорить недовольных. Но это им не удалось. На пути в Беловодск мятежники устроили засаду. Завидев автомобиль, они открыли по нему пальбу из винтовок. Дубовицкий был ранен в руку. Нашим делегатам пришлось вернуться, ничего не узнав.

После этого туда был послан вооруженный конный отряд красновардейцев в 50 человек. Но и его постигла неудача. Подъезжая к Александревке (дунгановский посёлок), конники увидели на улице толпу. Это зажиточные александровцы вышли встречать отряд, по русскому обычаю, с хлебом и солью. Но как только красноармейцы отъехали, чтобы продолжать свой путь, «хлебосолы» открыли им в спины стрельбу. Оказалось, что часть жителей Александровки была сагитирована эсерами и примкнула к мятежникам. При помощи коварной, лицемерной уловки они намеревались уничтожить наших конников. Однако просчитались. Быстро спешившийся отряд открыл по «хлебосолам» ответный огонь и заставил их прятаться.

В Беловодске отряд вынужден был завязать с мятежниками настоящий бой. Но так как силы были далеко неравны, он, отстреливаясь, отступил к Пишпеку.

Сколоченный мятежниками так называемый «боевой повстанческий комитет», возглавляемый бывшим заместителем председателя Совдепа Павлом Благодаренко, объявил Беловодскую, Кара-Балтинскую и другие прилегающие к ним волости «Беловодским автономным уездом» и тут же издал приказ по своей «автономии» о мобилизации в повстанческую армию всех мужчин в возрасте от 18 до 40 лет. Тех, кто не хотел идти, мятежники гнали насильно, кто сопротивлялся — расстреливали.

В это же время мятежные главари организовали дикую расправу над коммунистами. Схваченных народного судью Карпова и находившегося там по служебным де-

лам председателя следственной комиссии Мортикова они пытали самым зверским способом, а потом убили. Точно так же поступили с группой красноармейцев, сопровождавших в почтовой повозке крупную сумму советских денег из Ташкента в Пишпек. Ничего не знавшие о мятеже конвоиры шли по Ташкентскому тракту через Беловодск и были схвачены.

Расправившись в своей «автономии» с коммунистами и сторонниками Советской власти, мятежники собрали огромную армию и пошли в наступление на Пишпек. Вооружение у них было самое разнообразное. Огнестрельные припасы — порох, пули и прочее изготовляли сами мятежники кустарным способом. Больше того, для устрашения красных они даже мастерили деревянные с железными обрубками пушки.

Собрать массу людей мятежникам удалось путём обмана и насилия. Дело в том, что они пустили по своей «автономии» слух, что, де, Советская власть везде — в России и Средней Азии — уже ликвидирована и что она существует, де, только в Семиречье. Помогли им в этом и священнослужители, отцы церкви. Некоторые священники сами подавали пример ненависти к большевикам и Советам. Поп Ткачев даже организовал специальный чёрный отряд «имени архангела Гавриила» для истребления «антихристов» — большевиков.

О событиях в Беловодске мы у себя в Токмаке узнали лишь несколько дней спустя, когда вернулся из Пишпекского военного лазарета наш комиссар Дубовицкий. Зато, несомненно, раньше нас об этом знали токмакские кулаки, которые стали вести себя более откровенно и нагло. Часто толпы парней — кулацких сынков с балалайками и гармошками, проходя по улице мимо казарм, вели себя вызывающе и дерзко. По адресу красноармейцев выкрикивались оскорбления, площадная брань. Нередко эти молодчики без всяких причин лезли в драку с нами. Но все эти провокации успеха не имели.

Ночью с 12 на 13 декабря из своего штаба мы получили приказ выступить с двумя пулемётами в Военно-Антоновку на помощь пишпекцам и военно-антоновцам, сдерживающим натиск мятежников. Той же ночью под начальством Егора Полякова мы выступили. Для прикрытия пулемётов из батальона были выведены взвод пехоты и

группа конных разведчиков. Третий пулемёт оставался в Токмаке, расчёт его, как и весь гарнизон, был всегда готов ко всяким неожиданностям.

В Военно-Антоновку (или на «девятую версту», как тогда называли это село) мы прибыли 13 числа в сумерки. Там было всё спокойно и тихо. За всю ночь мы не слышали ни одного выстрела. Оказалось, ночью мятежники не воевали, а все разошлись по домам.

Наступить они начали лишь в 10 часов следующего дня. На наш левый фланг стала наступать огромная масса конницы. Как потом выяснилось, они хотели обойти Военно-Антоновку и двинуться прямо на Пишпек. А пехота шла с обеих сторон Ташкентского тракта прямо на село. Мы расставили пулемёты на бровке лога, по обеим сторонам тракта за селом, но не стреляли, хотя противник подошёл совсем близко. Красноармейцы недоумевали и негодовали, спрашивали командиров: в чём дело? Между тем мятежники непрерывно обстреливали нашу цепь.

Вскоре причина нашего бездействия выяснилась. Примерно через час после того, как мы закрепились на выбранной позиции и готовы были открыть огонь, из Военно-Антоновки показалась крытая почтовая повозка. По тракту она стала приближаться к нашей цепи. Приблизившись, повозка остановилась. Из неё вышли, помнится, три человека с белым флажком. Перейдя линию нашей цепи, они направились в сторону противника. Но едва вышли на открытое место, как мятежники открыли по ним бешеную стрельбу, несмотря на высоко приподнятый белый флажок. Прибывшие поспешили вернуться к повозке. Оказалось, это были наши парламентарии, прибывшие из города для мирных переговоров с мятежниками, назначенных обеими воюющими сторонами в 11 часов дня между цепями. Переговоры не состоялись, и наши представители ни с чем вернулись обратно в Пишпек.

И только тогда, когда повозка стала отходить в тыл наш начальник Поляков дал команду открыть огонь. Уже первая очередь внесла в ряды конницы замешательство. Вся масса наступающих сначала остановилась, а потом всадники повернули коней и мятежники обратились в бегство.

Таким образом, и это очередное наступление мятежни-

ков на Пишпек провалилось. Больше они на этом направлении не наступали ни в этот день, ни на следующий.

Однако, несмотря на поражение, желание захватить Пишпек мятежных главарей не покинуло. Ночью в те же сутки они наскоро сформировали особый конный отряд человек в 300 и под командованием некоего Агафонцева послали в обход через горы. Как стало известно после, задача отряда была такова: скрытно проехать горами и, минуя город, занять расположенные к востоку от него сёла Лебединовку, Ново-Покровку, Дмитриевку и другие и поднять там мятеж крестьян против Советской власти. Таким образом, они намеревались нанести Пишпеку удар сразу с двух сторон — запада и востока.

Агафонцев решил действовать иначе. Он думал, что те сёла так или иначе присоединятся к ним и что в первую очередь надо занять город. Он хорошо знал, что в Пишпек крупных воинских частей нет. Ранее сформированный 1-й Пишпекский Советский полк под командованием Якова Логвиненко ещё осенью ушёл на Северный фронт, а здесь остались лишь караульная команда численностью в 15—20 человек, справиться с которой большого труда не составляло.

Пробравшись по Аларчинскому ущелью, отряд с тиком и свистом бросился на казармы. Налёт был совершён во время обеда, поэтому находившиеся там красноармейцы оказались застигнутыми врасплох. Бой длился недолго. Часть красноармейцев мятежники перебили, другая отошла в город.

Зная казармы, мятежники стали ждать подкрепления и начали обстреливать улицы. Подкрепление долго ожидать не пришлось. Из Дунгановки к ним стали подходить хорошо вооружённые отряды мятежных дунган.

Город был объявлен на военном положении. Партийный комитет, особенно его председатель Иванцын и руководители Совдепа, стали принимать срочные меры для отпора внезапно налетевшим врагам. Во все концы города и в ближайшие сёла поскакали гонцы. Вскоре к Совдепу стали собираться коммунисты и беспартийные большевики. Они наскоро вооружались винтовками, ручными бомбами и бежали к казармам. К вечеру мятежники вынуждены были оставить казармы и отойти в Дунгановку, по-

неся большие потери. В этом бою нашёл свой конец и сам командир отряда Агафонцев.

Пока в городе шёл бой, мы, очутившиеся в тылу у противника, всем фронтом отходили от Военно-Антоновки к Пишпеку. Вместе с нами уходили и все жители этого села с домашним имуществом и скотом. Беженцы говорили нам, что уходят они потому, что боятся мятежников.

Перед уходом мы получили из Совдепа распоряжение — перейти в наступление на Дунгановку с запада и выбить из неё закрепившихся мятежников.

Сил у нас было немного: небольшой отряд пишпекцев, военно-антоновцев, конный добровольческий отряд из Юрьевки, наш Токмакский — вот и всё. Поэтому и наступление было неудачным. Хуже того, мы едва не лишились одного пулемёта. Притаившиеся во дворах и на чердаках мятежники пропустили нас до середины Дунгановки, но на скрещении улиц Купеческой (ныне Сталина) и Ключевой (ныне Белинского) неожиданно открыли стрельбу со всех сторон. Только благодаря находчивости и отваге командира Полякова нам удалось вырваться из кольца окружения, спасти пулемёт и спастись самим. Но там осталось несколько убитых наших товарищей из других отрядов.

Ночевали мы уже в очищенной от мятежников казарме. Ночь прошла спокойно, но едва наступило утро, как из крайних домов Дунгановки открылась по казарме бешеная стрельба. Пули залетали в окна, двери. Показываться на казарменном дворе было очень опасно.

Мятежники обстреливали не только казармы, но и улицы города по всему фронту, начиная от всеенного лазарета на юге (где теперь городская больница) и до заимок — на севере. Нас от противника, то есть от Дунгановки, отделял широкий и длинный, через весь город каменистый пустырь (теперь местность между улицами Логвиненко и Ворошилова). Через него мы и перестреливались с противником.

Чтобы заставить вражеских стрелков замолчать, мы поставили один пулемёт на казарменном дворе и время от времени пускали по крышам и окнам ближних домов Дунгановки длинные очереди. Это помогало, и тогда наши бойцы уже без опаски могли выходить во двор.

Так во взаимной, подчас довольно ленивой перест-

релке проходили дни. Ни мы, ни они наступать не решались. Учитывая серьёзность создавшегося положения, партийный комитет и Совдеп отозвали обратно с Северного фронта Пишпекский Советский полк и до прихода его решили никаких серьёзных действий не предпринимать. А между тем к мятежникам в Дунгановку подходили из Беловодска все новые и новые подкрепления: живая сила, целые обозы с боеприпасами, подвозились деревянные пушки, и, кроме того, они со дня на день ждали прихода оренбургских казаков.

К нам на помощь тоже пришли два отряда: один из Верного, другой из Пржевальска. Однако с приходом их наше положение не улучшилось. Если до этого противник был у нас только с одной стороны, то теперь приходилось оглядываться и назад. Например, в Верненском отряде, остановившемся в Карагачевой роще, каждый день проводились митинги, собрания; верненцы связались с мятежниками и вели с ними переговоры. Что касается пржевальского отряда, то он не зашёл даже в город и занял выжидательную позицию в селе Лебединовка.

Тем не менее наши партийные и военные руководители отнюдь не склонны были показывать свою слабость. Помню, однажды перед вечером на казарменный двор привезли на бричечных передках огромную чугунную пушку. Пушкаря насыпали в жерло пушки порошу, потом натолкали туда гальки, повернули в сторону Дунгановки, вставили в отверстие в казёнке фитиль и подожгли. Пушка сначала взвилась на дыбы, а потом оглушительно гаркнула. Галька зажжужжала и засвистела в сторону врагов. Это был выстрел лишь для морального воздействия на противника. Пушку опять куда-то увезли (сейчас она находится в Дубовом парке на братской могиле).

Декабрь 1918 года был многоснежный и холодный. Нудно тянулось время. У некоторых бойцов начали проявляться усталость и полное равнодушие к окружающему. Но не прошло ещё несколько дней, как настроение и самочувствие у всех изменилось. Перед вечером 26 числа в город вошёл первый Пишпекский Советский полк. Встреча его для нас и всех честных горожан была настоящим праздником. На тротуарах Краснооктябрьской улицы, по которой он проходил, выстроились большие толпы

людей несмотря на то, что над головой свистели вражеские пули.

«Красной Армии — ура-а!»

«Привет командиру, товарищу Логвиненко!» — кричали горожане, подбрасывая кверху шапки и носовые платки. Город ликовал.

Командир полка шёл сбоку первой колонны пехоты, в серой шинели, смушковой серой папахе, стройный, подтянутый. Через плечи — ремни, с правого бока — наган, с левого — шашка. Когда-то белое лицо, обветрило, задубело. Бойцы всяких возрастов и национальностей идут стройно с винтовками на ремне. Командир повёл пехоту в казармы. Вслед за пехотой, шла артиллерия, обозы, кавалерия. Среди артиллеристов я узнал своих друзей — Григория Чмырова и Андрея Дубикова. Как изменились их лица! Они давно не бриты и от этого кажутся серьезными, возмужалыми. Шутка ли пройти 600 вёрст за восемь суток без передышки в метели и лютые морозы!

Да и здесь, в родном городе, отдохнуть бойцам не пришлось. Утром 27 числа в полку и в отрядах был прочитан приказ командующего фронтом Л. П. Емелева о выступлении против мятежников.

После непродолжительной артиллерийской подготовки мы пошли в наступление на Дунгановку точно в назначенное время. Дунгановка была очищена от мятежников за полтора—два часа. Не удержались они и в Беловодске и в каком-либо другом месте.

Так был подавлен контрреволюционный мятеж в Пишпекском уезде Киргизстана.

Д. К. АКИМЕНКО

ЛИКВИДАЦИЯ КУЛАЦКОГО ЗАГОВОРА В ПИШПЕКСКОМ УЕЗДЕ

Установление Советской власти в селе Георгиевка¹, бывшего Пишпекского уезда, произошло в первых числах марта 1918 года.

Летом 1918 года из Пишпека в наше село приехали агитаторы — Н. Ф. Краснов и др. Они организовали Комитет бедноты, который и явился основной опорой Советской власти в Георгиевской волости. Вскоре комитеты бедноты были организованы и во всех остальных селениях и аилах правобережья р. Чу (ныне Курдайского района Казахской ССР).

В селах — Георгиевка, Успеновка и Казык были созданы большевистские ячейки. Однако как в Георгиевке, так и по всей волости всем верховодила кулацкая партия эсеров. Кулаки держали под своим влиянием темную массу крестьян. Так, при ликвидации комитетов Временного правительства в сельские советы пролезли эсеры. Председателем Георгиевского сельсовета был матерый кулак Захар Березенко. Вместе с другими кулаками Березенко преследовал бедноту, выступал против всех мероприятий Советской власти.

¹ Село Георгиевка, расположенное на правом берегу реки Чу, на территории Казахстана, в настоящее время является районным центром Курдайского района Джамбулской области. В состав этого района входят и остальные селения правобережья реки Чу, упоминаемые в воспоминаниях Д. К. Акименко (ред.).

Когда большевики Пишпека вынесли решение о ликвидации партии «левых» эсеров, кулаки Георгиевки задумали созвать волостной эсеровский съезд. Но этот съезд оказался неудачным — некоторые эсеровские делегаты приехали раньше, другие — опоздали. Между тем деревенская беднота, разгадавшая замыслы кулаков, тоже не дремала и готовилась к решительной схватке с ними. В Георгиевке из состава бедноты был организован отряд самообороны, командиром которого избрали Петра Илюшенко. Меня назначили волостным комиссаром. Нам стало ясно — кулаки что-то замышляют, устраивают по своим домам тайные сборища, готовят оружие. На одно из таких собраний 21 ноября 1918 года я, переодевшись в тулуп, пробрался незаметно и присел у порога. Эсеры обсуждали на этом собрании вопросы о вооруженном выступлении против Советской власти. Услышав об этом, я невольно привстал и меня заметили. Поднялся крик, я выскочил и прибежал к Петру Илюшенко. Мы решили принимать меры к предотвращению эсеровского вооруженного выступления.

В эту же ночь мы вызвали из села Касык небольшое количество вооруженных коммунистов, поставили их в засаду, а сами с рассветом пошли к сельсовету, куда известкой от имени уполномоченного партии «левых» эсеров вызвали Березенко. Когда он явился, арестовали его и под конвоем отправили в Пишпек. После этого прошли по домам кулаков, обезоружили их и часть арестовали. Теперь в нашем распоряжении было уже 85 винтовок и берданок, а также другое оружие.

22 ноября 1918 г. в Георгиевке был создан Зачуйский добровольческий отряд. Командиром отряда был назначен П. Илюшенко, комиссаром я и нач. штаба И. Т. Литвинов.

В этот же день мы объявили, что партия «левых» эсеров в Георгиевке больше не существует. Ячейка большевиков совместно с беднотой постановила: считать «левых» эсеров врагами народа и Советской власти.

В это время из села Черная Речка была получена тревожная весть. Как оказалось, кулаки разгромили сельсовет и на крыльце дома сельсовета вывесили старую вывеску волостного правления, а наутро назначили молебен «во здравие дома Романовых». Кулаки Черной Речки

имели сговор с эсерами и кулаками Беловодска, они намеревались выступить против большевистского Пишпека.

Ночью с двенадцатью вооруженными бойцами Зачуйского отряда я приехал в Черную Речку. Кулацкие заговорщики ничего не знали о нашем прибытии в село. Утром они собрались на церковной площади, где чернореченский поп начал молебен. Нам удалось собрать и вооружить сельскую бедноту. С пением «Смело, товарищи, в ногу» мы двинулись к церковной площади. Кулаки пришли на молебен с оружием. Мы окружили их сборище, и я командовал им: «Садись!» Все повиновались, сел и поп. Кулакам было приказано сдать оружие. В это время один из группы бедноты Черной Речки, старик с окладистой бородой (фамилию его не помню), сорвал вывеску волостного правления и водрузил там красный флаг. Из среды кулаков мы арестовали четырнадцать человек самых активных зачинщиков и под конвоем отправили их в Пишпек.

К 4 часам дня изъятие оружия и ликвидация партии эсеров на Черной Речке была закончена, и мы возвратились в Георгиевку, поручив комитету бедноты Черной Речки обеспечивать спокойствие и порядок на селе.

Вскоре после нашего возвращения в Георгиевку было получено известие, что кулаки селений, расположенных вниз по течению реки Чу, тоже намереваются пойти на открытый мятеж против Советской власти. Кроме того, кулаки распускали слух, что с Балхаша к ним на поддержку движется отряд белоказаков.

В первых числах декабря из Пишпека я получил распоряжение — сделать глубокую разведку по Зачуйским селениям до села Ново-Троицкого. Из Георгиевки я выехал в сопровождении четырех товарищей — Василия Клюквина, Сергея Шкурятюва, Кузьмы Григорьева, Ивана Захарина. По дороге в селение Касык прихватил еще пятерку. Проездом через село Успеновку мы узнали, что там кулаки тоже намеревались поднять мятеж, но их вовремя обезоружила сельская беднота, где военкомом был назначен Степан Булавин и командиром отряда Павел Терещенко.

По пути в Благовещенку мы задержали трёх всадников, стали расспрашивать, куда они едут. Они ответили, что где-то поблизости у них пасутся бараны. Но я не по-

верил и приказал им спешиться. У одного из всадников из под седла выпал револьвер. Мы произвели обыск и у другого нашли в кармане шубы наган. Тогда мы арестовали их и при дальнейшем обыске отобрали у них список — извещение за подписью Благодаренко, Галюты и Павла Острожского — в котором было изписано: «избивать ~~Благодаренко~~ и их семьи всех от малого до великого».

Как оказалось, эти три всадника, задержанные нами, были посланы главарем Беловодского мятежа Павлом Благодаренко — поднимать на мятеж против Советской власти жителей всех зачуйских селений. Я снарядил конвой из трех человек под командой Василия Клюквина для отправки арестованных в Георгиевский штаб, а с остальными товарищами поехал дальше.

На дороге к селу Вознесенскому нас встретил один казах и сообщил, что ехать в село опасно. Мы заночевали в гостеприимного казаха, а рано утром, переодевшись в казахскую одежду и минуя Вознесенское, поехали в Ново-Троицкое, где было назначено собрание двух селений. В селе Ново-Троицком нас никто не знал, и мы без препятствий проехали на церковную площадь, где кулаки уже вели митинг, и с речью выступал беловодский купец Краснобородкин, призывая к мятежу. Медлить было нельзя, и мы покинули село.

На обратном пути около Благовещенки у паромной переправы через р. Чу мы перерубили канат, чтобы закрыть сообщение с левым берегом.

От том, что кулаки зачуйских селений были готовы выступить против нас, доказал и еще один случай. В селе Вознесенском нам потребовалось сменить приставших лошадей. На наше требование произвести эту замену один из кулаков села заявил: «Вам, большевикам, осталось жить только до вечера». За эту наглость кулак получил по заслугам. Лошадей мы заменили и двинулись в обратный путь, в Георгиевку.

Не пришлось отдыхать и в селе Успенском. Там я встретил Василия Клюквина, посланного ранее для сопровождения беловодских мятежников, и приказал ему совместно с успенским отрядом выехать в Вознесенку, прийти на помощь бедноте этого села, обезоружить кулаков.

В селах: Успенском, Касык, Георгиевка, Благовещенка

были выставлены вооруженные заставы для охраны. Военно-политический штаб из Пишпека приказал нам охранять Чуйский мост и телеграфную линию Пишпек—Верный. Своевременные и решительные меры по обезоружению и изоляции кулаков по селам нашей волости создали благоприятную обстановку для успеха в борьбе с беловодскими мятежниками. Кулаки зачуйских селений не посмели выступить против нас. Их мятежное выступление было подавлено в самом начале, а почтовый тракт Пишпек—Верный все время был в наших руках, по которому мы держали связь с областным центром и получали подкрепление людьми и оружием.

Когда я возвратился в Георгиевку, из Пишпека было получено сообщение о начавшемся кулацко-эсеровском мятеже в Беловодске. В тот день из Верного на пяти бричках, запряженных тройками лошадей, были доставлены винтовки с патронами. Я дал распоряжение немедленно мобилизовать у населения подводы и верховых лошадей. К семи часам вечера наш отряд под командованием Петра Илюшенко был готов к выступлению. В Пишпек мы прибыли к десяти часам вечера, в ту пору, когда мятежники заняли уже западную половину города и бой шел в казармах.

После небольшой передышки наш отряд включился в ночной бой за казармы. К утру мятежники были выбиты из казарм и бежали в Дунгановку.

С приходом полка Логвиненко с Северного Семиреченского фронта Беловодский мятеж был подавлен, и Георгиевскому отряду вместе с отрядом Сухомясова было приказано ликвидировать очаги мятежа в причуйских селениях. Отряд Сухомясова шел левым берегом, наш Георгиевский — правым. В селе Вознесенском мы соединились, захватили штаб мятежников, арестовали тринадцать человек.

Преследуя мелкие разрозненные группы мятежников, мы прошли до села Ново-Троицкое. Главари мятежа Благодаренко и Галюта успели бежать на Балхаш.

Мятеж был ликвидирован, и наш отряд возвратился в село Георгиевку.

Весной 1919 года на Семиреченском фронте пошел в наступление белогвардейский атаман Анненков. Создалось тяжелое положение. В Красную Армию было при-

звано новое пополнение, была объявлена партийная мобилизация. Все коммунисты пошли на фронт. Наш Георгиевский отряд также был отправлен на фронт, в Абакумовку. Летом 1919 года мы вели бои под станицами Аксу и Сарканд, на обороне Копала.

После падения Черкасской обороны и сдачи Копала мы занимали оборону в Ак-Ичке. С прибытием на фронт нового командования, в начале 1920 года, начались наши активные боевые действия против белогвардейских войск, — мы повели наступление на Копал. В стане белых началось разложение. Многие из них, убедившись в бесплодности борьбы против Красной Армии, целыми подразделениями — ротами и батальонами, с оружием стали переходить на нашу сторону.

В конце марта 1920 года Копал был взят Красной Армией. Белогвардейская армия сложила оружие, а их генералы Анненков, Дутов и Щербаков с жалкими остатками войска бежали за границу, в Сынцзын.

И. Я. ТЕРНО; М. И. ЧЕРНОВ,
Я. В. ЧИЧАСОВ

БОРЬБА ЗА УСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В РАЙОНАХ ПРЖЕВАЛЬСКА И НАРЫНА

Пржевальский уезд был заселен крупными и крепкими селениями старожилов, переселившихся из разных губерний России еще с 1860 года; это — Сазановка, Тюп, Покровка и Аксуйка (Теплоключенка), жители которых в большинстве были кулаки и зажиточные середняки.

Впоследствии возникли селения — Лизогубовка, Соколовка, Джергес, Ново-Вознесенка, Отрадное, Раздольное, Талды-Су, Григорьевка, Семеновка, Иванецкое и другие, в которых кулацкая прослойка значительно меньше, чем в старожильческих селах.

В районе Пржевальского уезда были также и русские казачьи станицы — Николаевская (теперь Тюпского района), Марининовская (теперь село Ирдык Джеты-Огузского района). Кулацко-зажиточный слой русских сел был тесно связан с бай-манапским киргизским элементом. Указанный выше кулацко-байский элемент и служил основой для сопротивления и противодействия установлению Советской власти в Пржевальском уезде. Рабочая прослойка была малочисленной: не больше сотни людей на мельницах, на маслобойном заводе и в кустарных мастерских.

Вследствие оторванности от краевого и областного центров связь с Приссыккульем была во всех отношениях очень слабой.

Оформленной большевистской организации до середины 1918 г. в Пржевальске не было. Были отдельные большевистски настроенные солдаты и местные жители. Среди них были: Г. А. Волков, Н. С. Иванов, писарь Тюпской волости Сергей Доронин, М. И. Чернов, Ф. А. Кузнецов, солдаты Пржевальского гарнизона: Максим Томах, Петр Чувячкин и политссыльный Константин Иванов (убитый в 1918 году) и другие.

Группа этих товарищей собиралась нелегально и проводила свои собрания в том здании в Пржевальске, где теперь общежитие студентов пединститута и столовая.

На собраниях обсуждались вопросы о разоружении гарнизона, о распространении листовок по городу и селам, о настроении среди солдат гарнизона и среди населения.

Гарнизон состоял из Самарской дружины ополченцев и батареи, а кроме того в Пржевальском уезде собралось до 200 отпускных солдат, пришедших с фронта. Отпускные солдаты организовали совет отпускных солдат, председателем которого был Г. А. Волков.

В 1917 году за несколько месяцев до описанных выше событий из Каракола (Пржевальска) была отправлена в Ташкент во главе с М. И. Черновым группа солдат в количестве 40 человек. Когда эта группа прибыла в Ташкент, там уже установлена Советская власть. Солдатам разъяснили, что на фронт они не пойдут, так как власть перешла в руки рабочих и крестьян, и предложили принять участие во взятии крепости.

После взятия крепости советское командование разрешило части солдат выехать домой. Среди них возвращался к себе в Пржевальск и М. И. Чернов. Солдатам было поручено проводить на местах пропаганду и разъяснения об организации власти Советов. В Пишпеке Чернов приобрел киноаппарат, с которым к концу 1917 года и приехал в Пржевальск. Организованное Черновым кино послужило местом для агитации среди солдат, которые проходили в кино бесплатно.

В марте 1918 года на верхнем базаре в г. Пржевальске Н. С. Иванов и М. И. Чернов организовали митинг и объяснили, что Советская власть уже существует в Ташкенте и Верном, и предложили собравшимся пойти в казармы и разоружить солдат. Этому, однако, помешал на-

чальник гарнизона, предложивший всем участникам митинга — солдатам и гражданам — идти на заседание городской управы. На этом заседании Н. Иванов выступил с речью в защиту власти Советов и против Временного правительства, за что был арестован. Чернов скрылся.

20 марта 1918 года в Пржевальск прибыл Николай Сафронович Шокарев с полномочиями из Верного и потребовал немедленного освобождения из-под стражи Никанора Иванова, что было выполнено. К вечеру 20 марта был созван митинг в казармах и солдатам было объявлено о свержении Временного правительства и об установлении Советской власти. Таким образом, власть в Пржевальске стала Советской, но ее организаторы не сумели решительно ликвидировать правительственный аппарат, арестовать начальника гарнизона Попелявского и других белогвардейцев. За это время Попелявский послал отряд в Боомское ущелье и на Санташ, чтобы не пропускать никого в Пржевальск, дал указания обезвредить орудия, снять с них замки. Попелявский пригласил Шокарева, назначенного начальником гарнизона, и его заместителя Н. Иванова якобы для передачи им своих полномочий и арестовал их, а Чернова объявил вне закона, послал в Тюп телеграмму об его аресте.

Таким образом, с начала апреля 1918 года власть в Пржевальске была вновь в руках Временного правительства. Самарская дружина была демобилизована, оружие и припасы сданы на склад. Взамен демобилизованных были мобилизованы граждане в возрасте до 45 лет, разбитые на шесть групп по 75 человек в каждой, которые именовались караульными командами и несли службу по очереди, сменялись каждые пять дней, затем их заменили добровольцами.

Земская управа, как орган Временного правительства, существовала до 25 мая 1918 года, когда по распоряжению областного Совнаркома из Верного Пржевальское уездное земское собрание было переименовано в уездный Совет депутатов (Усовдеп), а земская управа в Пржевальске — в уездный Совнарком, первое заседание которого состоялось 27 мая 1918 года. Но Совнарком до 17 июня 1918 года продолжал быть преемником земства и только 17 июня был избран новый, советский уездный Совнарком в составе председателя Иосифа Григорьевича

Елистратова и народных комиссаров: по административно-управленческим делам, здравоохранению и т. д.

К этому времени в отряде Красной Армии было 120 человек, и затем эта цифра дошла до 300 человек. Добровольцы, как правило, являлись на своих лошадях. Делились они на пехоту, конную разведку, батарею из 4-х орудий и пулеметную команду из 4-х пулеметов.

В конце июня 1918 года в Пржевальск прибыл отряд под командованием Павла Никаноровича Павлова для окончательного установления Советской власти. До прибытия отряда Павлова главари Временного правительства из Пржевальска сбежали.

В Пржевальске был созван уездный съезд, на котором Павлов разъяснил сущность Советской власти, программу партии большевиков, ее цели и задачи, выдвинул на пост военного комиссара тов. Шокарева и предложил съезду обложить кулаков Пржевальска контрибуцией. 1 июля 1918 года уездный Совнарком был упразднен и организован Совет рабочих и крестьянских депутатов.

В июле 1918 г. в Пржевальск прибыли по уполномочию Областного комитета партии и Облисполкома гг. П. Д. Гречко и Р. П. Маречек. Им было поручено вести работу по налаживанию советского аппарата, организации партийных ячеек, оказанию помощи киргизам, возвращающимся из Китая. По вопросам формирования Красной Армии несколько позднее в Пржевальск прибыл член Облисполкома И. Я. Терно, который в конце 1918 года был назначен военным комиссаром вместо Шокарева.

С приездом П. Д. Гречко и Р. П. Маречека оживилась партийная работа. Была оформлена Пржевальская партийная организация. Тов. Р. П. Маречек выдал всем членам партии так называемые легитимации, которые заменяли партбилеты.

И. Я. Терно взялся за оформление отрядов Красной Армии. Командирами отрядов были М. Н. Кравцов, Е. И. Халюченко, М. И. Чернов и другие. Особенно следует отметить Михаила Никифоровича Кравцова как весьма активного и боевого командира Красной Армии.

В 1918—1920 годы в связи с операциями на Копальском фронте, с мятежом в Беловодске, выступлениями кулаков в Нарыньском районе, в Нарыне, из Пржевальска

направлялись отряды для оказания помощи в подавлении мятежей. Отряд под командованием М. Чернова, посланный в Нарын в 1919 году, контролировал перевалы, охраняя их от проникновения басмачей с Юга.

Кулацкий и антисоветский элемент в Пржевальске и уезде не оставлял мысли о свержении Советской власти в Пржевальске. Этот элемент был связан с белогвардейскими офицерами, находящимися в Кульдже. В селах Тюп, Сазановка, Покровка и Аксуйка состоялись секретные сходы кулаков, на которых было решено пригласить из Кульджи белого офицера Демченко, присоединиться к ним и взять гор. Пржевальск, ликвидировав там Советскую власть. — Это было в середине июля 1919 года. Весь этот белобандитский стговор вылился в так называемый Тюпский антисоветский мятеж, который начался 20 июля 1919 года.

Перед Тюпским мятежом в горные районы Кенъсу, Джаланаш были направлены отряды Красной Армии под командованием Андрея Почкалова и Михаила Кравцова, которые не успели вернуться в город до выступления мятежников. В городе была организована боевая партийная дружина, ее командиром был Я. В. Чичасов. Дружина сражалась с мятежниками до их разгрома.

Осада Пржевальска продолжалась до 25 июня 1919 года, и белые подошли к самому городу, но в это время подоспел на помощь отряд Кравцова и помог разбить белых. С нашей стороны были убиты Иосиф Чернов и пулеметчик Бовдуй, похороненные в братской могиле, в городском парке.

Кулацко-зажиточная верхушка и антисоветский элемент вновь стали готовиться к выступлению против Советской власти.

Мятеж начался в гор. Нарыне 6 ноября 1920 года.

Инициаторами этого мятежа были бывшие царские офицеры и нарынские кулаки. Они привлекли на свою сторону часть красноармейцев и комсостава 5-го погранполка. В Нарыне был расквартирован батальон 24-го сибирского полка; мятежники обезоружили батальон, ранили Нарыньского военкома Василия Копылова. В начале ноября 1920 года отряд особого назначения под командованием Тегина, стоявший в Пишпеке, получил назначение выступить на зимние квартиры в Нарын. Отряд двинулся в

Нарын обычным порядком. В селе Рыбачьем стало известно о мятеже в Нарыне. Это было 10 ноября. Рыбачье было объявлено на военном положении.

Командир отряда Тегин попросил из Пишпека подкрепление, и оттуда была прислана кавалерийская часть из Туркменского полка под командованием Кулешова.

Мятежники тем временем дошли до Кочкорской долины, намереваясь через Шамси проникнуть в Токмак (через горы) и перерезать путь частям Красной Армии. Противник закрепился на очень выгодных позициях при входе в Кочкорскую долину. Тегин, учтя эту выгоду естественных позиций противника, повел наступление одновременными ударами по флангам противника и в лоб.

Не ожидавший такого стремительного наступления наших частей, противник был сбит и начал поспешно отходить.

Перед Караункуртом мятежники пытались оказать нам сопротивление, имея опять у себя прекрасные естественные позиции. Но под натиском наших частей стремительно покатались в Нарын. К этому времени в Нарыне наши пленные и солдаты батальона сибирского полка, находившиеся под стражей в крепости, подняли восстание, обезоружили охрану, и мятежники в Нарыне не смогли задержаться, покатались к китайской границе, через Ат-Баши ушли в Китай. Командир мятежников Кирьянов был взят в плен еще в Кочкорке. Бывший царский офицер Демченко и др. захватили при бегстве в Китай 37 пудов опиума из Нарына. К концу ликвидации мятежа в Нарыне прибыла Семиреченская Обл. Чека для расследования причин мятежа и наказания виновных.

Заканчивая воспоминание, необходимо сказать, что трудовое население Пржевальского уезда оказывало большую помощь отрядам Красной Армии в борьбе с врагами доставкой фуража, продовольствия, теплой одежды и лошадей.

Р. И. МАРЧЕК

УКРЕПЛЕНИЕ СОВЕТОВ В ПРЖЕВАЛЬСКОМ УЕЗДЕ

После установления Советской власти в г. Верном 20 июня 1918 года я выехал с партийным поручением по области организовать партийные ячейки и органы Советской власти. Со мною поехали члены комиссии по подысканию участка для коммуны «Новая эра». Побывал я в Пишпеке, в Токмаке и крупнейших селах этих уездов — Лебединовке, Черной Речке, Быстровке, проводил собрания. Потом поехал в Пржевальский уезд, остался здесь на партийной работе.

В это время ожидали возвращающихся киргизов из Китая в Пржевальский уезд. Было опасение мести киргизам за 1916 год со стороны русского кулачества, захватившего их земли. По этим делам в Пржевальский уезд специально приехал П. Д. Гречко.

Незадолго до моего приезда в Пржевальск пришел отряд П. Н. Павлова, направленный для установления революционного порядка.

В Китай выезжала комиссия Виноградова для установления добрососедских и торговых отношений, а также по вопросу возвращения беженцев-казахов и киргизов на Родину. В сентябре 1918 года из Пржевальска в Китай ездил торговая комиссия для закупки мануфактуры в сопровождении двенадцати красноармейцев. А в 1919 году из Пржевальска еще посылали комиссию. Эта ко-

миссия состояла из киргизов. Я помню, что в нее входили Кендырбаев и Чимжиев, они ездили в Уч-Турфан по делу беженцев-киргизов.

Когда я ехал в Пржевальск по южному берегу озера Иссык-Куля, положение там было очень тяжелое. Мне объяснили, что здесь среди киргизов был голод и свирепствовал тиф. В Пржевальске товарищ Гречко организовал питательный пункт. На южном берегу озера Иссык-Куля, на Тоне, или по-русски в селении Кольцовка, был назначен специальный комиссар по приему беженцев-киргизов. Открыты были еще пункты на Каркаре, Кутемалдах¹, Кочкорке, Нарыне и Ат-Башах.

В г. Пржевальске мы стали знакомиться с кадрами советских работников, которых было немного. Председателем уездного Революционного Комитета в то время был Елистратов, по профессии столяр. Военным комиссаром был товарищ Шокарев (по профессии плотник), назначенный на эту должность Верненским Военно-Революционным Комитетом еще 4 марта 1918 г.

Вспоминаю из активных товарищей членов партии — командира батареи т. Георгия Седых, помощника командира т. Клец, красноармейца т. Иосифа Чернова, погибшего в боях с белоказаками во время Тюпского мятежа Шокарева, Михаила Чернова. Знал командира конной разведки М. Кравцова, красноармейцев Ипченко, Пономарева, двух братьев Ржевских, фельдшера Лебедева, Федора Кузнецова, И. И. Абрамова (бухгалтер), Я. В. Чичасова.

Вышеперечисленные товарищи составляли ядро нашей городской партийной организации большевиков, созданной в июле 1918 г. По распоряжению из Верного проходили выборы в Городской Совдеп. В первую очередь была создана организация профсоюзов, потом созданы органы Советской власти. Приехал инструктор, местный учитель с курсов из Верного, который помогал в работе по созданию земельно-водных комитетов.

Выборы на уездный съезд проходили следующим образом: в городе Пржевальске собрали общее собрание членов профсоюза, там выбирали делегатов. Делегаты были избраны и в Красной Армии, а также в селах и

¹ Кутемалды — ныне г. Рыбачье (ред.).

аилах от земельно-водных комитетов. На съезде был избран уездный Совдеп.

Большая работа была проделана городским комитетом партии по обеспечению Красной Армии. Были организованы швейная, сапожная, шорная, портняжная и седельная мастерские. Верный помог сукном и мануфактурой, для красноармейцев шили обмундирование, белье, тюфяки, сапоги, готовили для кавалерии седла.

Уездный партийный комитет провел большую работу по устройству беженцев. Землеустроители отводили киргизской, русской бедноте свободные земли. Русских кулаков, захвативших самовольно земли, выселяли, а землю передавали возвращавшимся из Китая киргизам-беженцам. На южном берегу Иссык-Куля, в селе Покровке, землеустроители и трудовых татар, из которых основали в 1918 году поселок Тамгу.

Беженцы-киргизы в большинстве устраивались в Иссык-Кульской долине, в Нарыне, в Кочкорке. Устраивали сбор хлеба, одежды, кошом, частей юрт и т. д. и распределяли возвращенцам. А также собирали зерно, хлеб для них. Эта работа длилась в течение 1918—1920 годов. Я работал в Пржевальске до 31 декабря 1920 года.

12 марта 1919 года в Верном собрался второй областной съезд Советов, который закончился 3 апреля 1919 г. Делегатов собралось около 150 человек. От Пржевальского уезда приехали четыре делегата, в том числе и я. Съезд на 40% состоял из киргизов, казахов, татар и уйгуров. Остальные делегаты были русские.

Большим вопросом съезда было оказание практической помощи Северному фронту. Выступал командующий войсками области т. Емелев. Он указал на осложнение и затяжной характер борьбы на Северном фронте в связи с появлением генерала Анненкова. Бешеный натиск белого казачества с севера приходилось выдерживать исключительно красным войскам Семиреченской области, для которых это являлось труднейшей задачей.

Емелев заверил съезд, что Красная Армия победит врагов Советской власти, несмотря ни на какие трудности. Съезд в полном составе приветствовал прилетевшего из Ташкента летчика Шаврова, который направлялся на Семиреченский фронт.

Председателем Облисполкома был избран на съезде

беспартийный Кучин. После съезда я уехал обратно в Пржевальск, принимал участие в работе сельскохозяйственной коммуны «Новая эра», которая была организована в мае 1918 года в местности Джергалчак, на южном берегу Иссык-Куля, из 80 дворов. Председателем был Косьяненко. Я выполнял политпросветработу, агрономом был Антонов. Облисполком отпустил коммуне ссуду в размере 300 тыс. рублей верненскими знаками. На эти средства коммуна приобрела необходимый инвентарь.

Из Пишпека прибыла в местность Тон коммуна «Новая жизнь», организованная Иваницыным и Крутоголовых.

Кроме сельскохозяйственных работ коммуна «Новая эра» занималась выделкой овчины и гончарным производством. Были организованы мастерские по плотничному, столярному и кузнечному делам. Построена парусная лодка для рыболовства. Коммуна вырабатывала деготь, уксус и древесный уголь, необходимый для кузнецов. В коммуну вступило несколько человек из киргизов — Конгурбаев и другие. Коммуна обеспечила себя хлебом и овощами, построила жилые дома для своих членов. Большое число коммунаров были мобилизованы и ушли на Северный фронт. В связи с этим коммуны «Новая эра» и «Новая жизнь» объединились под названием «Единение», переселились на участок бывшего Троицкого монастыря. Прежняя земля коммун по Джергалчаку и по Тону в порядке землеустройства перешла киргизскому населению.

В июле 1919 года на город Пржевальск напала белая банда казаков. Они пришли через перевал Санташ в Тюп (с. Преображенское). В Тюпе к казакам присоединились тюпские и аксуйские кулаки. В коммуне «Новая эра» все коммунары были под ружьем. В глиняных заборах построили бойницы, на дорогах стояли посты. К коммунарам «Новой эры» присоединилась беднота. Всего у нас было 30 винтовок, против нас стояли кулаки сел: Покровка, Светлая Поляна и Иваницкое. Нашей группой командовал А. Ф. Сигитов. Кулаки идти в наступление открытым фронтом против нас не решались. Я добрался в Рыбачье, по телеграфу сообщил в Токмак, Пишпек, Алма-Ату и Нарын. На Тоне я заехал в коммуну «Новая жизнь», но там не оказалось ни одной винтовки. Через некоторое время подошли первые части Красной Армии из Токмака. Из

Нарына прибыли два красноармейца для связи. Организовали охрану дороги на Сырты по реке Нарыну, откуда можно было ожидать нападение на Нарын. Наша группа разделилась на две части. Человек тридцать мы направили по южному берегу, остальных по северному. Отрядом, направляемым по южному берегу оз. Иссык-Куля, командовал я лично. Оружием, которое привезли из Токмака; мы вооружили членов коммуны «Новая жизнь». Белая банда, не выдержав натиска красных отрядов, бежала в горы через большую Кызыл-Кийскую и Заукинскую щели.

Из Ташкента в Пржевальск прибыла группа бывших военнопленных чехов. Среди них был опытный механик-электротехник Куглер. Был привезен бездействующий локомотив из Васильевской партии в Пишпек. А из Ташкента привезли динамо, электропровода и лампочки. Пржевальск впервые в 1920 году увидел лампочки Ильича. Было открыто кино в доме Общественного собрания. Группой чехов Куглером, Цорфалом и Карасеком были отремонтированы и пущены в ход пивоваренный завод и вальцовая мельница. Забилось сердце местной промышленности, ожил город.

И. Г. ЧЕБЫКИН

В ПИШПЕКЕ И НА СЕМИРЕЧЕНСКОМ ФРОНТЕ

В 1915 году я был взят в солдаты и служил в г. Джаркенте.

После Февральской революции в Семиреченскую область прибыли комиссары Временного правительства Шкапский и Иванов, которые возглавили военную и гражданскую власть в области. От них поступило распоряжение выбрать делегатов и прислать в г. Верный на первый Семиреченский областной съезд. Из нашей дружины г. Джаркента выбрали меня и Ивана Павлова. Делегаты собрались из всех пяти уездов: Пишпекского, Пржевальского, Копальского, Джаркентского и Верненского. Делегаты были разных слоев: офицеры, солдаты, казаки, чиновники, купцы, рабочие и даже был один поп.

В большом губернаторском зале, где была устроена трибуна с оркестром, был открыт первый Семиреченский съезд. Шкапский выступил с речью, в которой осветил создавшееся положение в России, а комиссар Иванов рассказал о демократическом строе в России, о свержении царского правительства и предлагал избрать лучших людей в Учредительное собрание.

Были избраны депутатами в Учредительное собрание: один русский чиновник Переселенческого управления Шабалин и казах Тынышпаев. Для выработки наказов съезд разбился на секции. Когда проект наказов выносился на обсуждение, тут начались споры и разногласия.

Я был в секции по земельному вопросу, которую возглавлял Березовский, политический ссыльный. Он встречался с Лениным, и убеждения у него были большевистские.

Самым острым был земельный вопрос. Разногласия между крестьянами и казаками, а также между русским и коренным населением Семиречья были очень острыми. Комиссары Временного правительства Шкапский и Иванов были на стороне казачества.

В казачьей станице Шкапский и Иванов провели тайное совещание, на котором было решено арестовать отдельных делегатов съезда. Березовский и Овчаров сказали, что нужно быть осторожными, на заседания являться не надо. Березовский уехал в Талгар, а Овчаров — на дачу к одному знакомому. Я переселился к брату, который жил в слободке, и не стал появляться на улице. Березовского и Овчарова убили казаки. Узнав об этом, я из Верного бежал в Пишпек.

В это время в Пишпек во главе уездного правительства стоял эсер Хохуля. Я устроился на работу в комиссии по возмещению убытков пострадавшим в восстании 1916 года. Беженцы были размещены в горах. Старшина и уполномоченные получали продукты и в общих котлах готовили пищу. Киргизов и казахов-беженцев прибывало много, продуктов не хватало.

В феврале 1918 г. был созван уездный съезд Советов в Пишпек. Я пошел на съезд слушателем. Здесь было не так, как в области. Не было офицеров, чиновников и купцов. Большинство на съезде составляли крестьяне и солдаты. Съездом был избран Совдеп из обеих партий, которые уже существовали, т. е. большевиков и «левых» эсеров. Я вступил в партию большевиков. Начал выполнять поручения городского комитета партии. Выезжал по селам, агитировал молодежь добровольно вступать в Красную Гвардию, а также организовывал партийные ячейки, комитеты бедноты.

Когда был прорван Оренбургский фронт и наша партия связалась с центром, образовалась централизованная власть. Эсеры были этим недовольны. В центре эсеры были объявлены вне закона, тогда и наша партийная организация занялась этим делом.

На одном из собраний Иваницын объявил письмо из

Верного и заявил, что эсеровская партия считается вне закона, а члены эсеровской партии, желающие вступить в партию большевиков, могут остаться, остальным предложил покинуть зал. Несколько человек из «левых» эсеров ушли, а некоторые остались. И они, как изъявившие на то свое желание были приняты в большевистскую партию.

На собрании возник вопрос — эту же процедуру провести в селах и волостях. Для этой цели были выбраны я, Беспалов, Краснов, Исамуддин Худайбергенев. Я выехал в Зачуйский район, Исамуддин Худайбергенев уехал в киргизские волости от Кара-Балтов до Пржевальского уезда.

Эсеры, не пожелавшие вступить в партию большевиков, выехали из Пишпека. Вот тут-то мы только узнали, что из себя представляют эсеры Благодаренко, Калпанин и Карелин. Они были прапорщиками, служили царю верой и правдой, а теперь стали на путь контрреволюции и начали вести агитацию среди кулацкого населения деревни, черня большевиков. Они готовили кулацкий мятеж.

В начале декабря 1918 года я приехал в с. Садовое. Эсер Галюта — председатель сельсовета — отказался подчиниться распоряжениям Пишпека. Секретарь сельсовета мне сказал: «Из города приехал Благодаренко, находится у Галюты, на десять часов собирают совещание. Но я вам не советую оставаться здесь».

Видя все это, я решил уехать. Киргиз Рахманбай рассказал мне, что кулаки русских поселков сговорились идти на город, чтобы уничтожить большевиков. В целях маскировки я надел старую шубенку, взял банку для керосина, оставил лошадь и пошел в Пишпек, к себе домой.

Кулаки и эсеры Беловодска и Садового подняли мятеж, но вскоре этот мятеж был подавлен, а мы, инструкторы, продолжали свою работу по селам и айтам Пишпекского уезда. В 1919 г. нам всем инструкторам было предложено выехать в Загорный участок, где надо было организовать айльные Советы.

Мы прибыли на Сусамыр. Беднота была забита, она находилась под влиянием баев и манапов. Стали собирать собрание, разъяснять населению о Советской власти, проводили выборы в Советы из бедняков и середняков.

Манапы и баи, волостные управители, айльные старшины — люди, которые занимались эксплуатацией чужого труда, на выборы не допускались. И там мы провели выборы во всех четырех волостях Загорного участка. Начальника Загорного участка, ставленника Временного правительства, под арестом отправили в Пишпек.

В Пишпек по распоряжению ТуркЦИКа и командующего Туркфронта проходила пятидесятипроцентная мобилизация членов партии в отряд Тегина, который прибыл из Ташкента и следовал на Северный Семиреченский фронт.

Многие демобилизованные солдаты старой армии состояли в рядах партии. Это был надежный народ. Набор прошел удачно. Записалось в Красную Армию триста пятьдесят человек, и с отрядом Тегина, в котором было сто человек, мы выступили в г. Верный. Из Верненского уезда набралось пятьдесят человек, таким образом был сформирован батальон особого назначения. Поздней осенью 1919 года мы прибыли в Гавриловку, где находился штаб фронта. Здесь стоял кавалерийский полк Калашникова. Второй кавполк — Горбатова стоял в Копале, а белые под командованием атамана Анненкова стояли в Сарканде, в тридцати верстах от Копала. 14 ноября 1919 г. в г. Копале мы были окружены со всех сторон. Начался бой. Войска противника во много раз превышали наши силы. Положение у нас было тяжелое, мы оказались в мешке. Решили отбиваться до последнего человека.

Наши части оставили Копал и отступили на Ак-Ичке. Там оказалось хорошее укрепление. Взять его белым было трудно.

В январе 1920 г. мы пошли в наступление на Копал. Первое наступление не увенчалось успехом, пришлось вернуться назад, на старые позиции. Прибыл из Ташкента Теккинский полк и мы в феврале вторично пошли в наступление. Штурмом взять Копал было невозможно, противник имел большое преимущество в оружии. Командование решило окружить и держать город в осаде, так как нам было известно, что продовольствия в городе не хватало. На двадцатый день осады города белые прислали делегацию с заявлением о капитуляции. Анненкова в Копале уже не было, его замещал генерал Щербаков. Был послан от нас комиссар Гречищев в Копал. Белые приня-

ли наше предложение, сложили оружие. Пленных группами под конвоем отправили в Верный.

Взятием Копала наша задача еще не была выполнена. Анненков с самыми надежными войсками находился в Сарканде. Нужно было подготавливать наступление на Сарканд, который находился в тридцати верстах от Копала. Мы дошли до селения Арасан, нам навстречу шла делегация, которая сообщила, что Анненков оставил приказ сдать ся, а сам с казаками и офицерами перешел китайскую границу. Так был ликвидирован Северный фронт нашего Семиречья. Стали проводить демобилизацию, в первую очередь старших возрастов.

Я прибыл в Пишпек в мае 1920 года и, как член партии, был назначен председателем уездно-городского комитета. Началась организационная работа. Наша связь с областью в дни контрреволюционного мятежа, поднятого в воинских частях в Верном, в июне 1920 года была прервана. От Туркфронта поступило распоряжение организовать кавалерийский отряд, послать его в г. Верный. Пока наш отряд прибыл в Верный, подоспевшим полком, который находился недалеко от города Верного, мятеж был ликвидирован.

Наступившая мирная передышка в Семиречье была недолгой. Бежавшие за границу остатки разгромленных войск атаманов Анненкова, Дутова и Щербакова обособились в Синьцзяне и были постоянной угрозой для мирной жизни. Белые банды временами переходили границу, нападали на пограничные селения.

Белогвардейские генералы не оставляли своих намерений открыть новый фронт в Семиречье.

По их наущению в ноябре 1920 года белогвардейские офицеры с Кирьяновым во главе подняли мятеж в Нарыне.

Мятежники арестовали и расстреляли руководителей местных органов Советской власти и пошли в наступление на Токмак и Пишпек.

В Токмаке был организован военный штаб и все коммунисты поставлены под ружье, город объявлен на военном положении. На подавление Нарынского мятежа выступил отряд Тегина. К нему на помощь был послан кавалерийский отряд текнищев. Кроме того, был сформиро-

ван отряд в сто человек, вооруженных старыми винтовками и охотничьими ружьями.

Ночью в Токмак прибыл начальник Загорной волости и сообщил, что основная масса мятежников идет по направлению Боомского ущелья, и часть их движется к перевалу Шамся, очевидно, с той целью, чтобы напасть на Токмак внезапно, с тыла. Мы с Дригиным во главе отряда выехали в горы, по ущелью Шамси, разведать правильность полученных сведений и, если будет возможно, оказать сопротивление мятежникам.

Ночь была темная. Войны нашего отряда, жители Токмака, хорошо знавшие местность, сказали, что в глубь ущелья ночью врезаться нельзя, можно наткнуться на неприятеля. Мятежники, наверное, почуют в Кордоне, и нам следует занять позицию в воротах. Это в семи верстах от Кордона. Это первые предгорья—две скалы, а между ними проходит дорога. Мы можем засесть в хорошо укрытых местах и не дать прохода противнику. Было близко к рассвету, когда мы прибыли на предполагаемые позиции. Лошадей спрятали поблизости, в логах, а сами разделились на две группы, залезли на горы; здесь действительно была хорошая позиция. Можно было укрываться за камнями, обстреливать противника, загородить ему дорогу.

На рассвете мы увидели движущиеся колонны—человек сто с ружьями и котомками. Шли пешком тихо. Договоренность наша была открывать огонь, когда войдут в ворота. Так и сделали. Солнце уже поднялось высоко, мятежники заходили в ворота. Мы по данному сигналу открыли огонь. Пули наши, конечно, не долетали. Но мятежники побросали винтовки и подняли руки; делают знак, что сдаются. Мы прекратили стрельбу, предложив им отойти на пятьдесят шагов от оружия. Забрали их оружие. Винтовки были трехлинейные.

Шли еще две колонны человек по сто, в двух перстах позади. Было видно, что они остановились, а минут через двадцать стали отходить в обратную сторону.

Я с десятью бойцами отряда повел пленных мятежников в Токмак. А Дригин двинулся вперед—преследовать отступающую группу противника.

Основной бой с нарынскими мятежниками разгорелся

в районе Кочкорки, где они были разбиты наголову и сам главарь мятежа офицер Кирьянов оказался в нашем плену. Красноармейские отряды преследовали разгромленных мятежников до Нарына, где незначительные их остатки бежали за границу в Китай, а пленные вожак мятежа и отъявленные контрреволюционеры получили заслуженную кару от советского правосудия.

И. И. БОЛБАЧАН

В ТЫЛУ И НА ФРОНТЕ

В первых числах декабря 1917 года я прибыл из Ташкента в гор. Пишпек. В то время управлял уездом чиновник, некий Хохуля — ставленник Временного правительства, уездный пристав Грибановский, воинский начальник Писаржевский и другое чиновничество. Городское купечество, баи и кулаки, энергично защищали Временное правительство.

В Пишпек я встретил А. И. Иванича, Г. И. Швеца, Базарного, М. В. Денисюка, Е. М. Прядко, И. С. Меркуна и других. Они составляли группу большевиков, к которой примкнул и я.

Уездное эсеровское начальство назначило Крестьянский уездный съезд на 21 февраля 1918 г. Большевики решили опередить уездную власть и разослали своих уполномоченных в каждое село с разъяснением положения в России и с просьбой выслать депутатов на уездный съезд Советов 11 февраля 1918 года.

Я был избран на съезд крестьянами села Молдавановского. 11 февраля 1918 года уездный съезд, созванный большевиками, открылся.

Уездное начальство Временного правительства решило сорвать съезд. Но это ему не удалось.

Съездом народных депутатов было решено:

1. Отстранить ставленников Временного правительства.
2. Избрать уездный Совет народных депутатов.
3. Установить административное подчинение Ташкенту.

1-й Совет народных депутатов был избран из 27 человек, в том числе и я. В Совете я был назначен членом народного суда и вошел в состав юридической секции Совдепа. Депутаты первого уездного съезда гарантировали Совету, что если начальство Временного правительства, кулачество и кулачество будут нападать на Совет народных депутатов, то крестьянство даст соответствующий отпор.

Так родилась в уездном городке Пишпек Советская власть. Но пролезшие в Совдеп эсеры тормозили установление Советской власти по уезду.

В декабре 1918 года эсеровские лидеры, учитывая, что большинство фронтовиков, члены партии, мобилизованы и отправлены на Северный фронт, подняли мятеж против Советской власти.

Я не буду описывать развитие и ликвидацию Беловодского мятежа.

Главный штаб обороны во главе с Иваницыным своевременно предусмотрел не допустить соединения кулацких группировок Каракунуза, Архангельского, Черной Речки и других сел с беловодскими группировками. Для этой цели коммунистам села Георгиевского и Успенского было поручено организовать из крестьян боевые отряды для защиты Пишпека с фланга и тыла, охраны Чуйского моста и телеграфной линии Пишпек—Верный.

Отряды хорошо справились с поставленной задачей, врага в тыл не пустили.

С весны 1919 года атаман Анненков и генерал Щербатов, мобилизовав семиреченское казачество и сибирское кулачество, в союзе с алаш-ордынцами ожесточенно рвались в центр Семиречья—г. Верный. Но большевики Семиречья стойко заграждали им путь. Станицы Сарканд, Аксу, Абакумовское и Арасан несколько раз переходили из рук в руки. Советские отряды были вынуждены отступить до г. Копала. Пишпекский, Токмакский и Пржевальский уезды организовывали отряды в помощь Северному фронту. В конце ноября для пополнения ташкентского экспедиционного коммунистического отряда была объявлена 50% мобилизация, в которую попал и я.

По прибытии в село Гавриловку, где находился штаб Северного фронта, наш батальон был назначен на передовую в г. Копал, заменить 1-й кавалерийский полк,

каковому предстоял отдых. В Копале находился эскадрон 2-го кавалерийского полка. На фронте было затишье. Остальные отряды пехоты и кавалерии были на отдыхе, а часть их готовила боевые рубежи и ушли в Ак-Ичке.

С организацией Красной Армии наш батальон был переформирован в первый батальон 25 Туркестанского стрелкового полка. В октябре Копал был атакован двумя полками казаков и двумя полками пехоты белых. Копал был окружен, и мы потеряли связь со штабом фронта. Целые сутки бои шли непрерывно. Северная часть города была уже в руках врага, и бои шли на центральной улице. Восточная часть города, благодаря валу какой-то древней крепости, стойко отражала подкатывавшие одна за другой вражеские атаки. На другой день Военный Совет решил прорвать западную часть фронта на реке Копалке, освободить водопой и ход для связи со штабом. Это было поручено командиру 2-й роты А. П. Конику. Он со взводом в ночной темноте снял две заставы и открыл ход к водопою, в западную часть окружения белых и соединился с батальоном, которым командовал П. Илюшенко. После этого был приказ штаба 3-й Туркестанской дивизии командиру нашего батальона оставить Копал.

Зима в 1919 году была в тех местах очень холодная. Выпал глубокий снег, дули сильные ветры, стояли морозы до 30 градусов. Окопы заносило снегом. На передовой линии Ак-Ичке, где ближе 15 км населенных пунктов не было, мы копали окопы в мерзлой земле. Бойцы отправлялись группами по ночам отыскивать заброшенные стога необмолоченной пшеницы, которую использовали для питания и утепления землянок. Бывали и такие случаи, когда среди темной ночи группы бойцов с оружием по глубокому снегу, а иногда и в бурях гуськом подходили к стогу пшеницы с двух сторон: красные с Ак-Ичке, а белые с Копала. Группы останавливались, разговаривали между собой. Ни те и ни другие не думали о какой-либо боевой схватке. И вот окрик из группы белых: «Эй, вы! Нет ли кого из села Чаловки?» И вдруг оказывается из-за стога боец красной группы, стараясь как можно скорее крикнуть: «Есть, а ты кто? Кажется, Васька Козик? Эй ты, так иди закурим», —

«А ты кто? Кажется, Ромка Озерин?» — «Ну да, — иди, табак гавриловский, сколько хочешь». И пошла раскурочная все смелей и смелей. «Эх, Васько, и какой же ты дурак, — извини, что ругаюсь, — бросил жену, детей, стариков и пошел защищать, ну скажи, кого? Царя? Его давно нет. Атамана? Ну он сам не знает, куда деваться. Советская власть по всей России, во всей Сибири, в Ташкенте и в Семиречье. Она есть и будет, пока солнце будет обогревать землю». — «Да мы уж не так против Советской власти, как против коммунистов». — «Ну что ты скажешь!» — разводит руками командир взвода Озерин и вдруг срывает с головы ушанку и тычет ему в лицо головой: «Ну на, на, пощупай есть рога, или нет? Я тоже записался в коммунисты, а ты хочешь пишись, хочешь век не пишись. Да какой ты кулак, у нас теперь такне, как ты, — все середняки, да еще такне активисты». Козин вздохнул, а Озерин продолжал: «Пойдем, я командир взвода, я сам тебя отведу к военкому, а он даст бумажку, что сдал оружие, и сам пойдешь в штаб, а штаб отправит тебя в твою же родную семью». Стоявший сбоку высокий казак коротко и решительно спросил: «И мне можно? Я из Царицынской станицы». «Да лучше было бы, если бы вы все казаки пошли и через несколько дней были бы дома».

И так чаще и чаще группы красноармейцев стали приводить по несколько перебежчиков, направляя их в штаб. Впоследствии переходили разведочные подразделения, роты и один батальон в полном боевом составе, с оружием.

Продолжалась переформировка, подходило подкрепление, но фронт чрезвычайно нуждался в питании, теплой одежде и обуви, транспорте, фураже и даже в топливе. 9-я бригада 3-й Туркестанской дивизии формировала полки и должна была обеспечить фронт вышеупомянутым продовольствием и снабжением.

Политический отдел Реввоенсовета Армии Семиреченской области объявляет с 5-го января 1920 года неделю фронта и поручает мне провести таковую в Копальском уезде в самых отдаленных районах. В одиннадцати крупных зажиточных селах и четырех богатых казачьих станицах с шестью прикрепленными ко мне бойцами я успешно выполнил задание, и к 10-му января десятки

тяжело нагруженных подвод тянулись к фронту с продовольствием и одеждой.

После выполнения этого задания меня назначили военкомом 1-го батальона 25 Туркестанского стрелкового полка. Командиром батальона был назначен Егор Акименко.

Первое мартовское наступление на Копал, ввиду непогоды и сильного бурана, не осуществилось. При втором наступлении на Копал генерал Щербаков с особым отрядом казачьих офицеров бежал по направлению Арасана. Оставшиеся в Копале войска капитулировали.

1-й батальон 25 Туркестанского стрелкового полка был направлен в станицу Аксу и в другие селения в северном направлении Лепсинского уезда, где еще сопротивлялись остатки анненковских войск. Они не принимали открытого боя, а скрывшись в камышовых зарослях болотистых мест, нападали на мелкие разведывательные отряды и на те населенные пункты, в которых мы восстанавливали сельсоветы.

К нам навстречу из Сибири двигался полк «Степана Разина», преследовавший остатки колчаковских банд. Встреча 1-го батальона 25 Туркестанского стрелкового полка с 1-м эскадроном кавалерийского полка «Степана Разина» была отмечена митингом. Мы прочесали болотные заросли и ликвидировали все остатки вооруженной контрреволюции. Этим и закончился Северный Семиреченский фронт.

П. Н. ПАВЛОВ

В БОЯХ ЗА СОВЕТЫ

Во главе власти в Семиречье после свержения царизма стали эсеры Иванов и Шкапский. Около них организовался круг офицеров вместе со школой юнкеров. К концу 1917 года в Семиречье было три войсковых дружины из ополчения; одна стояла в городе Верном, другая — в Токмаке, третья — в Пржевальске. Дружины состояли из людей Самарской, Симбирской, Саратовской губерний. Они ждали демобилизации.

К концу 1917 года дружина в городе Верном была распущена по домам. С ее расформированием был ликвидирован Совет рабочих и солдатских депутатов. Активные члены Совета гг. Березовский, Овчаров были арестованы и без суда расстреляны.

Существовавшие Областные Крестьянский и Киргизский комитеты политической силы не представляли. Временное правительство области в надежде найти поддержку у кулачества предложило существовавшим Крестьянскому и Киргизскому комитетам созвать областные съезды. Съезды эти были созваны в одно время 2 января 1918 года в городе Верном, но заседали в разных местах.

Основными вопросами съездов были: избрание депутатов на учредительное собрание; обсуждение вопроса о присоединении области к Сибири; земельный и другие вопросы. Решающим съездом был Крестьянский. О казачьем съезде, а также киргизском Временное правительство не беспокоилось, так как на казачьем съезде

представляли станичные атаманы, офицеры, старые урядники, а на Киргизском съезде большинство представляли бывшие чиновники из баев, маналоп.

На Крестьянский съезд явилось 180 делегатов, добрая половина их была из солдат, выдавших виды, побывавших на фронтах, испытавших «прелести войны» и в разных местах участвовавших в Октябрьском перевороте.

Делегаты съезда, солдаты, несмотря на то, что съехались из разных уголков Семиречья, быстро сплотились вокруг нас, делегатов-фронтовиков. Мы проводили агитацию среди делегатов за необходимость свержения Временного правительства в области. На съезд привлекли рабочих, кустарей и мещан города Верного. Так что от решения съезда зависела судьба области.

В первый день на съезде присутствовали представители Временного правительства Шкапский и Иванов, делегаты казачьего съезда во главе с наказным атаманом Щербаковым, делегаты Киргизского съезда и уездные комиссары Временного правительства из Пржевальска — Ходосов, из Пишпека — Хохуля и др., а также областной комиссар Балабанов. В своих приветственных речах Иванов, Шкапский, наказной атаман Щербаков и представитель казачьего офицерства Руйков прямо поставили перед съездом вопрос о том, что они не допустят признания областью Советской власти, причем примут самые решительные меры в борьбе против всех тех, кто будет вести работу за Советскую власть. Иванов вручил письменную декларацию президиуму съезда о непризнании власти Совета Народных Комиссаров. Казачьи и бай-манаские делегаты в своих приветствиях подтвердили верность Временному правительству.

Представители Временного правительства требовали тут же ответа: за кого съезд? Группа фронтовиков настояла на проработке вопроса на секциях, а после — на съезде. Съезд с этим согласился: и первая атака была отбита. Работа секций светась на подготовку делегатов, чтобы они голосовали за Советскую власть. Это нам удалось, несмотря на угрозы Иванова и Шкапского.

Съезд большинством голосов (134 голоса) принял резолюцию за признание власти Советов и создание Советов по области и за организацию Красной Армии; избрал делегатами Н. Г. Быкова и П. Н. Павлова в Ташкент из

краевой съезд Советов; отклонил предложение Шкапского и Иванова о присоединении области к Сибири; избрал Областной крестьянский совет из активных фронтовиков.

Делегаты Крестьянского съезда, считая ненужным дожидаться объединенного заседания с казачьими и киргизскими делегатами, которое хотели провести Шкапский и Иванов, постановили разехать по уездам и немедленно повести усиленную работу по созданию Советской власти на местах. Такого решения власти Временного правительства не ожидали, но и не могли предпринять репрессий против избранного Областного Совета, боясь открытого выступления крестьян. Совет этот на основе указания съезда повел работу среди 2-го казачьего полка, состоявшего из молодых казаков в большинстве из беднейшей части станиц.

Во главе Областного Совета в г. Верном были П. Д. Гречко, Завалишин и др. Эти товарищи пользовались популярностью в казачьем полку. В первых числах марта 1918 года Гречко был арестован. Против этой репрессии поднялся 2-й казачий полк и освободил из тюрьмы Гречко и всех других политзаключенных. К полку присоединились рабочие. Настал момент для захвата власти Советами. Силами революционных рабочих и 2-го казачьего полка захватили все учреждения, разоружили школу юнкеров. Так, 3 марта 1918 года совершился переворот, началось создание власти Советов и организация Красной Армии.

ТуркЦИК, получив сведения о перевороте, послал 300 000 рублей денег и 7 инструкторов. Офицерство и казачья верхушка в станицах Талгар, Иссык и других, окружающих г. Верный, вели подготовку к вооруженному мятежу. В городе Верном в рядах Красной Армии насчитывалось до 5000 человек. Продовольствия не было не только кормить армию, но и население города. Перед Облревкомом встал вопрос о необходимости изъятия хлеба у богатых казаков и кулаков по разверстке Облпродкома. Маленький продотряд в 10—20 человек, посланный в села за хлебом, обнаружил склады оружия в станице Талгар. На требование вывезти оружие в г. Верный и сдать хлеб, причитающийся с этой станицы, последовал арест всего отряда. В ответ на этот арест из города Верного в Талгар был послан 16 марта 1918 года красно-

армейский отряд в количестве до 200 человек с двумя орудиями и двумя пулеметами. Требование выдать арестованных красноармейцев и оружие казаки не выполнили. Сконцентрировав силы из других станиц, казаки неожиданно напали на отряд красноармейцев, отобрали пулеметы и орудия. Спаслись только 30 человек. Расправа с красноармейцами была жестокая, их рубили на куски. Вслед за этим казаки окружили со всех сторон город Верный.

Офицерство, духовенство во главе с епископом в станице Надеждинской начали издавать на стеклографе газету «Известия». Верный не имел никакой связи, город был окружен тесным кольцом мятежников. По решению ревкома было решено послать в сторону Ташкента в объезд через Семипалатинский тракт группу под моей командой, чтобы связаться с Ташкентом, создать вооруженную группу со стороны Пишпекского уезда для снятия осады г. Верного. Я добрался до села Узун-Агач, встретился с Токмакским отрядом под командой И. Полянского, о чем в городе Верном совершенно не знали. Здесь я узнал, что из Ташкента движется отряд под командой М. И. Мураева. Но его отряд двигался медленно, мешала грязь и распутица, кроме того Мураев в пути занимался пополнением своего отряда из добровольцев. В целях быстрого продвижения отряда я поехал навстречу, застал Мураева в Пишпекке. Отряд, совершив переход через перевал Курдай в 150 верст, был ночью в Узун-Агаче, а утром пошел в наступление на станицу Каскелен. Несмотря на сильный огонь со стороны белоказаков, красноармейцы стройными рядами шли в наступление, и через несколько часов станица Каскелен была занята.

В г. Верном были услышаны выстрелы, там поняли, что идет помощь, выступил верненский отряд под командой Мамонтова навстречу на станицу Тастак. Сжатые с двух сторон казачьи части стали отступать в сторону станицы Илийской до Джаркента. К вечеру отряды Мураева и Мамонтова соединились в Верном.

Гражданская война здесь характерна тем, что с начала ее, т. е. с середины 1918 года до конца 1919 года, на фронте Семиречья не было правильно организованных частей, существовали отдельные мелкие отряды. Под

одним общим командованием провести с этими отрядами боевые операции было невозможно. Н. Калашников, именованный командиром 1-го кавполка, никого не признавал, пьянствовал в районе Гавриловки. Ни в одной операции, ни в одном бою не было без того, чтобы этот полк не подводил другие части. Два наступления на станицу Аксу, одно на Сарканд, операция на участке Ак-Ичке — все были сорваны Калашниковым. Сколько жертв понесли из-за его вероломства. Гибель почти всего Токмакского отряда под станицей Аксу, где пал жертвой и комвойск Л. П. Емелев, есть целиком вина Калашникова. Он в решительный момент отказался принять участие в этой операции. Убийство летчика Шаврова — дело его рук. Он организовал это убийство. Мне Военно-Революционный Совет фронта 27 сентября 1919 г. приказал очистить от белых прямую дорогу Абакумовское — Гавриловка. На этой дороге особенно сильно укреплен был белыми участок Ак-Ичке. Наша часть должна была освободить его со стороны Абакумовского, а Калашников со своей частью — выйти из Гавриловки. Но Калашников от этой операции уклонился.

В июле 1919 года партизаны Лепсинского уезда в Черкасском районе потерпели тяжелое поражение, окруженные частями атамана Анненкова. Операция Абакумовского гарнизона, направленного на помощь окруженным партизанам, не имела успеха. После падения Черкасской обороны, в октябре, отряды отошли с укрепленного района Абакумовское вглубь, вдоль почтового тракта на г. Копал, Гавриловское, Карабулак, ближе к г. Верному. Не останавливались даже на тех естественных рубежах, горных перевалах, которые позволили бы задержать противника, не пускать его в богатые хлебные районы, особенно к Гавриловке, которые при своих запасах хлеба сразу оживили бы проголодавшиеся белые части атаманов Анненкова, Дутова и Щербакова. Я, как командир 1-го стрелкового полка, видел гибель при дальнейшем отступлении и удержался на участке Ак-Ичке, Сары-булак, севернее Гавриловки. Здесь я поставил перед командованием Семиреченского фронта вопрос о реформировании пехотных мелких единиц. Мой полк был усилен путем создания трех батальонов. Калашниковский полк остался в Гавриловке. 2-й кавполк под командой

Т. Горбатова, 3-й киргизский кавполк, находившиеся в г. Копале, при небольшом нажиме белых оставили город, засели в крепости. На выручку их двинулся 1-й батальон нашего стрелкового полка, и при помощи его эти части вышли без больших потерь из той ловушки, в которой они оказались без продовольствия, фуража и патронов. И эти кавчасти после их освобождения отошли от станицы Карабулак, таким образом, весь фронт стал охраняться одним нашим 1-м стрелковым полком.

Тяжело было нам при ненадежности снабжения, при отсутствии достаточного вооружения и снаряжения. Для трехлинейных винтовок не было заводских патронов. Полученные из Ташкента патроны со свинцовыми пулями оказались негодными, пришлось полку в своих оружейных мастерских тянуть и обтачивать медные пули, производить зарядку этими пулями. В нашем полку подбор политработников по ротам и батальонам дал свои результаты, наладилась дисциплина. В воинских частях, состоящих из семиреков, дисциплина была слаба, особенно в полку Калашникова. Они расхищали продовольствие, обмундирование. Все это настоятельно требовало присылки на фронт энергичных, решительных людей. Командиром Семиреченского направления фронта прибыл Иван Панфилович Белов, комиссаром фронта Бочаров. Они дополнили один другого. Их умение учесть обстановку, подобрать командный состав решили исход борьбы и приблизили ее конец.

С 7 на 8 января 1920 года белые части, получив подкрепление, обрушились на участок Вознесенское, Ак-Ичке. Начался бой, продолжавшийся три дня. Наш полк (переименованный на 25-й) при помощи местных крестьян-добровольцев три дня отбивал наступление белых и отогнал их вглубь. Они отошли обратно к г. Копалу. 25-й полк, ведя трое суток бой, устал и не мог преследовать отступающих, хотя это был лучший момент для их разгрома. Остальные части по вине командования бригады не были включены в бой. Командир бригады Костюк — человек не военный, безынициативный и нерешительный, отсиживался с частями во время боя в 35—40 верстах в с. Гавриловском, ждал появления белых со стороны озера Балхаш, хотя при бездорожье и глубоком снеге в районе Балхаша противник не мог проникнуть оттуда.

После этой операции я был назначен командиром бригады. Бригаде было приказано начать подготовку частей к переходу в наступление на г. Копал, а также установить связь с частями 5-й армии, действовавшей со стороны Семипалатинска. Связь нужна была для координирования действий.

К марту 1920 года было начато наступление на г. Копал, а затем на Арасан. В момент этого наступления атаман Дутов был в Копале. Город был укреплен пулеметами до 120 штук различных систем, с артиллерией. Гарнизон его готовился упорно защищать город. Потому мы решили ждать вечера и под прикрытием темноты перейти в наступление. Однако к вечеру погода ухудшилась, ветер валил людей с ног, глубокий снег мешал продвигаться вперед. В это время на фронт прибыл командир дивизии Белов и военком дивизии Бочаров. Они приказали нам отойти на исходное положение.

К новому наступлению кавалерийские части были переформированы в конную бригаду под командой Сусанина. Главная сила была направлена против частей генерала Щербакова, занимавшего станцию Арасанскую.

Кавалерийская часть Сусанина двинулась против генерала Щербакова, но последний после двухдневной перестрелки ушел от Сусанина, побросав артиллерию и пулеметы. Остальные части белых не смогли оказать сопротивления, сдавались без боя. Арасан был нами занят. Наше отношение к пленным у белоказаков создало веру, что большевики никого не трогают. Наши агитаторы шли в казачьи массы и гарнизоны станций, вели агитацию за переход к красным и за прекращение войны. Так разлагались части белых. Щербаков бежал со своими казаками в Сарканд, присоединился к отряду Дутова, и они ушли в Китай. Преследовавшие их наши части взяли Сарканд и Лепсинск, и все их склады. С севера, преследуемые 5-й армией, бежали в Китай части атамана Анненкова. Гарнизон Копала сдался без боя.

К концу мая 1920 года верненский гарнизон и части с ликвидированного Семиреченского фронта должны были перебрасываться на Ферганское или Бухарское направление. В связи с этим в гарнизоне началась вражеская агитация: «Вас, красноармейцев, отсюда перебросят, а из киргизов и казахов создадут воинские части и

начнут выкачивать хлеб и скот у русских крестьян». Неустойчивые элементы поддавались этой агитации. В городе Верном создалась тяжелая обстановка. По приказу Туркфронта первым должен был пойти гарнизон города Верного. Однако этот гарнизон не подчинился приказу и поднял мятеж. Вместо выступления в поход гарнизон занял Верненскую крепость и создал «боевой совет». Мятежники, надеясь, что части, следуемые из Копала и Лепсинского уезда, присоединятся к ним, послали своих представителей, но части к мятежникам не присоединились.

Мятежники потребовали, чтобы явились в крепость военные руководители—Береснев и другие. Белов велел Бересневу возглавить делегацию и пойти в крепость разъяснить солдатам, что они попали под влияние вражеских элементов.

Начался разговор с главарями мятежников. Спокойный, выдержанный тон Береснева осадил наседавших на него мятежников. Береснев пользовался среди солдат авторитетом, он потребовал от мятежников решать вопрос на мирных началах, не доводить дело до пролития крови; выбрать делегацию, послать ее в штаб дивизии для переговоров. Так оттягивалось время. Мятежники создавали беспорядок, расхищали имущество, продукты, совершали грабежи и убийства.

Главарь мятежников Петров и Караваев толкали солдат на кровопролитие, на арест Дм. Фурманова и других представителей власти, требовали создать свою власть в городе.

Под влиянием делегации штаба дивизии солдаты колебались и не шли на призыв главарей мятежа. Тем временем в город вступили подошедшие 4-й, 25-й и 26-й полки Красной Армии, которые разоружили мятежников, установили в городе порядок.

В. С. СУДОРГИН

НА ПАРТИЙНОЙ РАБОТЕ В ПИШПЕКЕ В 1920 г.

В августе 1919 года, возвратившись с Оренбургского фронта, я был направлен на работу в железнодорожную чрезвычайную комиссию ст. Туркестан. А в ноябре 1919 года я и машинист Зиновьев Туркестанским Краевым комитетом партии были направлены на партийную работу в гор. Пишпек Семиреченской области. Мне была также поручена работа среди молодежи Пишпекского уезда.

В то время Семиреченская железная дорога доходила только до ст. Бурной. Остальной путь до Пишпека приходилось ехать на почтовых.

По пути следования мы организовывали митинги, на которых информировали жителей о событиях на фронтах, международном положении. Не везде одинаково народ встречал нас. В ряде случаев нам приходилось сталкиваться с кулацко-эсеровскими вылазками, направленными на срыв проводимых нами собраний, митингов, бесед.

Помню, на почтовую станцию перед Беловодском к нам пришли прибывшие из Пишпека сотрудник особого отдела Васильев и работник Уездно-городского ЧК П. Гришин. Они нам рассказали о Беловодском мятеже, дали краткую характеристику крупных населенных пунктов уезда и политического настроения населения.

В Беловодск мы приехали 25 декабря 1919 года. К нам подошли три крестьянина, приглашая зайти к ним в

дом. Они слышали о нашем собрании в Кара-Балтах и интересовались последними событиями. С целью ознакомления с местным населением мы решили пойти. Нас посадили, как гостей, на почетное место. Людей собралось порядочно. Судя по разговорам, мы поняли, что находимся среди сочувствующих нам. Воспользовавшись многочисленной аудиторией, мы завели разговор о международном положении. Бывший солдат-фронтовик, фамилии не помню, попросил нас рассказать: чему учит и куда ведет большевистская партия; просили рассказать о коммунистах и о Советской власти. Мы сидели до глубокой ночи. Это нас убеждало, что люди хотят слышать живое слово агитатора-коммуниста.

26 декабря сюда из Пишпека приехали представители Угоркома партии и Угоркома комсомола. Как представителя Крайкома, они попросили меня выступить на собрании, которое должно было состояться с целью отвлечения молодежи от рождественского праздника. Собралось около ста человек. После доклада «О задачах комсомола» на собрание пришли кулаки. Зиновьев выступил на тему: «О роли политических партий в Октябрьской революции». Когда вопрос коснулся предательской роли эсеров, из толпы кулаков стали раздаваться враждебные выкрики. Был задан и такой вопрос: «Что нам дала Советская власть?» Не зная, кто задал вопрос, я спросил: «Кому это нам? Если задает бедняк — ответ будет один, а если кулак — ответ будет другой». Ответа не последовало. Мы рассказали собравшимся, что дала Советская власть рабочим и крестьянам. В это время поступила записка, я прочел ее вслух: «Большевики действуют насильно, они грабят и разоряют народ». В ответ на это с мест послышались возгласы: «Ложь, неправда, так нам говорил кулак Благодаренко, а это написал его подпевало!» Воодушевленные этой поддержкой, мы рассказали подробнее собранию о предательской роли эсеров и меньшевиков, о том, что у народа есть одна партия — партия большевиков во главе с Лениным. Заявление это было встречено аплодисментами.

Соловьев рассказал о контрреволюционной деятельности эсеров в Пишпекском уезде, о Беловодском мятеже, который был организован ими. Выступивший на собрании фронтовик Чекризов сказал: «У эсеров сейчас нет

опоры в народе, их опора—кулаки. Бедняки за эсерами не пойдут». Собрание прошло удачно.

По дороге в Пишпек мы остановились в селе Александровка. В разговоре с дунганскими стариками мы узнали о их жизни, о том, как богатыри призывали дунганский народ в период Беловодского мятежа выступать против Советской власти. Мы рассказали им о международном положении, гражданской войне и ответили на интересующие их вопросы.

В Пишпек приехали поздно вечером и остановились в номерах Крымского. Уездно-городской комитет партии и уездно-городской революционный комитет помещались тогда в здании теперешнего Горфо (угол Советской и Кирова). Здесь мы застали председателя угоркома партии П. Соловьева, его заместителя В. С. Рентеля, сотрудника угоркома Юнина, работников комсомола Телушкина, братьев Подварковых, уполномоченного особого отдела Васильева, военкома М. Денисюка.

Первоочередной нашей задачей являлось: укомплектование партийного и комсомольского аппарата и ревкома, создание кадров агитаторов и пропагандистов, оздоровление советско-хозяйственного аппарата, очищение его от социально чуждых элементов. Для выполнения этих задач нужен был актив, надежная опора.

Пишпекская уездно-городская партийная организация была невелика, она насчитывала в своем составе в то время не более 400 человек. А костяк парторганизации был еще малочисленнее. Политический уровень многих коммунистов был невысоким.

Однако ядро Пишпекской парторганизации было вполне здоровое и революционно настроенное.

Очищение парторганизации проводилось весьма осторожно, постепенно; одновременно шла проверка и советско-хозяйственного аппарата. Аналогичная работа велась и в комсомоле. Здесь эта работа прошла гладко, в результате чего комсомол вырос за счет лучшей части молодежи.

После этого мы приступили к работе по созданию кадров агитаторов-пропагандистов. С этой целью был создан кружок. Занятия в кружке проводились мною и Зиновьевым. Литература, которая была нами привезена из Ташкента, очень кстати пригодилась. Такие кружки про-

пагандистов были организованы и в комсомоле, руководителями их были Подварков (старший), Телушкин и Безносиков. Подготовленные в кружках пропагандисты выезжали в села и аулы.

С теплым чувством вспоминаю я встречу с Д. Фурмановым. Это было в начале апреля 1920 года в самый разгар весенних сельхозработ. Фурманов с группой товарищей: Полессом, Позднышевым, Альтшулером, Колосовым и женой сделали остановку в Пишпекке, направляясь в Верный (ныне Алма-Ата). Эта группа во главе с Фурмановым проделала большую работу в нашем уезде. Местная партийная организация получила необходимый в то время инструктаж, особенно по организационно-партийной и агитационной работе. В эти дни было проведено расширенное заседание с работниками партийных, советских, хозяйственных организаций, на котором Фурманов сделал обширный доклад о внутреннем и международном положении, о борьбе трудящихся за укрепление Советской власти на местах. Он широко осветил наши недочеты в области агитационно-политической работы.

После его доклада выступил представитель ЦК комсомола Колосов, который сказал о задачах комсомольской организации и ее работе среди молодежи. Выступила также Н. Фурманова, которая коснулась работы среди женщин, обратив особое внимание на развертывание работы среди женщин местной национальности. Позднышев рассказал об организации советского аппарата и его деятельности на местах, о его кадрах. Полесс в своем выступлении остановился на продовольственных затруднениях молодой Советской республики, на борьбе за хлеб в Семиречье. После собрания было созвано совместное заседание угоркома и угорревкома, где Фурманов подвел итоги прошедшего актива и внес свои практические предложения, которые были приняты единогласно и явились большой помощью в нашей партийно-советской работе.

Группа во главе с Фурмановым посетила тогда многие организации Пишпекки, выезжала также в уезд. Побывали они в Беловодске, Георгиевке и других селениях. Здесь они провели совещание с беднотой, беседовали с сельскими партийными и советскими работниками.

Перед своим отъездом в Верный Н. Фурманова

провела в помещении цирка совещание женщин, на котором Фурманов также выступил с докладом о международном положении.

Дмитрий Фурманов, беседуя со мной о работе Пишпекской партийной организации, заинтересовался моим дневником, в котором был набросок доклада для Турккрайкома КПТ о состоянии партийно-советской работы и политическом настроении населения в Пишпекском уезде. Фурманов попросил у меня его, обещая вернуть. Но встретиться нам больше с ним не удалось. Из рассказов Позднышева я узнал, что многие документы, в том числе и тот дневник, были отобраны при аресте Фурманова в Вернем, во время мятежа.

Вспоминаю такой случай: в присутствии Фурманова я получил сообщение о том, что в Георгиевке кулаки не только не хотят сеять и отдавать свой сельхозинвентарь, но угрожают и тем, кто выедет в поле. Посоветовавшись с Фурмановым, мы решили через своих людей выявить зачинщиков саботажа, а на всякий случай выслать конный вооруженный отряд. Я, Зиновьев и Полесс (из группы Фурманова) также выехали в Георгиевку. На месте мы провели совещание с коммунистами, беднотой, выяснили обстановку и решили провести общее собрание всех крестьян села. Однако на этот сход население не пришло. Пришлось предъявить ультиматум о том, что кто не явится на собрание, тот будет считаться злостным вредителем посевной. После такого заявления жители села собрались на сход. Стол служил нам трибуной. О значении посевной рассказал Зиновьев, после него я, а потом Полесс. Из толпы стали раздаваться оскорбительные выкрики по адресу выступающих. Кто-то бросил камень и попал в голову Полесса, он упал, обливаясь кровью, толпа загудела враждебно, и не успели мы опомниться, как нас сбили с ног и с криками «В Чуй их!» потащили на чуйский мост, но тут подоспел отряд конных, который спас нас от расправы кулаков. Виновные были выявлены и осуждены. Это немного успокоило кулацкую контрреволюционную верхушку. И весенний сев был проведен.

Ни на одну минуту нельзя было ослаблять агитационную, разъяснительную работу среди населения. Проводили собрания с беднотой, женщинами, молодежью, прово-

дили лекции о международном положении, о положении на фронтах гражданской войны, о значении весеннего сева, об охране и уборке урожая.

Пребывание группы Фурманова в Пишпекке сыграло большую роль в деле оживления всей нашей работы. Этот приезд воодушевил местных партийных, советских и общественных работников и мобилизовал их на укрепление партийно-советского аппарата как в городе, так и в деревне. Надо сказать, что сюда редко приезжали руководящие работники из центра, поэтому приезд Фурманова внес бодрость и уверенность в наши ряды.

24 апреля 1920 года был создан партийный актив, на котором я был утвержден председателем угоркома партии. Вскоре после проведенного актива был организован общегородской митинг, куда был приглашен партийно-советский и комсомольский актив. На митинге обсуждался вопрос о международном и внутреннем положении страны. Митинг прошел с большим политическим подъемом. Вскоре по решению Семипалатинского ОК и угоркома партии была проведена в уезде «неделя фронта» по сбору теплых вещей и продовольствия для частей Красной Армии. Было создано несколько бригад, в состав которых входили пропагандисты и агитаторы.

Кулаки, затаив злобу, изменили тактику борьбы против Советской власти, стали действовать скрытно, через своих ставленников. Вскоре стали поступать тревожные вести о том, что кулаки снова начинают готовить антисоветский мятеж и держат тесную связь с верненским, пржевальским, джаркентским кулачеством. Были перехвачены шифровки. Вскоре нам удалось ликвидировать эсеровскую группу, прибывшую из Верного и Узун-Агача (казацья станица, находившаяся недалеко от Алма-Аты). Одновременно были ликвидированы группы кулаков-заговорщиков в Токмаке, Беловодске, Лебединожке, Кара-Балтах, Георгиевке и ряде других крупных сел уезда, изъято очень много холодного и огнестрельного оружия.

Мне пришлось вести также работу среди комсомола и несоюзной молодежи. Хорошими помощниками нам в этом были комсомольские работники Телушкин, Безносиков, два брата Подварковых, Т. Усманова и другие. В селах нами неоднократно проводились молодежные

митинги, собрания, беседы, благодаря чему сельская молодежь активизировалась и смелее выступала против кулачества.

В то время молодежный клуб в Пишпекке находился в бывшем магазине Мирзабаева (угол Советской и Фрунзенской), в котором проходила вся культурно-просветительная и политико-массовая работа. Здесь работал кружок самодеятельности, который неоднократно выезжал с концертами в села и аулы уезда. Такой же кружок был организован в Токмаке.

В конце мая 1920 года была проведена организация комсомольских ячеек среди молодежи коренной национальности, особенно в Токмакской волости. В этом же месяце было проведено уездное совещание комсомольских работников.

Большим недостатком в организационных мероприятиях того времени являлось отсутствие литературы на языке коренной национальности. В зачаточном состоянии находилась работа среди женщин-крестьянок. Ее нужно было оживить. Эту работу угорком партии начал с организации комиссии по работе среди женщин при уездном городском комитете партии. Такая же комиссия была создана по линии комсомола. Активное участие в этой работе принимали Калашникова, Турсуи Усманова, учительницы Л. И. Попова, Т. А. Митрофанова и др., фамилии которых не помню.

При женкомиссиях были созданы делегатские группы, задача которых состояла в том, чтобы обследовать быт и жизнь киргизской женщины и оказать ей практическую помощь в деле ее раскрепощения. Была организована школа по ликвидации неграмотности среди женщин; с целью борьбы с беспризорностью был открыт детский дом.

Пишпекский уезд в 1920 году почти не имел промышленных предприятий, был лишь один цементный завод возле Гесргиевки, бездействующий ливзавод и несколько примитивных мельниц. Поэтому партийная организация всецело сосредоточила свое внимание на сельском хозяйстве.

Работать приходилось в сложных условиях. Кулачество активно сопротивлялось, вело антисоветскую агитацию и всячески вредило Советской власти. Сложными

были национальные отношения. Баи и манапы имели большую силу. Их агенты сидели в советских и партийных органах.

В мае 1920 года я выехал в Ташкент на первое Все-туркестанское совещание политработников. По возвращению произошли некоторые изменения. Зиновьев, заместитель председателя угорревкома, по настоянию Сафарова, обвинявшего Зиновьева в колонизаторстве, был снят с работы. Впредь до Пишпекского съезда Советов эта обязанность была возложена на меня.

В июне 1920 года состоялся Пишпекский съезд Советов, после которого ревком прекратил свою деятельность, а вместо него был избран уездно-городской исполнительный комитет Советов депутатов трудящихся.

В июне 1920 года работниками особого отдела были задержаны трое неизвестных, из показаний которых мы узнали, что они были посланы верненскими кулаками для связи с пишпекским кулачеством.

12 июня 1920 года в Верном вспыхнул кулачко-белогвардейский мятеж. Телеграфная и почтовая связь была прервана, по дороге в Верный стояли пикеты мятежников, движение прекратилось. Состояние было тревожное. На второй или третий день начавшегося мятежа ночью в Пишпек пробрался председатель Верненского областного ревтрибунала Кондурушкин, который сообщил, что в Верном все партийно-советское руководство арестовано. Бюро угоркома немедленно связалось с Ташкентом, прося о помощи. Мы вынесли решение о создании штаба обороны, приведении в боевую готовность местного гарнизона и партийной, комсомольской организаций. Установили конный патруль. В волостные центры послали членов угоркома. Город был объявлен на военном положении.

Вскоре получили распоряжение М. В. Фрунзе о том, чтобы весь Пишпекский воинский гарнизон был направлен на подавление Верненского мятежа. Военкомом Пишпекского гарнизона в это время был уже Я. И. Гритчин. В уезде налаживалась постепенно мирная жизнь. 5 июля 1920 года в Пишпекке состоялась III уездно-городская партийная конференция и уездный съезд Советов, где я

был избран делегатом на 5-й партийный и 9-й съезд Советов Туркестанской республики.

Защищая свою Советскую власть от посяпательства врагов, киргизский народ благодаря братской помощи русского народа, под руководством Коммунистической партии полностью ликвидировал кулацкие—антисоветские мятежи—в Беловодске, Тюпе, Таласе, Нарыле и разгромил басмачество на юге Киргизии.

При анализе опыта работы прошлых лет становится ясным, что партийной организации Пишпека большую помощь в отстаивании и укреплении Советской власти оказала постоянная связь с массами, повседневная политическая работа в массах и непримиримая, беспощадная борьба с врагами партии, врагами народа.

И. П. БРУСЕНКО

ПЕРВАЯ КОММУНА В ПИШПЕКСКОМ УЕЗДЕ

После свержения царя и его правительства больших изменений ни в политическом отношении, ни в экономике Кара-Балтинской да и других волостей Аулие-Атинского уезда Сыр-Дарьинской области в период всего 1917 года не было. Во главе органов власти как в волостях, так и на селе осталась зажиточная верхушка, кулаки, бан и манапы, и никаких реформ проведено не было.

Вся работа органов власти была направлена на укрепление Временного правительства и ведение войны до победного конца. Такое положение оставалось до Октябрьской революции. И только после Октября 1917 года произошел резкий раскол между зажиточной частью и бедняцкой прослойкой и усилилась классовая борьба.

Раньше все старые села Сыр-Дарьинской области пользовались особой привилегией у царского правительства. Жители этих сел были освобождены от всех налогов, никаких воинских повинностей не отбывали, неограниченно пользовались земельными угодьями. Кулаки жестоко эксплуатировали коренное население и русских новоселов. Война для старожилов была доходным предприятием, т. к. все мужское население было дома. Отсюда ясно, что подавляющее большинство старожилов оставалось сторонниками царского режима, а после свержения его стояло за поддержку Временного правительства. Поэтому, разумеется, они постарались всю власть на селе прибрать к своим рукам.

Бедняки в то время объединены не были, т. к. партийных организаций на местах не было. Они стали зарождаться только в середине 1918 года, в подавляющем большинстве из демобилизованных фронтовиков.

В июне 1918 года Аулиэ-Атинский угорком партии большевиков командировал своего представителя тов. Татарнищева для проведения учета членов партии по всему уезду. Одновременно прибыли представители «левых» эсеров для такого же учета.

Они созывали собрание всего взрослого населения села и на этом собрании выступали каждый со своим докладом о цели своего приезда и призывали граждан села вступать в партию.

Так, в нашем селе Ставропольском за тов. Татарнищевым последовало 6 человек, в том числе: Григорий Валевач, Семен Галкин, Семен Шкалдыков, Иван Латышев, Аникий Гетман и я. На этом организационном собрании в июне 1918 года была образована первая партийная ячейка села Ставропольского.

Таким образом, из двухсот человек, присутствовавших на собрании, большевиков оказалось 6 человек, остальные назвали себя левыми эсерами.

Точно такое же положение было во всех как старых, так и новых селах Кара-Балтинской, Чалдоварской и других волостей Аулиэ-Атинского уезда.

Так с июня 1918 года в нашем селе Ставропольском и близлежащих селах из демобилизованных фронтовиков зародились партийные ячейки. Многие из них уже были большевиками, некоторые имели документы, а некоторые не были оформлены, но считали себя большевиками, т. к. будучи в старой армии, принимали активное участие в завоевании Советской власти. К числу таких относятся те, которые составили большевистскую партийную организацию. Они вели настоящую борьбу с врагами Советской власти, кулачеством и с эсеровским засильем, шаг за шагом, вырывая из их цепких рук бедноту и укрепляя органы Советской власти. Тогда же были созданы комитеты бедноты. Опираясь на комбеды и вовлекая их в активную борьбу с кулачеством, партийная организация добилась того, что беднота стала на сторону партии большевиков.

1917—1918 гг. были тяжелыми для неимущих крестьян: несколько войн укрепила кулаков, настолько она окончательно разорила бедняков. К тому же 1917 год был неурожайным, что очень тяжело отразилось на бедняцкой части населения.

Особенно сильно пострадало казахское население Аулиэ-Атинского уезда и западная часть Чуйской долины с киргизским населением, входившая в состав Аулиэ-Атинского уезда Сыр-Дарьинской области.

При наличии большого количества хлеба у кулаков люди умирали с голоду, однако взять его тогда не могли: еще не было таких указаний, и сила была в руках кулаков. Купить хлеб было также невозможно, т. к. владельцы хлеба в керенских деньгах не нуждались. Кое-что можно было приобрести за старые царские деньги, т. к. эта часть населения не хотела соглашаться с тем, что царские порядки никогда больше не вернуться, однако царских денег беднота не имела. Таким образом, и хлеб был, а люди голодали.

Партийная организация в первую очередь и занималась тем, чтобы обеспечить голодающую бедноту хлебом. Через комбеды предъявляли ультиматум кулацким хозяйствам, устанавливая этим хозяйствам количество хлеба для сдачи государству и необходимого для питания бедноты и семенных нужд.

Конечно, оказанная помощь бедноте в питании и семенах была далеко недостаточной. Нужно было больше взять у кулака, но этого мы еще не могли сделать.

Мы решили организовать в селе Ставропольском сельскохозяйственную коммуну. Однако на первых порах этого сделать нам не удалось. Нечем было заинтересовать бедноту, ибо у нас не было никаких орудий производства. Да и многие члены партии на это тоже не шли. Тогда мы вдвоем с тов. Валевач решили во что бы то ни стало организовать коммуну. Для того, чтобы показать, что работать и выходить из трудностей коллективно гораздо легче, мы объединились вдвоем. Нам помогли родственники посеять полторы десятины, и мы постарались вырастить хороший урожай. У Валевач был один верблюд и он нам помог выполнять все работы, в том числе уборку. Мы не только обеспечили себя хлебом, семе-

нами, но и приобрели еще одного верблюда. Таким образом, у нас было два верблюда и две телеги, запас хлеба и семян, а это послужило примером для других. В сентябре 1918 года к нам присоединились еще семь хозяйств. Теперь мы уже имели возможность оформить сельскохозяйственную коммуну.

В первую годовщину Октября мы праздновали юридическое оформление коммуны, название которой дали «Заря». Потом еще к нам присоединилось два хозяйства братьев Ивана и Василия Лукьяновых и Калбая Насралиева. Таким образом, состав коммуны состоял уже из двенадцати хозяйств—Григорий Валевач, Иван Брусенко, Семен Галкин, Алексей Калашников, Петр Локтев, Павел Кмерик, Даниил Острижнов, Гавриил Ушпик, Семен Шкалдыков, Калбай Насралиев, Иван Лукьянов, Василий Лукьянов. Последние три хозяйства вступили уже в феврале 1919 года. Председателем коммуны был избран я.

Кулачество вело бешеную борьбу против коммуны, опираясь на подкулачников, а их было немало. Применяло различные методы клеветы, запугивания и преследования коммунаров. И это тогда, конечно, имело некоторое влияние на более отсталую часть населения. Но коммунары держались твердо и давали соответствующий отпор кулачеству. Твердо держалась беднота, руководимая партией большевиков. Несмотря на то, что в селе было много левых эсеров, все же мы сумели провести в жизнь все мероприятия Советской власти. Добрались мы и до кулацких амбаров с хлебом, и хлеб пошел по продразверстке, что их особенно бесило.

Коммуна готовилась к весенней посевной. В достаточном количестве орудий производства и тягла мы не имели, следовательно, где-то нужно было изыскать их. Уездные организации ничего нам не обещали. Мы просили разрешить нам изъять кое-что у кулацких хозяйств. Этого нам не разрешили. Деваться было некуда, на свой страх и риск мы все же изъяли десять пар волов у кулака села Степное Остапенко; только успели провести посевную кампанию, как нам предложили их вернуть.

В декабре 1918 года вспыхнул Беловодский мятеж. Село Степное всей своей зажиточной частью целиком

было на стороне мятежных эсеров. Руководил организацией боевых отрядов села Степное кулак А. Бударин. По заданию штаба мятежников Бударин организовал отряд и во главе его прибыл в нашу коммуну. Произвели поголовный обыск. Забрали все оружие, которое нашли, вызвали в сельсовет оставшихся дома наших товарищей и предложили сдать оружие. С ним также прибыл уполномоченный штаба мятежников—некто Половинкин, которому было поручено арестовать и доставить в Беловодск всех руководителей коммуны. Однако они не знали, что за несколько дней до мятежа я с тремя товарищами был командирован коммуной в село Гуляевку. Мы взяли с собой винтовки, которые нам выдали в уезде, и наличие патронов для охоты на диких свиней в низовьях Чу.

Когда Бударин, обыскав все квартиры коммунаров, не обнаружил нас, он немедленно организовал отряд из 15 человек и послал в погоню за нами. Командиру этого отряда был дан строгий приказ—догнать и уничтожить нас, трупы бросить в Чу, а оружие доставить ему.

Мы же, не зная ничего о мятеже, более десяти дней охотились на диких свиней и добыли свыше тонны свишны. Преследователи нас не обнаружили и вынуждены были вернуться обратно.

Когда мы вернулись, мятеж был уже ликвидирован. Нам осталось только разыскать его участников и передать соответствующим органам.

Во время мятежа большинство коммунаров держалось стойко; несмотря на угрожающую большую опасность, никто не проявлял слабости. Население нашего села, несмотря на злобное рычание кулачества, участия в мятеже не приняло и не оказало ему помощи. В этом сказались большая агитационная работа партийной ячейки, которая старалась привлечь на свою сторону бедноту, опираясь в этом на комбеды.

Таким образом, на первых порах своего существования коммуна пережила большое напряжение и натиск. Однако она продолжала существовать и готовиться к весенним полевым работам.

Несмотря на недостатки и трудности, мы все же сумели неплохо подготовиться к весенним полевым работам. Создали бригады по проведению полевым работ, организо-

вали кузницу, мастерские по ремонту сельскохозяйственного инвентаря, а также организовали бригаду по сооружению плотины для задержания и набора воды в пруду для полива. Посевная была проведена успешно, и фундамент для дальнейшего развертывания общественных работ был заложен неплохой.

Коммуна имела хорошие перспективы. Однако в коммуне оказались и малодушные, которые начали вести разговоры о выходе из коммуны. После окончания посевной на общем собрании были поданы заявления о выходе из коммуны 6 хозяйств.

Осталось нас 6 хозяйств. При таком количестве хозяйств юридически коммуна уже не была правомочна, но несмотря на это, мы 6 человек решили держаться и искать выхода, чтобы сохранить коммуну. И мы ее сохранили. Имущество ушедших вернули, оставили в коммуне общественный рабочий скот, инвентарь и посевы, которые при любых трудностях решили обработать и убрать. И мы этого добились. Хлеб вырастили хороший, убрали, излишек сдали государству. После чего трое из шести по зову партии ушли в Красную Армию: Валевач, Калашников и я, оставив хозяйничать двух товарищей: Галкина и Лукьянова.

Но прежде чем уйти в Армию, мы решили объединиться с коммуной им. Карла Маркса. Оставшиеся наши товарищи в начале 1920 года оформили объединение и со всеми активами и пассивами перешли в коммуну им. Карла Маркса.

Этим закончился первый период нашей борьбы за Советскую власть на селе. Теперь мы влились в большую семью Красной Армии. Валевач остался в Аулие-Ата в политотделе, Калашникова отправили в Ташкент на курсы пропагандистов, меня — в Ташкент в первый Ташкентский полк, где я все время работал заведующим полковым клубом.

Следует сказать несколько слов о коммуне, в которую мы вошли. Коммуна им. Карла Маркса была организована в марте 1919 года в урочище Текменсу в 18 км от села Беловодского на землях, занимаемых тогда беловодскими кулаками. Земельных угодий и сенокосов всего было передано коммуне 220 гектаров.

Первыми организаторами ее были бедняки села Полтавского — Ф. И. Котко, Тихон Городнянский и Влас Ганзий; села Беловодского — М. Махоткин, Александр Семеновко, Андриан Куцев. К ним присоединились гг. Д. Дудко, Гигин, Андрей Бортников, Трофим Правдин, Сапельченко и ряд других.

При организации коммуны было отпущено 645 тысяч рублей ссуды. В то время на такую сумму коммуна сумела приобрести 12 коров, 8 рабочих волов, кроме этого коммуна передано из конфискованного имущества у купца Краснобородкина 8 волов, 2 плуга, одна жнейка и самосброска. Вот все, чем вначале располагала коммуна, да кое-что внесли вступающие в коммуну. Этого было далеко недостаточно, чтобы обеспечить все потребности коммуны. Особенно не хватало продовольствия, тягла и сельскохозяйственного инвентаря, вследствие чего коммуна не сумела произвести сев в необходимом размере. В силу этого среди неустойчивых членов коммуны началось брожение. Кроме этого, часть коммунаров идя в коммуну, имела в виду получить бывшие заимки, земельные угодья и конфискованное имущество, а потом распустить коммуну, земли и имущество разделить между членами коммуны и по сути дела заменить бывших кулаков, владельцев заимок.

Однако крепкая часть коммунаров не согласилась с роспуском коммуны. Котко, Городнянский, Ганзий и другие заявили, что при любых трудностях они будут продолжать укреплять коммуну. Этим товарищам удалось сохранить коммуну. Необходимую помощь оказали уездные организации, укрепив коммуну руководством, избран председателем коммуны Астраханцева, который добился некоторой стабилизации состава коммуны, и, таким образом, коммуна была сохранена.

В первой половине 1921 года многие члены коммуны, находящиеся в Красной Армии, стали демобилизовываться, в том числе в мае 1921 года и я вернулся в коммуну Карла Маркса. Еще раньше меня вернулись Валевач и Калашников. В этом же году я был избран членом правления коммуны и секретарем партийной ячейки. В это время Советское правительство под руководством Коммунистической партии проводило большую работу по

земельно-водной реформе в Киргизии. И наша партийная организация и коммунары приняли в ней самое активное участие. Поэтому неслучайно от нашей коммуны был делегат на IV уездной Пишпекской партийной конференции в октябре 1921 года, на которой обсуждались решения X съезда Коммунистической партии.

В начале 1922 года вернулись гг. Бортников, Правдин и вновь вступили демобилизованные товарищи О. Конников, Абраменко, Исаков, Шептухин и другие. Надо отметить, что к этому времени коммуна экономически несколько окрепла, поэтому была возможность развернуть по-настоящему работу. Наличие земельных угодий к этому времени было 300 га. Это далеко не удовлетворяло нужды коммуны. В связи с этим участок, занимаемый объединившейся коммуной «Заря», пришлось оставить за коммуной им. Карла Маркса, правда, чересполосный, на расстоянии 40 км от центра коммуны.

В 1922 году в коммуна им. Карла Маркса влилась еще одна коммуна — «III Интернационал», которая была организована в этом же году в селе Старо-Николаевка Аулие-Атинского уезда. Организаторами ее были Кузьма Чапов, Прохор Водолазкин, Дмитрий Коваленко. Однако большинство членов этой коммуны в этом же году вышло из коммуны и вернулось обратно в Старо-Николаевку, остались только ее организаторы, перечисленные выше.

К марту 1922 года коммуна состояла уже из 250 хозяйств, ютились все в тех же пяти хатках бывших кулацких заимок, но много еще было разбросано и по соседним селам. В силу этого обстоятельства сразу же, как только было оформлено слияние с коммуной «III Интернационал», организовали строительство. В том же году было построено два дома на 22 квартиры, кухня и столовая, плотницкая мастерская, кузница, мельница, а также другие подсобные предприятия.

Надо отметить и то, что, как известно, в то время, сразу после окончания гражданской войны, тяжело было с продуктами питания и не легче — с промтоварами. Народ до того обносился, что не имел возможности выходить на работу.

Выход был единственный — организовать кустарные производства. Женщины были поставлены на изготовле-

ние пряжи из шерсти и льна. Появились ткацкие станки, на которых примитивным способом из пеньки и льна ткали холст и шили из него белье и одежду. Из шерсти делали сукно.

Нашлись и кожевники, которые изготовляли, надо сказать, хорошие по тому времени кожевенные товары; все это делалось исключительно из местного сырья. Главным мастером по выпуску кожевенных товаров был тов. Прокофий Водолазкин и его помощником Иван Лукьянов. Они сумели полностью удовлетворить кожаными потребностями коммуны. В итоге коммунары были обеспечены всем видом обмундирования, хотя и грубым. Недостаток одежды и обуви не являлся уже тормозом в выполнении хозяйственных работ. Это было организующим и укрепляющим стимулом для коммуны. В глазах окружающего населения рос авторитет коммуны. К этому времени коммуна имела уже тягловый скот, было приобретено 10 племенных коров аулие-атинской породы, бык-производитель, производитель-жеребец и пять племенных кобылок рысистой породы «русский рысак»; уже было более сотни крупного рогатого скота и более тысячи баранов. Полностью обеспечивались потребности коммуны в конном почвообрабатывающем инвентаре.

Нельзя не отметить и тех отрицательных моментов, которые имели место, главным образом в 1919—1922 годах. В эти годы, вследствие тяжелого материального положения, состав коммуны был очень текучим: одни вступали в коммуна, другие со скандалом и шумом выходили из нее, ибо хозяйство коммуны было настолько слабое, что не могло обеспечить в должной мере нужды коммунаров. На этой почве возникали частые конфликты, которые обычно кончались выходом из коммуны нескольких семей. Но членов коммуны от этого не уменьшалось. Ежедневно поступала масса заявлений с просьбой принять в коммуна. В силу этих обстоятельств коммуна установила для вступающих шестимесячный кандидатский стаж. Это помогло избавиться от лишних хлопот и конфликтов. Каждый, кто хотел работать в коммуне, старался за эти шесть месяцев показать себя только с хорошей стороны, потому что по истечении кандидатского стажа он снова должен был приниматься на общем собрании коммунаров. Нарушившего устав или показав-

шего себя с плохой стороны не принимали, и он вынужден был покинуть коммуну. Этот метод, безусловно, способствовал укреплению трудовой дисциплины и сокращению текучести среди коммунаров.

Коммуна имела свои детские учреждения с интернатом, где были размещены дети дошкольного возраста под наблюдением лучших воспитателей, и материально полностью обеспечены.

В коммуне существовало общественное питание. Кухня и столовая снабжали коммунаров хорошим питанием. Банно-прачечные учреждения обслуживали нужды коммунаров. На всех этих участках работали постоянно закрепленные люди. Поэтому женщины в свободное от работы время имели возможность заниматься культурными мероприятиями и учебой в кружках и школах.

В силу этих условий участие в производственной работе было возможным и обязательным для всех. Отлынивание от работы, как правило, кончалось большой неприятностью для виновного. Строгим контролером над этим являлся каждый коммунар. Поэтому труд коммунаров был высокопроизводительным, и никогда не имело место невыполнения или отставания в выполнении хозяйственных мероприятий. Отсюда урожайность сельскохозяйственных культур в коммуне была намного выше, чем в окружающих селах. Всегда первой коммуна выполняла все государственные поставки и налоги. И неслучайно, что коммуна им. Карла Маркса служила примером коллективного труда для окружающего населения.

Коммуна была кузницей колхозных кадров и явилась базой поставки партийных, советских и хозяйственных работников для различных отраслей.

Коммуна им. Карла Маркса, переведенная в 1934 году на устав сельскохозяйственной артели, продолжает существовать как передовое хозяйство и на сегодняшний день. Надо отметить, что из первых ее организаторов остался только один тов. Ф. И. Котко. Состоят в коммуне Ем. Коломейцев, отец которого вступил в 1919 году, когда Емельян был еще мальчиком, Иван Лукьянов, вступивший в феврале 1919 года в коммуны «Заря», Яков Ясенов, Трофим Правдин, Андрей Бортников, Кузьма Ча-

пов, Степан Кошкин, вступившие в 1922 году и, пожалуй, старше их нет. Остальные пришли позже. Все эти первые коммунары внесли большой вклад в народное хозяйство республики. Они явились зачинателями коллективной формы хозяйства. С большими трудностями, в борьбе с кулачеством, отдавая все, что имел каждый из них, любовно, не покладая рук, растили они свое первое детище—коммуны имени Карла Маркса.

В. Я. ХРИПЧЕНКО

РАБОЧИЙ ОТРЯД КЫЗЫЛ-КНЯ В БОРЬБЕ ЗА СОВЕТЫ

В начале 1917 года я был уволен со службы в старой армии и возвратился на рудник Кызыл-Кня. До осени мы жили более или менее спокойно, ибо особых крупных событий не было. В конце 1917 года нам стало известно, что в центре рабочий класс России под руководством партии большевиков свергнул Временное правительство и взял власть в свои руки.

Это известие с большим энтузиазмом было встречено рабочими нашего рудника. Передовые рабочие Л. Г. Солнышко, В. С. Воронин, И. И. Едренкин с первых дней после Октября проводили собрания и митинги рабочих рудника. То обстоятельство, что они встали во главе рабочих масс с первых дней революционных событий, дает возможность говорить о том, что еще до революции в Кызыл-Кня существовала подпольная партийная группа. Она, по-видимому, вела работу среди рабочих рудника. Насколько широко проводилась эта работа, я не знаю, ибо в то время со мной по этому вопросу никто не говорил.

На одном из собраний рабочих рудника был избран рудничный комитет, который взял в свои руки руководство всей работой. Старые хозяева рудника бежали. На шахтах было установлено рабочее управление.

В то время мы встречались с очень большими трудностями, особенно экономического характера. Дело в том,

что у нас и у наших непосредственных руководителей не было навыков и умения управлять массами. Приходилось работать много, на ходу разрешать различные вопросы организации труда рабочих, жилищно-бытовые и другие. Но мы не останавливались перед трудностями, не боялись их, а стремились преодолеть. Нам помогала революционная инициатива, находчивость, неиссякаемая энергия и наша вера в партию большевиков, которая взялась вести нас по пути строительства нового, еще никем никогда практически не осуществлявшегося социалистического общества.

Большие трудности пришлось нам преодолеть в борьбе с врагами трудящихся, стремившимися уничтожить Советскую власть и восстановить свое господство.

В январе 1918 года, если я не ошибаюсь, мы получили известие, что в Коканде вспыхнул бай-маналский мятеж. Кызыл-княйские рабочие оказали помощь красногвардейцам Кокандской крепости и рабочим Коканда, послав туда вооруженный отряд рабочих во главе с Иваном Ивановичем Едренкиным. Банда мятежников была разбита, остатки ее бежали в сторону Маргелана. Это был первый бой наших шахтеров за Советскую власть.

После этого события в Ферганской области усиливается басмаческое движение. Банды басмачей Мадамнибека, Эргаша, Халходжи и других главарей в разное время совершали разбойничьи нападения на различные селения и кишлаки, грабили население, казнили работников партийных и советских органов и сочувствующих им. Особую ненависть басмачи имели к рабочим рудника Кызыл-Кня, ибо в районах нынешней Ошской области Кызыл-Кня был крупным рабочим центром, являвшимся опорой молодой Советской власти, самым стойким и активным защитником нового общественного строя, проводником идей большевистской партии среди дехканских масс.

Сознавая опасность, нависшую над нашим рудником, партийная организация и Совет рабочих депутатов проделали большую работу по организации обороны рудника и разгрому банд басмачей в соседних с Кызыл-Кня районах.

Во второй половине 1918 года на всех шахтах были проведены митинги и собрания рабочих, на которых гор-

няки решили организовать постоянные отряды для обороны рудника от нападения басмачей. Было решено создать два отряда: один конный, другой пеший. Созданием этих отрядов руководил партийный комитет. Желающих записаться в эти отряды было много. Но мы записывали только лучших из них.

Через несколько дней было проведено собрание добровольческого отряда, на котором выступил председатель рудничного комитета Леонтий Григорьевич Солнышко. Он рассказал о задачах боевого отряда горняков. «Власть, — говорил он, — теперь в наших руках, и мы должны ее защищать до последней капли крови, до конца разбить остатки контрреволюции.»

Здесь же на собрании я был избран командиром конного отряда. Многие из шахтеров, записавшиеся в конный отряд, не умели ездить на коне, плохо знали обращение с оружием. Поэтому с первого дня существования отряда мы начали уделять большое внимание обучению наших бойцов.

В эти же дни, если не ошибаюсь, был создан и пеший отряд. Командиры этого отряда менялись несколько раз. Одним из командиров был Федор Евдокимович Волчков.

В те тревожные дни горняки рудника Кызыл-Кня вписали в историю борьбы за власть Советов славные страницы. Они с оружием в руках защищали завоевания Октября, добывая одновременно уголь для восстановления народного хозяйства. Они вели большую разъяснительную работу среди дехканской массы окружающих селений путем послышки своих агитаторов. Агитаторами являлись опытные горняки, знакомые с условиями жизни местных жителей. Они несли трудовым массам правду о большевиках, о Советской власти. Дехкане видели в шахтерах своих защитников от банд басмачей и часто обращались к ним за помощью. Поэтому жизнь нашего отряда была наполнена непрерывными стычками с шайками различных курбашей. Вот один из многих случаев.

Однажды на рудник приехал из Уч-Кургана запыленный всадник-киргиз.

— Басмачи грабят, бьют, давай помощь, — сказал он. Запела сигнальная труба, и минут через двадцать наш шахтерский отряд помчался по направлению Уч-Кургана. Доехав до окраины селения, мы остановились для выяс-

нения обстановки. Конники приготовились к бою, и враг уже не мог нас застать врасплох во встречном столкновении. Мы въехали в большую, по сравнению с другими, улицу. На повороте улицы заметили группу басмачей. Они, по-видимому, тоже заметили нас и быстро свернули в один двор с высоким дувалом. Нам стало ясно, что басмачи хотят нас обстрелять из-за дувалов этого двора. По команде отряд спешился и начал обходить этот двор с двух сторон. Через несколько минут мы стремительным броском с двух сторон ворвались во двор. Басмачей охватила паника. Они, отстреливаясь, начали разбегаться.

Короткий, но упорный бой окончился нашей победой. Было убито около трех десятков басмачей, остальные разбежались кто куда. С нашей стороны потерь не было. Мы захватили около 40 лошадей и одну узбекскую арбу, груженную оружием. Здесь были винтовки английского и японского образцов и патроны к ним.

Басмачи всеми мерами старались уничтожить наш отряд, делали засады. Благодаря тому, что местные жители всегда предупреждали нас о намерениях и засадах басмачей, в столкновениях с ними мы выходили победителями, притом с очень небольшими потерями.

Мне помнится такой случай. Мы получили важное задание и для осуществления его должны были проехать по ущелью Тахтек. Басмачи каким-то образом узнали о наших планах и устроили нам засаду в этом ущелье. Один старик-дехканец, заметивший приготовления банды басмачей, известил нас об этом. Мы решили окружить и уничтожить группу басмачей. Для этого наш отряд пошел в обход через шахту № 2. Не замеченные басмачами, мы пробрались к ним в тыл и окружили их. Бой был короткий. Исход его был предрешен нашим стремительным ударом.

Главарь банд басмачей никак не хотел мириться с тем, что наш отряд во всех столкновениях с ними выходит победителем. Их злила взаимная связь и помощь, установившаяся между рабочими рудника и дехканскими массами. Они много раз намеривались напасть на наш рудник и захватить его, но все их планы лопались, как мыльные пузыри.

Не могу точно вспомнить, в каком году это было, в 1918 или 1919. Нам стало известно, что Мадаминбек го-

товится напасть на наш рудник большой силой. Эта весть встревожила всех горняков, особенно руководство. Надо было подготовиться к большому бою с басмачами. Для этого одних винтовок и пулеметов, конечно, было недостаточно. Необходимо было достать хотя бы одну пушку. По этому вопросу Солнышко обратился в Ферганский гарнизон с просьбой — выделить одно орудие. На нашу просьбу из Ферганы ответили, что могут дать только одно орудие и то без затвора и лафета. Мы и на это согласились. Когда орудие было привезено, мы его направили в механический цех, чтобы подремонтировать. Здесь рабочие проявили находчивость, смекалку и быстро изготовили затвор для орудия. Но у нас не было достаточного количества пороха и взять его было неоткуда, поэтому мы организовали производство пороха на месте.

Это орудие мы установили на горе, около вагонного депо. Первыми артиллеристами были назначены Калашников Александр и еще один рабочий. Они со своей пушкой не раз нагоняли страх на банды басмачей.

Особую ненависть имели басмачи к нашим агитаторам. Они повседневно подстерегали, делали много попыток захватить их. Это и понятно, ибо живые слова наших шахтеров настраивали дехканские массы против басмачей, разжигали у массы ненависть к бандам грабителей.

Однажды случилась большая неприятность. В районе селения Караван басмачи захватили двух наших агитаторов. Когда об этом стало известно, тов. Солнышко дал нам задание — спасти наших агитаторов. Не теряя времени, наш отряд направился в сторону Каравана. Во избежание опасности мы вперед выслали дозорного разведчика Тоярова Садыка. На горном перевале на пути следования нашего отряда он заметил следы коней на снегу. Когда мы подъехали, он нам объяснил, что басмачи, очевидно, уехали в сторону кишлака Хауз. Мы тоже направились вслед за басмачами. За нами скорым маршем двигался пеший отряд наших горняков во главе с тов. Ф. Е. Волчковым.

Когда мы доехали до кишлака, на улице никого не было. Но в центре кишлака мы увидели человека, стоявшего около ворот одного большого двора. Не успели окружить этот двор, как басмачи открыли по нас огонь. Нам оставалось только одно — спешиться, занять более

удобную позицию и начать бой с басмачами. Завязалась горячая перестрелка. Услышавшие эту стрельбу, дружинники Волчкова быстро подошли к расположению отряда, включились в бой. Шквал огня, направленный на басмачей, вызвал среди них панику и растерянность. Видно было, как басмачи начали разбегаться в разные стороны. Когда мы подошли к месту их расположения, на земле валялось около двадцати трупов басмачей. В сарае одного из дворов мы нашли избитых, связанных по рукам и ногам наших агитаторов — Пилюгина и Нагорного. После освобождения из басмаческого плена они так обрадовались, что обнимались и целовались почти со всеми участниками боя.

В боях с басмачами горняки нашего рудника отстаивали завоевания пролетариата не только в Кызыл-Кия, но и на территории ближайших селений области. В этих боях рабочие проявляли храбрость, стойкость, беспредельную преданность Коммунистической партии и Советской власти.

О КЫЗЫЛ-КИЯ И КЫЗЫЛ-КИПЦАХ

На рудник Кызыл-Кия я приехал в июле 1915 г., когда уже в третий раз была проведена мобилизация и отправка на фронт первой империалистической войны кадровых рабочих.

В то время рудник принадлежал Акционерному обществу, находившемуся в Петербурге. Рудник имел вертикальные шахты №№ 3 и 4 и наклонную шахту № 1. Кроме того, вокруг рудника были еще две небольшие шахтенки, принадлежавшие частным владельцам — рудник Джал (некому Ракитину) и шахта № 2 — П. В. Фосову, — первому открывателю рудника в 1902 году, которому указали на наличие угля, выходящего на поверхность возле дороги, местные жители-киргизы, ездившие из Тахтака и Джала на базар в Уч-Курган.

Поселок рудника в то время располагался в горах Кызыл-Кия с небольшим количеством жилых строений. Добротным на высокой горе был директорский дом, отведенный с первых дней Октябрьской революции под больницу.

Связь рудника Кызыл-Кия с г. Ферганой происходила по узкоколейной железной дороге, имевшей паровозную тягу — около 10 маленьких паровозиков. Все шахты Кызыл-Кия были также связаны узкоколейной железной дорогой.

На руднике для использования угольной мелочи (мусора) строилась в то время брикетная фабрика.

Нехватка рабочей силы в связи с отправкой на фронт заставила администрацию рудника к концу 1915 года принять на рудник большую группу военнопленных из австро-венгерской армии, состоявшую из венгерцев, чехов, словаков, русин. Командование этими военнопленными было исключительно из офицеров немецкой национальности.

Добыча угля на руднике носила характер сезонный, так как потребление угля было чисто бытовым и только в зиму 1915/16 гг. рудник был объявлен работающим на оборону, поставщиком угля Военведу. На Среднеазиатской железной дороге ощущался недостаток в топливе и добыча в этот сезон была самая высокая за время существования рудника до Февральской революции. Работая в этот сезон дежурным по станции на узкоколейке Кызыл-Кия, помню, что отправлялось ежедневно до 25 пар поездов.

Рабочий класс на руднике состоял преимущественно из русских, киргизов, узбеков, казанских татар и небольшого числа иранцев, афганцев, кашгарцев из Западного Синьцзяна.

Большинство рабочих размещалось в казармах, в том числе и семейные располагались по углам казарм, отгороженные иногда берданой¹, чием² или просто занавеской из цветного матернала.

Система разработки угольных пластов была так называемая столбовая. Вся работа проходила вручную: погрузка угля, откатка по штреку. Единственное, что не применялось вследствие мощности пластов — это санки.

Заработок шахтеров определялся от замера выработанного столба или от отгруженного количества вагончиков и был очень низким.

Рабочих организаций, профсоюза или каких-либо других форм объединений в то время не существовало.

Таково было состояние рудника до Февральской революции.

Проявление всенародной радости и ликования по поводу свержения самодержавия было огромным. Рабочие с красными флагами прошли из конца в конец поселка, демонстрируя свою пролетарскую организованность, веря

¹ Бердана — плетеный камышовый мат.

² Чием — плетеный мат из растенья.

в осуществление своих чаяний и надежд на лучшее будущее.

Совет рабочих депутатов был организован буквально через несколько дней после Февральской революции. Первым председателем Совета рабочих депутатов, как мне помнится, был коренной шахтер тов. И. И. Едренкин, участник декабрьских боев в Москве в 1905 году, когда он молодым еще пролетарием вместе с боевыми дружинниками вытаскивал разного рода оружие из одного оружейного магазина. Я это знаю из личных его рассказов. К сожалению, тов. Едренкина в настоящее время нет в живых, прах его покоится на кладбище, на руднике Кызыл-Кия.

Вторым активным передовым шахтером, вожаком был Леонтий Григорьевич Солнышко, который закончил свой жизненный путь на узбекской кочегарке — Ангрене.

Вокруг них объединялись — Воронин Василий Степанович, бр. Кузнецовы, Михалев Иван Ефремович, Королев Александр Иванович, Егор Можаяев и ряд других.

К Октябрьским революционным событиям рабочие рудника Кызыл-Кия уже твердо встали на путь защиты восставшего и победившего ташкентского пролетариата и созданной ими Туркеспублики. Свою организационную и вооруженную борьбу рабочие Кызыл-Кия мужественно проводили до полной ликвидации басмаческого и белогвардейского движения.

Рабочие рудника имели постоянный конный отряд в количестве 50 человек, командирами которого были боевые товарищи Хрипченко, Малкин и Мазаев.

В период от февраля до Октябрьской революции на руднике произошел по неизвестной причине, а скорее по злому умыслу, пожар ствола шахты № 3, в результате которого погибло два рабочих-шахтера. Этот случай произошел вследствие того, что на шахте вопросами охраны труда не занимались, не было табельной системы учета спуска и подъема рабочих. Смерть и похороны этих товарищей — одного русского и второго татарина — показали братское единение рабочих рудника разных национальностей.

К концу 1917 — началу 1918 года добыча угля на руднике стала резко падать. Директор рудника И. В. Покровский покинул рудник.

Совет рабочих депутатов во главе с вышеуказанными товарищами — Едренкиным, Солнышко, Ворониным — в феврале 1918 года, после того как в Ташкенте была сорвана работа Согласительной комиссии по заключению коллективного договора между предпринимателями и союзом горнорабочих, принял решение взять рудник в свои руки и вести хозяйство по-новому.

Это решение было утверждено Ферганским областным Советом рабочих и дехканских депутатов, и рудник стал управляться организованным Горно-заводским комитетом под председательством Василия Степановича Воронина.

После организационных мероприятий по приему рудника, денежных и банковских документов, на одном из собраний всего коллектива рабочих рудника руководством было доложено о принципах дальнейшей работы. Рудник стал находиться в полном ведении самих рабочих.

Такой порядок управления рудником просуществовал до национализации всей горной промышленности Туркестанской республики в апреле 1918 года, когда в Ташкенте было организовано управление горной промышленностью и на местах стали переходить от руководства председателями заводских комитетов к назначаемым директорам рудников. Первым директором рудника, если память не изменяет, был Яков Тихонович Родионов.

Рабочие Кызыл-Кия высоко ценили работу специалистов горного дела. Через Совет рабочих депутатов и горнозаводской комитет всем специалистам было предложено оставаться на своих местах с двойным размером зарплаты, против зарплаты, выплачиваемой бывшим Акционерным обществом.

Работой Совета рабочих депутатов и горнозаводского комитета руководила инициативная группа большевиков, состоявшая из Едренкина, Солнышко, Воронина и др., которая явилась ядром большевистской организации рудника, оформленной в июне 1918 года.

Дальше хочется сказать о Кызыл-Кия следующее, что несмотря на сложность обстановки в Туркестанской республике — Оренбургский фронт, Закаспийский фронт, Семиреченский фронт, басмаческое движение, различные контрреволюционные мятежи — кызыл-кийцы сумели

правильно разобраться в событиях и быть верными делу пролетарской революции.

Первое свое боевое крещение кызыл-кийский небольшой отряд получил в боях по ликвидации так называемой Кокандской автономии в феврале 1918 года. В течение всего периода гражданской войны кызыл-кийцы неоднократно отправляли лучших своих товарищей на перечисленные фронты, участвовали вместе с Красной Армией в боях против басмаческих шаек.

В течение всего периода Октябрьской революции и гражданской войны кызыл-кийские товарищи умело проводили общую интернациональную политику с местным окружающим населением — киргизами, узбеками. Товарищи Солнышко, Котломамедов и др. неоднократно, несмотря на опасность, выезжали в близлежащие селения и вели среди киргизов и узбеков разъяснительную работу о значении Великой Октябрьской революции и сущности Советской власти.

Несмотря на тяжелое положение с продовольствием, с предметами широкого потребления местное население неоднократно оказывало рабочим Кызыл-Кия свою помощь в привозе продуктов питания, пригоне скота и проч.

Руководство рудника Кызыл-Кия сумело за период гражданской войны не только сохранить добычу угля, но и развить ее до пределов наивысшей добычи 1916 года, достигнув этой мощности в 1920 году.

Для обеспечения необходимым количеством пороха, бикфордовым шнуром, патронами для отпалки угля было организовано производство этих материалов самими рабочими. Часть пороха, как мне помнится, отправлялась даже для нужд фронтов Туркестанской республики.

Для снабжения рабочих обувью, мануфактурой кызыл-кийцами было организовано ткацкое, пошивочное, кожевенное производства и производство обуви.

В отдельные короткие периоды руководство рудника вынуждено было выпускать даже свои деньги (чеки) под обеспечение углем и приобретать у окружающего населения на эти деньги нужные ему продукты питания. Частично эти чеки погашались в виде выдачи угля.

За эти годы передовой коллектив рудника был озабочен не только тем, чтобы сохранить рудник, развить добычу угля, но также смотрел и далеко в будущее. В

1918 году по инициативе Союза горнорабочих в Фергане был организован интернат для детей горняков всей Туркестанской республики, кончавших начальное обучение на самих горных предприятиях, для дальнейшего продолжения образования в средней школе.

Этот интернат являлся одним из показательных для того периода и назывался школой-коммуной горняков.

В 1921 году рабочие рудника организовали свое подсобное хозяйство, сажали картофель, бахчу, а рабочие небольшого тогда рудника Кок-Янгак засеяли несколько десятков гектар пшеницы.

В период полной победы советского строя, восстановления и строительства всего народного хозяйства, рудник Кызыл-Кия рос и развивался, была построена шахта 4-бис, реконструирована штольня № 1, шахта Джал и штольня № 2. Проведена ширококолейная железная дорога.

Рудник сумел в период первых пятилеток построить хороший клуб, хороший при нем парк и небольшой парк на старой территории рудника, дающий прекрасный отдых для шахтеров.

В тот же период было организовано одно из крупных подсобных хозяйств недалеко от рудника, ныне являющееся фруктовым совхозом в Киргизии.

С ростом рудника росли и кадры рабочих-киргизов и приобщались к управлению рудником. Шахтеры-киргизы возглавляли рудничный совет Кызыл-Кия, обучались на курсах красных директоров, становились квалифицированными руководителями предприятий и учреждений Киргизии.

С. Р. ЛОБУНЕЦ

ОБОРОНА КЫЗЫЛ-КНЯ

В 1912 году я поступил в депо станции Кызыл-Кня. В первые дни работы я познакомился с гг. Родионовым Яковом Тихоновичем, Едренкиным Иваном Ивановичем и Солнышко Леонтием Григорьевичем.

Родионов до прибытия в Кызыл-Кня работал на нефтяных промыслах в Баку. Он там участвовал в революции 1905—1907 гг. В период реакции бежал от преследования жандармерии в Кызыл-Кня. Едренкин и Солнышко тоже были участниками первой русской революции. В период столыпинской реакции они вынуждены были бежать от преследования полиции и прибыли в Кызыл-Кня.

Еще до революции 1917 года среди рабочих нашего рудника проводилась большая агитационная работа. Этой политической агитацией руководили Едренкин, Солнышко, Родионов. Горячее участие в работе принимали И. Е. Бельков и В. С. Воронин. Они разъясняли рабочим антинародную политику царского правительства и захватнический характер происходящей войны, вскрывали причины тяжелого положения рабочих, показывали на конкретных примерах сущность эксплуатации рабочих капиталистами, говорили о готовящейся революции в России, которая должна была привести к свержению власти царя, помещиков и капиталистов и установлению власти самих рабочих. Но каких-либо активных выступлений рабочих в эти годы на нашем руднике еще не было.

После свержения царя политическая работа еще более усилилась. Проводились собрания и митинги рабочих по

шахтам. На одном из митингов рабочие выдвинули своих представителей в Совет. В состав Совета рабочих были избраны Солнышко, Едренкин, Родионов, Воронин и ряд других товарищей.

Если известие о свержении царя дошло до нас с опозданием (представители царской администрации скрывали от нас это событие), то о свержении Временного правительства мы узнали сразу же. Это подняло наш дух, возросла активность рабочих масс. Совет, избранный рабочими еще до Октября, в первые же дни революции стал центром всей деятельности рудника.

Почти ежедневно проводились собрания и митинги рабочих. На них обсуждались различные вопросы. На одном из таких собраний стал вопрос о национализации банка. Деньги надо было использовать на нужды рудника и выдачи зарплаты рабочим. По предложению наших руководителей Солнышко, Едренкина и Воронина избрали группу рабочих, которые подсчитали все деньги и сдали их по акту работникам банка. Эта же группа впоследствии должна была контролировать работу банковских служащих.

Управляющий шахтами Ракитин вначале не хотел слушать избранных рабочими представителей, пытался делать все по-своему, не соглашаясь даже с установлением восьмичасового рабочего дня. Тогда на одном из собраний (когда это было, точно не помню) рабочие избрали управление шахтами. В состав рудоуправления вошли Родионов, Белоусов, Солнышко, Кузнецов и другие.

Они поставили вопрос о национализации рудника. Родионов разъяснил: рудник принадлежит Советскому государству, а поэтому задача рабочих рудника состоит в том, чтобы укреплять трудовую дисциплину, увеличивать добычу угля, обеспечивать углем промышленность и транспорт—поддержать нашу революцию, Советскую власть.

После избрания рудоуправления управляющие шахтами уехали в Скобелев (Фергана), где находилась контора Акционерного общества.

Нельзя думать, что у нас сразу же все пошло хорошо. Много было недостатков и неполадок. Самым серьезным из них был денежный вопрос. Старые деньги, которыми мы еще пользовались, кончились, а получать валюту было нелегко. Чтобы не срывать выдачу зарплаты рабочим, мы решили выпускать свои деньги. На эти деньги можно

было покупать все, что продавалось на рынке, ездить по железной дороге и на извозчике. Через некоторое время денег оказалось так много, что их никто не стал принимать. Поэтому мы прекратили чеканку своих денег, перешли на турк-боны.

Следующая трудность возникла в вопросе перевозки угля до станции Скобелев. В то время наш рудник со Скобелевым был соединен узкоколейной железной дорогой. Паровозы топились нефтью. Но запас нефти, имевшийся у нас, вышел, а взять ее было неоткуда. Это создало большие затруднения. Надо было найти какой-то выход из создавшегося положения. Этот выход был найден. Мы перестроили топки паровозов так, чтобы можно было их топить углем. Это дало нам возможность обеспечивать своевременную перевозку угля для снабжения железной дороги и промышленных предприятий.

Было еще много и других вопросов, связанных с организацией труда, снабжением рабочих, очисткой шахт, обеспечением крепежным лесом. Все эти трудности мы преодолевали под руководством партийной организации. Большую работу в этот период проводил рудничный комитет профессионального союза горнорабочих, созданный еще в феврале месяце 1918 года.

В первые годы установления Советской власти мы занимались не только восстановлением шахт и добычей угля, но и защитой рудника от нападающих на него басмачей.

Нападения басмачей на рудник Кызыл-Кия начались, насколько мне помнится, в середине 1918 года. Вначале на нас нападали мелкие шайки. Позднее эти мелкие бандитские шайки вошли в крупные отряды басмачей Эргаша, Мадаминбека, Халходжи и других.

Партийная организация, Совет рабочих депутатов и рудком профсоюза, обсудив опасность нападения басмачей, организовали защиту рудника из самих рабочих. Работа рудника была организована так, чтобы рабочие могли и работать, и отдыхать, и участвовать в бою. Для этого они были разделены на три группы. При входе в шахты были построены навесы, под которыми на пирамидах ставились винтовки. Все это нужно было для того, чтобы рабочие, по первому гудку сирены, выходя из шахты, могли идти в бой.

Для наблюдения за движением басмаческих банд были выделены небольшие группы, которые по очереди дежурили и при обнаружении басмачей извещали руководство.

Во второй половине 1918 года были созданы из рабочих рудника Кызыл-Кия два отряда. Один из них был конным, а другой—пешим. Конным отрядом, состоящим примерно из 30 человек, командовал Василий Яковлевич Хрипченко, а пешим отрядом, включавшим в свой состав большинство рабочих (около 200—300 человек), вначале командовал Павел Кузьмин, а затем—Федор Евдокимович Волчков. Конный отряд и большая часть пешего отряда по указанию уездной партийной организации и ревкома часто выезжали за пределы рудника. Они участвовали в боях в Уч-Кургане, Фергане, Караване (центр Янги-Наукатского района), в местности Туя-Моюн, в кишлаке Тахтек и др.

В борьбе с бандами басмачей мы использовали все свое уменье. Хорошо помнится такой случай. Однажды после работы меня пригласил тов. Родионов. Он сказал, что надо подумать над тем, как поугадать басмачей, создать впечатление у населения, что все подходы к городу, за исключением дорог, заминированы. Слух об этом дойдет до басмачей и они перестанут нападать по ночам, а в дневное время они в последнее время уже не осмеливались приближаться к руднику. Несколько подумав, мы решили изготовлять своеобразные мины. На следующий день я в депо занялся изготовлением первой пробной мины. Взял трехдюймовую водопроводную трубу, отпил от нее небольшую часть длиной 35—40 сантиметров. Один конец этой короткой трубы сплющил и наглухо заварил. Затем в 3—4 сантиметрах от другого конца просверлил отверстие для вставления капсуля, после этого начинил трубу взрывчаткой и плотно забил деревянной пробкой.

Вечером я пошел к тов. Родионову и показал ему самодельную мину. В тот же вечер мы испытали действие мины. В отверстие мины мы вставили капсуль с бикфордовым шнуром длиной 2—3 метра, затем закопали мину в вертикальном положении в землю. При этом наглухо заваренный конец мины был оставлен вверху, а конец, забитый деревянной пробкой, — внизу. Когда все пригото-

ления были закончены, мы подожгли бикфордов шнур спичкой и сами побежали в укрытие. Через несколько секунд услышали оглушительный взрыв. Над нами просвистели осколки. Вернувшись на то место, где была закопана мина, мы увидели яму диаметром 1,5 метра и глубиной более 70 сантиметров. Эффект был хороший. Мы остались довольны своим изобретением.

На следующий день я получил от тов. Родионова задание, в течение 3—4 дней изготовить около 30 самодельных мин. Это задание мною было выполнено своевременно. После в течение 2—3 ночей мы закопали часть этих мин по различным тропам, по которым проникали в город посторонние люди. Подготовили из числа рабочих три человека для взрыва мин. Мне пришлось показать им это и практически. Днем я с ними пошел по тропинке в сторону кишлака Тахтек. Показал как закопать мину, как растянуть и поджечь бикфордов шнур. Одному из них я поручил взрыв мины. Вскоре был пущен слух, что кто-то на дороге из Тахтека в Кызыл-Кия подорвался на мине. Этот слух распространился и в ближайших кишлаках, дошел, по-видимому, и до басмачей. После этого басмачи по ночам нас не беспокоили, а дневные налеты отдельных шаек их отбивались нашими отрядами быстро.

Несмотря на трудности, которые испытывали рабочие нашего рудника, несмотря на налеты басмачей и борьбу с ними, которая отнимала немало времени, коллектив рабочих Кызыл-Кия под руководством партийной организации из месяца в месяц увеличивал добычу угля и этим способствовал упрочению Советской власти, диктатуры пролетариата.

МУМИН САТЫБАЛДИЕВ

БОРЬБА С БАСМАЧЕСТВОМ В РАЙОНЕ ДЖАЛАЛ-АБАДА

До 1917 года Джалал-Абад представлял собой небольшой населенный пункт—центр волости, во главе которого стоял пристав. Джалал-Абадская волость входила в состав Андижанского уезда.

В конце 1917 года по городу распространились слухи о победе русского пролетариата в борьбе с буржуазией. Когда было получено известие из Андижана об установлении в России власти Советов рабочих и крестьян во главе с Лениным, была смещена власть ставленников Временного правительства.

Весть о падении устоев буржуазии молниеносно разнеслась по всем окрестным населенным пунктам и горным валам. Для управления волостью из уездного ревкома был назначен военный комиссар. В распоряжении комиссара находился вооруженный отряд добровольцев из пятнадцати человек, сформированный из местного населения и вооруженный винтовками и клинками; отряд нес сторожевую службу в комиссарнате и поддерживал общественный порядок в волости.

В 1918 году осенью в Джалал-Абаде был организован райревком, созданы вооруженные отряды в окрестных селах: Михайловском, Спасском, Дмитриевском и др., где в основном проживали русские.

Когда появились басмачи на территории Джалал-

Абадского района, для борьбы с ними прибыл красноармейский отряд под командованием Коновалова.

В 1919 году курбаши Мадаминбеку и др. удалось привлечь на свою сторону кулацкие элементы, населявшие села Никольское, Благовещенку, Спасское, Михайловское, Дмитриевку и др. Они объединились с кулацкой «крестьянской армией» во главе с Монстровым. Басмачам к этому времени удалось захватить территорию Оша, Джалал-Абада и окрестные населенные пункты. Сосредоточив значительные силы и материальные ресурсы Джалал-Абадского и Ошского районов, банда басмачей направилась на захват Андижана. Малочисленный гарнизон Андижана проявил исключительную стойкость, вел ожесточенные бои с басмачами в течение 7—8 суток, выдерживая неоднократные атаки противника. Вскоре из Ташкента прибыло подкрепление, с помощью которого были очищены от басмачей южные районы Ферганской долины.

После этого в Джалал-Абаде был организован карательный батальон, куда я вступил добровольцем в подразделение М. П. Ивасишина.

Примерно в апреле—мае 1920 года большая банда басмачей предъявила властям Джалал-Абада ультиматум о немедленном сложении оружия и сдаче без сопротивления.

Гарнизон Джалал-Абада был малочисленным (до 100 бойцов). Встревоженное создавшимся положением руководство местной власти собрало актив, на котором было решено мобилизовать все силы на борьбу с басмачами.

К вечеру нам стало известно о прибытии на станцию подразделения регулярной Красной Армии в помощь нашему гарнизону. Оказалось, что к нам на помощь прибыл батальон Казанского полка, участвовавший в боях с бухарским эмиром, численностью более 300 человек, на вооружении которого кроме винтовок, были станковые пулеметы, а также легкие пушки.

Басмаческая банда, не зная последних изменений в наших силах, начала наступление на город со всех сторон одновременно. Мы отбили многочисленные атаки противника и заставили басмачей отступить.

Отряд басмачей ушел, не добившись никакого успеха, неся огромные потери. Так был положен конец последнему походу объединенных сил басмачей на Джалал-Абад.

Зимой 1920 года наш отряд принимал участие в подавлении басмаческой банды в окрестностях местечка Толай. В течение 3 суток разгромили эту банду.

Наступил 1921 год. Для борьбы с остатками басмачества и обеспечения охраны и порядка в Джалал-Абаде был организован на добровольных началах мусульманский отряд.

Командиром этого отряда был назначен Усманылы Ашуров. Мусульманский отряд состоял из четырех взводов: первым командовал Эгемберды Саипов, вторым—Ташимбай Исабаев, третьим—Сатыбалдиев, четвертым—Осмонкул Мегманкулов.

В 1921 году решением Ферганского обкома партии была учреждена «тройка» для подготовки и проведения на местах земельной реформы. В первую очередь были конфискованы кулацкие земли и переданы в руки беднейших крестьян. Так, реформой были охвачены имения кулаков и местных баев, заселявших Благовещенку, Спасское, Михайловское, Дмитриевку, Куршаб, Заргор и другие села Ошского и Джалал-Абадского районов.

По указанию «тройки» наше подразделение принимало участие в Куршабе в практическом осуществлении земельной реформы. В течение одной недели произвели конфискацию байских земель, организовали на местах отряды самообороны, выловили 35 человек главарей кулацких и байских бандитских групп, доставили их в Джалал-Абад.

В октябре 1921 года наше подразделение отбыло в командировку в г. Коканд в распоряжение Ферганского ЧК. Здесь мы вели операции против остатков басмачества в окрестных районах Коканда и несли охранную службу важнейших объектов Коканда. В феврале 1922 года наше подразделение в полном составе было демобилизовано.

В апреле 1922 года в окрестностях Джалал-Абада опять активизировалось басмачество. В это время руководство района собрало нас, участников отрядов, и организовало отряд Красной милиции из 50 человек под командой Эгемберды Саипова. Наш отряд Красной милиции, разбившись на две группы, преследовал басмачей: одна группа—по прямой дороге Джалал-Абад—Сузак через Лавдан-Кара, вторая—на Сузак, обходом через Благовещенку, объединившись там с одним взводом красно-

армейского гарнизона. Басмачи при встрече с нашим отрядом в районе Сузака не приняли боя и бежали.

В схватке у Аим-кишлака нами был убит один из главарей басмаческой банды Юлдаш-Палван.

Вскоре в районах Аим-кишлака и его окрестностях, особенно в местечке Кутарма, появились басмачи Молла-даврана, угрожая Джалал-Абаду, Ошу, Кара-Су и другим пунктам. На подавление этой банды были брошены все отряды Красной милиции: отряд Исабаева (90 человек), наш отряд (50 человек) и Кара-Суйский (20 человек). Руководили операцией начальники РайЧК и раймилиции.

Мы разбиты на три группы, наша группа нанесла внезапный удар по басмачам в центральном направлении Кутарма. Басмачей захватили врасплох и разгромили их. После этого в районе Соли-кишлака мы встретились с басмачами и вступили в бой. Бандиты не выдержали нашего удара и бежали в сторону Науката. После этого в течение трех суток мы вели прочесывание и очистку местности вокруг Крунч-Мазара (ныне Джалал-Кудукский район Андижанской области) от остатков басмаческих банд и только после полной ликвидации опасности в этом районе вернулись в Джалал-Абад.

Через три дня мы опять выехали на подавление басмаческой группировки Халмата, орудовавшей в зоне Коган-кишлака. В продолжение 10 дней вели боевые операции в этом районе, истребили основную силу басмачей, а остатки их сдались нам в плен.

*П. Д. ЛИЧМАН, М. Л. ДОНЕЦ и
М. А. ЛИХОБАБИН*

ДЕЯТЕЛЬСТВО ОТРЯДА САМООБОРОНЫ

Военная интервенция и гражданская война, развязанная силами империалистических государств, захватили и Киргизию. На юге Киргизии огромный ущерб народному хозяйству причинило басмачество.

На борьбу с басмачеством поднялись массы трудящегося дехканства. Были организованы дехканские добровольные отряды самообороны, принимавшие активное участие в борьбе с басмачеством и сыгравшие большую роль в его окончательном разгроме.

Один из таких добровольческих отрядов был организован в октябре 1918 года в селе Никольском (ныне Советском), который в 1919 году преобразовался в рабоче-крестьянскую милицию под названием Никольской конной разведки. Первым командиром добровольческого отряда был местный учитель Пустахонов. Во время операции по борьбе с басмачеством Пустахонов попал в плен и был убит басмачами в с. Чек. После его смерти отрядом командовал т. Орлов, а после него А. Д. Комар.

Никольский добровольческий отряд принимал активное участие в борьбе с басмачеством в пределах Ферганской области против банд курбашей, подчинялся особому отделу Туркфронта. В добровольческом отряде были русские, украинцы, киргизы, узбеки и уйгуры.

Добровольческий отряд вначале участвовал в разгроме мелких банд в окрестностях села Базар-Кургана, Массы

(ныне с. Ленинское) и села Никольского. Затем отряд преследовал банды крупных курбашей.

Кроме добровольческого отряда Ферганской оперативной группой были установлены в селе Базар-Кургане и Никольском постоянные воинские гарнизоны из 13, 14 и 15 кавалерийских полков.

7 декабря 1920 года, когда воинские гарнизоны из Базар-Кургана и Никольского по распоряжению вышестоящих органов власти были сняты, в ту же ночь басмаческие банды Парпи вошли в с. Базар-Курган.

Находящуюся в амбарах хлопкоочистительного завода пшеницу, заготовленную по продрозверстке в количестве 4000 пудов, басмачи вывезли в с. Кокан-кишлак, сожгли завод, больницу и другие общественные помещения.

После этого басмачи окружили с. Никольское и предложили доброотряду сдать оружие. Когда командиром отряда т. А. Д. Комар предложение басмачей было отклонено, они начали наступать на село.

На четвертые сутки боя из Джалал-Абада прибыли части доброотряда численностью в 500 человек. Басмачи отступили по направлению Кокан-кишлака. После этого снова организовался постоянный воинский гарнизон из регулярных частей Красной Армии, который существовал до июля 1922 года.

Зимой 1921 года Никольский добровольческий отряд перебросили в Коканд в распоряжение особого отдела. В декабре 1921 года сборный добровольческий отряд в количестве до 500 всадников пошел на преследование крупных басмаческих банд. Первый бой с бандой курбаши Исламкула и Карабая состоялся в 10 км от Коканда. В этом бою было убито 50 басмачей и много ранено. Из сборного добровольческого отряда было убито три всадника и ранен командир отряда Кужелев. Отряд преследовал остатки банды и в 150 км от Коканда, в горах, у Сопу-кишлака полностью разгромил их. За участие в ликвидации банд басмачей, за храбрость и отличие в боях были награждены орденами «Боевого Красного Знамени» тт. П. М. Богомолов, М. Л. Донец, М. А. Мацута, Е. Ф. Орлов, П. Д. Личман, Роман Любенко и несколько человек из особого отряда г. Коканда.

Э. И. СЕРДЮКОВ

ОБОРОНА ГОРОДА ОША

До мая 1918 года вооруженных отрядов Советской власти в г. Оше не было. В феврале 1918 года с фронта в г. Ош прибыло три солдата: Г. А. Сотников, И. Лагерева и И. Бондарь. Они были направлены в Ташкент в заградительный отряд по заготовке хлеба. Участок заготовки хлеба для отряда был дан Актюбинск—Оренбург. После заготовки хлеба и отправки его в Ташкент, Сотников, Лагерева и Бондарь возвратились в г. Ош, где уже застали вооруженный отряд в количестве 22 человек, прибывший из Андижанского гарнизона. Временным командиром этого отряда был Осипов, командиром взвода назначен Сотников.

Дальнейшее пополнение отряда происходило за счет поступления добровольцев и за счет прибывших пограничников с Памирского пограничного отряда, в числе которых прибыл и я.

В июле месяце 1918 года заключенный в Ошской тюрьме уголовник Халходжа и другие бандиты напали на охрану, обезоружили ее и ушли из тюрьмы.

Халходжа вскоре после побега организовал банду около 100—150 человек, появился в Араванском районе и с. Таш-Ата.

По получении нами сведений о месте нахождения Халходжи был организован отряд совместно с гражданами города Ош и селения Куршаб, которые выступили на кишлак Таш-Ату. Окружив с двух сторон Таш-Ату, наши от-

ряды пошли в наступление. Руководителями сводных отрядов был военный комиссар Аюшин и председатель Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов Сре-тенский. Басмачи, продержавшись до ночи, захватили с собой убитых, ушли в горы.

Второй бой наш отряд вел с Халходжой в селе Булак-Баши в августе месяце 1918 года, где мы были окружены басмачами со всех сторон, но в это время к нам на выстрелы подошел Андижанский разведывательный отряд, который прорвал окружение и пришел к нам на помощь. Командир разведки был убит, а с нашей стороны был убит тов. Уральский. Банда, не выдержав боя, бежала в сторону Аравана. Наш отряд преследовал банду с Аравана до урочища Киргиз-Ата, где была выставлена засада. Халходжа на засаду не пошел, а скрылся в горах.

В сентябре 1919 года контрреволюционная, так называемая «крестьянская армия», под командованием Монстрова объединилась с басмаческими бандами Маламнибека. Организация штаба сводных «крестьянских» отрядов и басмаческих шаек происходила в с. Никольском, где и был составлен договор о совместном наступлении на г. Ош и г. Джалал-Абад.

Наступление на г. Ош Монстров повел со всех сторон. Ошский гарнизон принял оборону совместно с гражданами города и Памирским пограничным отрядом под командованием командира отряда Гостева и Плотникова в количестве 300 человек. Город осаждался бандами Мадминбека и сводным отрядом Монстрова в течение трех дней. Во время осады на город была сброшена вода двух арыков, с арыка Каирма и другого арыка. Город в районах нынешних улиц Хохлова, Советской и крепости был затоплен водой. На вооружении гарнизона было одно горное орудие и один станковый пулемет системы «Максим».

Во время осады г. Ош командир Памирского военно-пограничного отряда Гостев и Плотников вместе с отрядами перешли на сторону Монстрова, тем самым ослабив гарнизон. Подкрепление со стороны Андижана не приходило, хотя мы и имели надежду, что подкрепление должно быть. Начальник Ошского политбюро тов. Лебедев прорвался через осаду—уехал по направлению Андижана.

Командующий войсками Ферганской группы в Оше

Ситняковский, бывший прапорщик В. Баранов, используя момент перехода на сторону контрреволюции Памирского погранотряда, повели переговоры о сдаче города.

Командующий войсками Ферганской группы Ситняковский при переговорах встал на сторону Монстрова и подписал договор о сдаче оружия Ошского гарнизона с условием, что басмачи не будут подвергать аресту коммунистов и грабить мирное население. Басмачи въехали в крепость. Из нашего гарнизона бывший прапорщик Баранов стал у них командиром роты.

Командантом города Монстров назначил Мозгунова. Басмачи, в нарушение подписанного договора, начали разыскивать коммунистов и производить аресты. В числе арестованных были: военный комиссар Холодов, Котов, Лысенко, Чеботарев, Добрынин, Рязанцев и др. Всего было арестовано 20 человек.

В это время Андижан был в осаде. В момент осады с Ашхабадского фронта прибыл Казанский полк под командованием командира полка тов. Соколова. Последний дал распоряжение открыть по белобандитам и басмачам огонь из орудий и броневиков. Не выдержав атаки, басмачи в панике отступили. По пятам бежавших бандитов двигались бойцы Казанского полка. По басмачам, находившимся в старом г. Оше, был открыт огонь из орудий и пулеметов. Огнем орудий был сожжен крытый базар старого города. В это время Мозгунов обрушился с отрядом на тюрьму, имея цель забрать и уничтожить находившихся в тюрьме коммунистов, но по прибытии в тюрьму Мозгунов увидел связанных двух тюремных охранников. В это время заключенные в тюрьму коммунисты уже были освобождены подоспевшим отрядом красноармейцев. Освобожденные коммунисты были вооружены и тут же вступили в бой против басмачей и белобандитов.

Басмачи из города Оша бежали по направлению селения Гульча.

В ноябре месяце, по прибытии и укомплектовании Памирского отряда новым пополнением, наша рота была направлена в Коканд, вместе с которой выехал и я, где также принимал участие в боях против басмачей.

Ж. АБДЫРАСУЛОВ, М. МАДЫМАРОВ и
А. СУЛТАНОВ.

РАБОТА КОМИТЕТА БЕДНОТЫ И БОРЬБА С БАСМАЧАМИ В УЗГЕНЕ

После свержения царского самодержавия мобилизованных на тыловые работы начали отпускать домой. Основная масса их возвратилась на свое местожительство осенью 1917 г. Когда мы вернулись в г. Узген, здесь власть еще находилась в руках представителей господствующих классов.

Спустя некоторое время нам стало известно, что власть в России перешла в руки самих трудящихся. К нам приехали представители из Оша. Они собрали население ближайших селений на митинг в г. Узген. Один из приезжих рассказал о происходящих в нашей стране событиях—о войне, революционной борьбе рабочих и крестьян, о свержении Временного правительства и установлении Советской власти. Это сообщение было воспринято с восторгом. Со всех сторон слышались крики «Ура!» и лозунги «Да здравствует власть рабочих и крестьян!», «Да здравствует Советская власть!».

Выступивший на этом же митинге другой приезжий рассказал о тяжелом положении трудящихся различных национальностей. Он особенно подчеркнул бесправное положение трудящихся киргизов и узбеков, говорит о том, что они находились под двойным гнетом, никакими поли-

тическими правами не пользовались. Царское правительство, чиновники, местные баи и мананы разжигали национальную рознь. Приезжий объяснил также, что теперь все народы стали братьями, будут помогать друг другу, укреплять дружбу между собой и строить новую жизнь рука об руку. После выступления этого товарища (фамилию его не можем вспомнить) русские обнимались с киргизами и узбеками, называли друг друга братьями.

В эти же дни начали создаваться местные органы власти. Вместо старых аминов (сельский староста) и волостных управителей были избраны новые, в селе—сельские исполнительные комитеты, в волости—волисполкомы. В эти органы власти открытым голосованием были избраны в основном представители сельской бедноты—батраков, чайрикеров, особенно из числа тех, кто был мобилизован на тыловые работы, так как они во время пребывания в прифронтовой полосе ознакомились с революционными событиями в России. Но наряду с представителями бедноты кое-где в Советы избирались еще и представители имущих классов. Это объяснялось политической отсталостью трудящихся масс дехканства.

После этого к нам чаще стали приезжать представители партийных и советских органов из Коканда и Оша. Они проводили большую разъяснительную работу среди населения. Разъясняли права сельских бедняков, батраков, необходимость объединения их сил для борьбы против баев и мананов, которые вместе с деклассированными элементами начали вести борьбу против молодой Советской власти.

Нам объясняли декрет «О земле», принятый вторым съездом Советов, «Декларацию прав народов России» и другие важнейшие законы, принятые Советским правительством. Согласно этим документам чайрикеры имели право требовать от хозяев полную оплату своего труда. Трудовое дехканство выражало свою решимость добиться полного осуществления мероприятий Советского правительства.

Летом 1918 года к нам приехали представители из г. Коканда. Они провели собрание батраков и бедняков, где разъяснили, что капиталисты и помещики вместе с иностранными империалистами организовали вооруженную борьбу против молодой Советской республики. Они

разъяснили также, что созданная для защиты Советской республики Красная Армия нуждается в продовольствии, обмундировании и вооружении.

Такая разъяснительная работа проводилась во всех кишлаках. После этого у нас был организован комитет бедноты.

Вначале комитеты бедноты помогали работникам особого отдела и местным Советам составлять списки крупных баев с указанием их имущества и земельных владений. Члены комитета бедноты выясняли количество скота, место хранения хлеба и других богатств кулаков и баев. В эти же дни члены комитета бедноты, опираясь на активы, поддерживающие их, приступили к изъятию хлеба и другого имущества особенно у крупных баев.

В Узгене, например, таким крупным баем был Закиров Самазант. Он имел много скота, земли и другого богатства, имел личный отряд из нескольких человек. В тот день, когда мы должны были пойти к нему нас собралось около ста человек. Бай не был извещен о наших намерениях, поэтому когда мы подошли к его имению, его джигиты не могли оказать сопротивления. Мы разоружили их, арестовали самого бая и описали все его имущество. Во время очной ставки с чайрикерами, работавшими у него много лет, выяснилось, что он их эксплуатировал и почти ничего не платил за труд. Часть его богатства была роздана батракам в оплату их труда, остальная часть была передана продовольственному отряду для отправки в г. Ош.

Слух о первых действиях нашего комитета бедноты быстро распространился среди населения. Беднота стала на нашу сторону, а кулаки и бай возненавидели нас. Они нас называли «жалап аяктар», что в переводе на русский язык означает голодранец, нищий. Но, несмотря на их оскорбления, мы занимались своим делом.

Переход власти в руки масс, уничтожение эксплуатации, равноправие различных национальностей, равноправие мужчин и женщин и экономические мероприятия Советской власти не понравились господствовавшим раньше свергнутым классам. Бай и маналы, владельцы промышленных предприятий, чиновники, подстрекаемые и поддерживаемые иностранцами, особенно американо-английскими империалистами, начали организовывать свои

бандитские шайки и вести вооруженную борьбу против Советской власти.

Эти шайки басмачей занимались грабежом и убийством ни в чем неповинных людей. Преследовали всех, кто только выражал сочувствие Советской власти и партии большевиков, а работников партии и Советской власти они подвергали жестоким пыткам. Формально они объявляли себя защитниками мусульман, воинами ислама, говорили, что они ведут борьбу против неверных, кафиров (т. е. иноверцев), а на деле вместе с русскими кулаками и офицерами, в союзе с английскими империалистами, вели борьбу против свободы трудящихся масс, против молодой Советской власти, предоставившей всем трудящимся политические права и свободу, освободившей эти трудовые массы от гнета баев-маналов, капиталистов и помещиков. Они — «защитники» мусульман — отбирали последний кусок хлеба, угоняли имеющийся скот, подвергали оскорбительным телесным наказаниям тех, кто только открывал рот, чтобы выразить недовольство их поведением. А Советская власть принимала все меры к тому, чтобы сохранить жизнь истощенных и обессиленных от голода и недоедания трудящихся, защищала их от бесчинства и произвола басмачей — банды грабителей.

1917 год был неурожайным. В результате этого в 1918 г. начался голод. Голодали, конечно, трудящиеся массы, а не бай и маналы. Последние в своих амбарах имели много хлеба, у них был и скот, но помощи голодающим дехканам они и не думали оказать. Молодая Советская власть, несмотря на большие трудности в снабжении продовольствием Красной Армии и рабочих промышленных предприятий, уделяла большое внимание обеспечению трудового дехканства. В каждом кишлаке были организованы питательные пункты, где батракам и беднякам давали разовое горячее питание. Это имело большое значение не только в деле поддержания здоровья трудящихся дехкан, но и роста классового самосознания этих масс и изоляции их от влияния кулацких, бай-маналских групп населения.

Продовольствие для этих питательных пунктов выделялось, по указанию уездных властей, продовольственными отрядами. Продовольственный отряд, действовавший в нашем районе имел в своем составе 50—60 чело-

век. Командиром его был тов. Легуров, а помощником Султанов Абдылазиз. Численный состав этого отряда иногда расширялся до 500 человек. Так, например, осенью 1920 г., когда нашему отряду было поручено заниматься уборкой урожая, в нем насчитывалось более 500 человек. Основной костяк этого продовольственного отряда для самообороны от басмачей был вооружен винтовками, берданами, клинками, а для уборочных работ — серпами местного типа. Остальная часть отряда имела в своих руках только орудия труда — серпы. Наш отряд в полном составе был направлен в район селений Кара-Дыйкан, Заргер, Мирза-Аки. В районах этих селений много было посеяно зерновых культур, а убирать их население не успевало.

Через день после выезда из Оша наш отряд прибыл в селение Кар-Дыйкан и приступил к уборке урожая. В то время у нас никаких уборочных машин не было. Мы жали пшеницу серпами, связывали в снопы, а затем свозили на ток, на волокушах. Молотьба также производилась примитивным способом.

Через 2—3 дня к нам приехали представители продовольственного бюро из Оша. Они решили для ускорения уборки зерновых мобилизовать все трудоспособное население Кара-Дыйкан, Заргер, Мирза-Аки, Кандуга.

После окончания уборочных работ часть хлеба была роздана владельцам посевов для содержания их семей и на семена. Остальная часть была сдана в сыпной пункт для отправки в государственный фонд. В нашем продовольственном отряде было оставлено около 150 человек, остальная часть его была отозвана в г. Ош. Наш отряд охранял хлебные склады, сопровождал подводы и вьючный транспорт, перевозивший хлеб в г. Ош и на станцию Кара-Су. Иногда нам приходилось вести бой и с басмачами.

Это было, если нам память не изменяет, весной 1921 года. Нашему отряду было поручено сопровождать из Узгена до г. Оша большой обоз с продовольствием. В составе обоза было более 100 узбекских арб, 30—40 быков и около 50 навьюченных хлебом ослов. Дорога проходила по сильно пересеченной местности.

Когда мы дошли до местности Кара-Тобе (сейчас там располагается совхоз «Отуз Адыр»), на нас напали

басмачи. Это случилось так неожиданно, что мы, хотя учитывали возможность нападения басмачей, все же в первые секунды растерялись. Мы опомнились от растерянности только тогда, когда басмачи зарубили клинками несколько человек, ехавших во главе нашего обоза. Укрываясь за ослими, волами, навьюченными мешками, мы открыли огонь по нападавшим на нас басмачам. Басмачи тоже стреляли в нас. Эта перестрелка длилась примерно около получаса. Потеряв несколько человек убитыми, группа бандитов вынуждена была бежать. Их было не более 15—20 человек. Преследовать их мы не имели возможности, так как сопровождали обоз с продовольствием.

После этой стычки с небольшой по численности группой басмачей мы быстро привели в порядок свой обоз, взяли с собой тела убитых и раненых и отправились дальше. Хоронить убитых на поле боя мы не решались, так как это требовало немало времени. Потеря времени для нас ничего хорошего не сулила. Опасность нового нападения банды басмачей заставила нас ускорить движение обоза. В то же время мы послали одного конного посыльного до станции Кара-Су, чтобы сообщить о случившемся столкновении с басмачами и просить присылки в помощь хорошо вооруженного отряда.

Спокойствие и наша радость первой победы продолжались недолго. Мы не успели выйти из района тридцати холмов, на нас напала большая шайка басмачей Мойдуна. На этот раз мы заметили басмачей раньше, чем они нас, поэтому приняли меры организации круговой обороны. Весь обоз мы потянули в лошину, а сами укрепились на близлежащих холмах вокруг этой лошины.

При приближении конных басмачей мы открыли огонь против них. Но среди нас не было умелых бойцов, стреляли мы из имеющихся у нас «чачма мылтык» — берданок, не организованно. Наши пули едва долетали до наших врагов. Но то, что мы все 150 человек принимали участие в этом бою, имело большое значение. Басмачи почувствовали нашу решимость отстаивать свою свободу и то добро, охрана и перевозка которого были поручены нам.

Встретив сопротивление нашего небольшого по сравнению с ними отряда, банда Мойдуна стала обходить рай-

он нашей обороны со всех сторон. Они стреляли по нас из винтовок и ручных пулеметов, моментами некоторые головорезы Мойдуна, размахивая клинками, галопом мчались в нашу сторону, чтобы вызвать страх и растерянность в наших рядах. Но мы не испугались и не терялись. Каждый такой головорез при приближении к нам получал свою долю огня и сваливался с коня.

Долго сражаться с этими бандами мы не могли. Слишком неравны были силы. Банда Мойдуна, имевшая десятикратное превосходство в численном отношении и лучшее вооружение, чем у нас, начала одолевать наш маленький отряд. Многие наши товарищи сложили свою голову в этом бою с басмачами. Нас оставалось все меньше и меньше. Басмачи окружили нас плотным кольцом и начали издеваться над нами. Одному нашему бойцу отрубили руки и ноги, а у другого отрубили нос.

Но в это время случилось совершенно неожиданное. Бандиты не успели опомниться, как полностью были окружены подошедшими к нам на помощь войсками Красной Армии. Бой с басмачами разгорелся с новой силой. Но мы в этом бою не могли принять участие. Собрав свой обоз, направились в сторону станции Кара-Су.

На всю жизнь остались в памяти эти первые годы борьбы за укрепление Советской власти на земле нашего древнего Узгена. И мы хотим, чтобы наши дети и внуки знали с каким трудом, а порою и немалой кровью, их отцы и деды завоевывали счастливую жизнь для своих потомков.

*И. БЕКТЕМИРОВ, Г. ЭШБЕКОВ и
С. КЕНЖЕБАЕВ.*

БОРЬБА С БАСМАЧЕСТВОМ В РАЙОНЕ РУДНИКА СУЛЮКТА

После того, как революция уже одержала победу в центральных городах и в г. Ташкенте, в начале 1918 года к нам в Исфану и в рабочий поселок Сулюкта приехали представители из уездного центра Ходжента¹. Они проводили собрания рабочих и крестьян, организовали выборы сельисполкома и волисполкома.

Установление Советской власти рабоче и бедняцкая часть крестьянства восприняли как великую радость.

Мероприятия Советской власти, передача земли в руки трудящегося крестьянства и дехканства, национализация промышленных предприятий, вызвали отчаянное сопротивление свергнутых классов. На территории Средней Азии, в частности Южной Киргизии, оно выражалось в форме басмачества.

Басмаческие отряды на территории нашего района появились в середине 1918 года. Первая басмаческая шайка имела в своем составе 25 басмачей. В июне 1918 года в селениях Кара-Булак и Бешкент они ограбили несколько человек, убили бедняков Тогузбаева Султана, Мирмамыта Маматалиева, отобрали скот и лошадей у пастухов. Грабители продолжали свои действия и убивали работников Советов. Всякими угрозами и обманными путями привлекали на свою сторону мирных дехкан.

¹ Ныне г. Ленинабад Таджикской ССР.

В нашей волости было создано совещание активистов, где решили организовать отряд для борьбы с басмачами. Записавшихся в отряд оказалось много, но недоставало оружия. На сорок человек добровольцев мы имели одиннадцать винтовок и десять штук охотничьих ружей-берданок. Командиром нашего отряда был назначен Пирман Кудайбердиев.

В первые дни существования отряда нами были приняты меры по организации разведки, ибо в борьбе с басмачами, которые избегали открытых боев, совершали внезапные нападения и уходили в горы, разведка имела особенно большое значение. В таких условиях ход и исход борьбы зависели от определения направления движения и местонахождения банд басмачей. Для этого мы в каждом кишлаке подбирали доверенных лиц, которые должны были вести постоянное наблюдение и сообщать нам сведения о басмачах.

Через своих агентов мы узнали, что басмачи Кадыра и Саигина укрываются в доме бая Кулмамата в кишлаке Белесе. В этот же день ночью наш отряд прибыл в Белес. Когда выделенные командиром люди начали подкрадываться к дому бая Кулмамата, чтобы захватить главарей банды, басмаческий пост заметил их и открыл огонь. Перепуганные басмачи выбежали из домов и начали вести беспорядочный огонь. Перестрелка длилась до рассвета. Но враг, пользуясь утренним туманом, скрылся в направлении киштака Чимген.

В этот период до нас доходили слухи, что в районе Коканда действует большой отряд басмачей Эргаша. Предстояла серьезная борьба с басмачами. Партийные и советские организации приняли меры к укреплению отряда, привлекли доброотрядцев из рабочих рудника Сулюкта и усилили политико-воспитательную работу в отряде.

В результате кропотливой работы, проведенной партийными и советскими органами по подбору людей, наш отряд в начале 1919 года насчитывал в своих рядах двести человек. В отряде были киргизы, узбеки, татары, русские и представители других национальностей. Основную силу отряда составляли рабочие рудника Сулюкта. Командиром отряда оставался Пирман Кудайбердиев. Его заместителем — Исабек Бектемиров, а командиром рабочего отряда был Хидоят Гизатуллин. Командирами взво-

дов были назначены Шукур Жантаев, Алибек Баратов, Газбек Эшбеков и Нуржан Кошбеков.

По полученным данным у Эргаша было около 600 басмачей. Его крепко потрепали войска Красной Армии в районе Коканда и доброотрядцы в районе Исфары. Эргаш, потерпев поражение, весной 1919 года двинулся в район рудника Сулюкта. О движении басмачей в направлении Сулюкта мы имели сведения, готовились к встрече. Басмачи Эргаша, перевалив горную цепь, появились с южной стороны рудника. После небольшой перестрелки басмачи уклонились от боя и направились в сторону кишлака Чалды-Балды (ныне колхоз имени Чкалова). Здесь мы настигли басмачей. Они уклонились от боя и ушли в село Исфара.

Как нам стало известно после, басмачи Эргаша были ликвидированы силами частей Красной Армии и добровольческих отрядов весной 1920 года.

Но в это время серьезная опасность нависла над рудником Сулюкта и нашими селениями. Появилась банда курбаши Ислама. В столкновениях с незначительным по количеству бойцов подразделением Красной Армии банда удавалось захватить несколько десятков винтовок, пулеметов и боеприпасы. Муллы, ишаны, баи, мапы распространяли слухи о крупных победах басмачей Ислама. Это до некоторой степени способствовало росту его сил. К нему начали стекаться различные деклассированные элементы. К лету 1920 года численность басмачей у Ислама дошла до 800 человек.

Ислам возомнил себя непобедимым. Приближенные начали величать его беком. Кто осмеливался возражать ему, подвергался жестоким пыткам, а людей, сочувствующих Советской власти, банда Ислама обливала керосином и сжигала.

Но удачи хвастливого курбаши продолжались недолго. Части Красной Армии нанесли ему тяжелые поражения, и он вынужден был опять бежать в горы. На этот раз Ислам решил укрепиться в районе Сулюкта—Исфана.

В середине лета 1920 года, когда стало известно о движении басмачей Ислама в направлении рудника Сулюкта, партийная организация, Совет рабочих депутатов и рудком профсоюза создали отряд самообороны.

Басмачи Ислама намеревались напасть на рудник с

двух сторон, с северной и восточной. Учитывая план Ислама, разделившись на две части, наши отряды приняли оборону и с северной стороны.

Одна группа басмачей, спустившись с гор Кызыл Нараз и Тике Нараз, скрывалась в ущелье и наступала тогда, когда завязывался бой на восточной стороне рудника. Басмачи рассчитывали этим самым создать панику среди защитников рудника. Но их расчеты не оправдались. В момент разгара боя в районе станции Кольцо защитники восточной стороны рудника обратили в бегство наступающих басмачей и начали их преследовать. Часть разбегающихся басмачей, сами толком не зная, куда они скажут, оказались на виду у басмачей, атакующих станцию Кольцо и этим самым внесли переполох в их ряды. Басмачи растерялись. Воспользовавшись этим, бойцы добровольческого отряда с криками «Ура!» поднялись в контратаку. Банда басмачей начала удирать. Бойцы отряда самообороны и добровольческого отряда начали преследовать бегущих басмачей.

Во время боев в районе рудника Сулюкта на обоих участках басмачи потеряли убитыми несколько десятков человек. После этого банды Ислама в районе действия нашего отряда не появлялись.

В 1921 году усилилась банда курбаши Холбута. Первоначально эта банда насчитывала в своем составе около 800 человек, занималась грабежом в районе г. Ура-Тюбе Таджикской ССР. Басмачами Холбута были ограблены кишлаки Чоенчу, Язгон, Сумбула, Кок-Таш, Замбурчи на территории нынешнего Ляйлякского района. Басмачи подвергали жестоким пыткам и наказаниям работников местных Советов, ни в чем не повинных бедняков и батраков, издевались над честью женщин. О варварстве банд Холбути сообщалось в письмах крестьян, направленных в адрес местных властей. Так, например, в одном из писем сообщалось: «Вчера Холбута облил керосином и сжег несколько крестьян нашего кишлака, обвинив их в том, что они помогают большевикам». В другом письме сообщалось, что «после налета одному человеку он (Холбута) отрезал язык, уши и нос за то, что тот ругал басмачей. На голове другого дехканина басмачи слепили загородку из теста, а затем налили кипящего масла за то, что этот человек вышел на молитву без чалмы. Третьего

привязали вверх ногами к деревьям и ударом шашки разрубили на две части за то, что он бежал из кишлака в город»¹.

Разгром банд Холбути был поручен 12 полку, действовавшему в районе Ходжента, и нашему отряду. Командир нашего отряда Пирман Кудайбердиев, взяв по несколько человек с каждого взвода, направился в Кишегент для встречи с командованием 12 полка и выяснения плана совместных действий. После встречи красноармейцы 12 полка и добротрядцы двинулись в район действия басмачей, в направлении гор. На расстоянии примерно одного километра от кишлака Динау начиналось ущелье, склоны которого были покрыты кустарниками. По сведениям, которыми мы располагали, басмачи находились за 30—40 км. Поэтому мы не предполагали, что они могут устроить засаду в кустарниках этого ущелья.

Когда головная часть нашей колонны углубилась в ущелье, а двигавшиеся за нами на расстоянии 200—300 метров бойцы 12 полка только вошли в это ущелье, засевшие в кустарниках басмачи открыли огонь по нашей колонне. Началась горячая перестрелка. Не имея возможности для развертывания в боевой порядок, бойцы и добротрядцы вынуждены были отступить под огнем противника в кишлак Динау. Во время этой перестрелки было убито и ранено несколько человек добротрядцев и бойцов. В числе убитых от пули врагов оказался командир нашего отряда Пирман Кудайбердиев.

В это время основные силы нашего отряда находились в 30 километрах от Динау в кишлаке Аидарек. Получив известие о происшедшем столкновении между бойцами и басмачами, зам. командира нашего отряда Исабек Бектемиров повел наш отряд в Динау. Мы подъехали к этому кишлаку вечером и под прикрытием темноты вошли в него. Басмачи, окружившие этот кишлак с северной стороны, не могли заметить наш приход. По прибытии нашего отряда командование 12 полка созвало совещание командиров отрядов. На этом совещании было решено, что бойцы 12 полка и добровольческих отрядов, оставив заслон с

¹ Рахим Джалил. «Пулат и Гульру», Таджикгосиздат, 1954 г., стр. 147—148.

северной стороны кишлака, на заре выйдут из него и окружают с трех сторон основные силы басмачей, засевших по склонам ущелья.

Наш отряд, командиром которого после смерти Кудайбердиева был назначен Исабек Бектемиров, должен был подойти к ущелью с восточной стороны, а бойцы 12 полка — с западной и северной сторон.

Когда туман начал подниматься, мы уже были на месте. Басмаческий наблюдатель, как это выяснилось потом, заметивший движение наших бойцов на вершине противоположного склона ущелья, дал выстрел. Этот выстрел послужил сигналом для начала боя. Мы с обеих сторон ущелья начали наступление на басмачей, засевших в кустарниках ущелья. Бой длился около 4—5 часов. Банды Холбуты не выдержали нашего натиска и бежали вверх по ущелью, прорвали нашу засаду и ушли в горы. Во время этого боя басмачи потеряли убитыми и ранеными свыше 200 человек. Были потери и с нашей стороны.

Наш киргизский отряд вернулся в пределы нынешнего Ляйлякского района и вел борьбу против мелких бандитских групп, орудовавших в районе рудника Сулюкта. Часть доброотрядцев — рабочие рудника — вернулись на свою работу.

Примерно через два месяца после ухода бойцов 12 полка для борьбы с бандой Холбуты в районе Ура-Тюбе, был прислан новый отряд красноармейцев. По решению уездного ревкома наш отряд был придан этому воинскому подразделению и выехал из Сулюкты в направлении Джаны-Арыка, где мы должны были встретиться с красноармейцами. На следующий день вечером мы приехали в назначенное место, но красноармейцев там не оказалось. Выяснив примерный район действия басмачей, перед рассветом мы выехали в направлении кишлака Басманда. Проехав несколько километров, мы услышали выстрелы и ускорили движение. Когда приблизились к кишлаку Басманда, перед нами развертывался бой. Видно было, что банды басмачей находятся в кишлаке, а красноармейцы ведут наступление. Мы с хода включились в бой. Это подняло боевой дух наших воинов. Но выбить басмачей из кишлака было нелегко. Они вели огонь из-за укрытия, тогда как нашим бойцам приходилось вести наступление по открытой местности. Только под вечер мы

сумели одолеть басмачей и вышли на окраину кишлака. Вечером басмачи ушли в горы.

Итоги дневного боя были подведены на совещании у командира полка. Здесь же был разработан план преследования и уничтожения банды Холбуты. По донесениям наших разведчиков стало известно, что басмачи находятся в районе кишлака Аучи. К востоку от этого кишлака имелось большое ущелье, являющееся удобным местом для разгрома басмачей. На совещании было решено загнать банду Холбуты в это ущелье и уничтожить. Не дожидаясь рассвета, мы приступили к осуществлению разработанного плана боя. Красноармейцы выступили в направлении Аучи, они должны были выбить басмачей из этого кишлака и загнать в ущелье. Бойцы добровольческих отрядов, разбившись на две части, двинулись в горы с тем, чтобы охватить ущелье с двух сторон. К рассвету оба склона ущелья были заняты доброотрядцами. Чтобы не выдавать своего присутствия, они укрывались за камнями, а кони были оставлены в стороне.

Рано утром красноармейцы начали наступление на Аучи. После короткой перестрелки басмачи начали отступать в горы. Преследовавшие их красноармейцы скорым маршем начали обходить их с флангов. Это вынудило басмачей двинуться в ущелье. Когда банда Холбуты полностью вошла в ущелье, а преследующие ее красноармейцы плотным полукольцом закрыли путь отступления, мы с обоих склонов ущелья открыли огонь по басмачам, начали валить каменные глыбы. Эти камни, катясь вниз, задевали тысячи других мелких и больших и образовывали общий поток лавы камней и щебня. Банда Холбуты начала метаться по ущелью. Бой длился несколько часов. Основная часть бандитов была перебита. Но Холбута с жалкими остатками своей шайки все же сумел бежать в направлении Матчи.

После боя мы побывали в ущелье. Поспешно бежавшие остатки банды оставили 150 лошадей, 800 овец и коз и свыше 100 трупов убитых. Наши бойцы добрали 40 винтовок и 2 пулемета. Скот, отбитый у банды, был передан уездному исполкому.

Остатки банды Холбуты нашли убежище у «правителя» Матчи Ахматходжа. Последний являлся ишаном и беком Матчи. Отсюда начинали свои действия все шайки

басмачей, действовавшие в районе Ура-Тюбе и Ходжента. Сюда направлялось все награбленное у населения басмачами имущество. Кишлак Матча во главе с Ахматходжа являлся одним из центров басмаческих банд. Для полного разгрома банды басмачей, скрывавшихся в Матчи, были посланы прибывшие из Ташкента кавалеристы.

Совместная борьба красноармейцев и добровольческих отрядов против врагов молодой Советской власти убедила трудовые массы национальных окраин в том, что молодая Красная Армия, созданная Советской властью, защищает кровные интересы трудящихся масс. Трудящиеся киргизы, узбеки, таджики и другие воочию убеждались в ложности распускавшихся муллами и ишанами, баями и манапами и националистами всех мастей бредней о большевиках. Они стали понимать, что партия большевиков является единственной партией, защищающей интересы трудящихся масс всех национальностей, ведущей народы к свободной и счастливой жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. **МАСАДЫКОВ Омахан** родился в 1897 г. в селе Чала-Казак (ныне Кызыл-Аскер) Пишпекского уезда в бедной крестьянской семье. В 1914 г. начал работать молотобойцем в частной кузнице, а в последующие годы до революции работал у кулака и рабочим на Чупре. Принимал участие в вооруженной борьбе с контрреволюцией в годы гражданской войны. После гражданской войны — на хозяйственной работе. Член КПСС с 1930 года. Пенсионер, живет в селе Кызыл-Аскер.

2. **ГОЛУБЬ Назар Данилович** родился в 1895 г. в селе Михайловском Мамлютского района Северо-Казахстанской области в семье крестьянина-бедняка. В Киргизию приехал в 1907 г. В 1912 г. закончил Пишпекскую сельскохозяйственную школу. С 1915 г. был на действительной военной службе. В 1918—1920 гг. принимал участие в установлении Советской власти в Пишпекском уезде. С 1923 года работал в системе сельского хозяйства по специальности и вел педагогическую работу. Умер 5 мая 1957 г.

3. **КРАСНОВ Никита Федорович** родился в 1892 г. в селе Терновое Волчанского уезда, бывшей Харьковской губернии, в семье батрака. С десятилетнего возраста начал трудовую деятельность на сахарном заводе, где проработал 12 лет, до ухода на империалистическую войну. Участник установления Советской власти в г. Пишпек и уезде в 1918 г. После окончания гражданской войны до 1947 года находился на хозяйственной и советской работе. В настоящее время — пенсионер, живет в городе Фрунзе.

4. **ТОКБАЕВ Иماش** родился в 1900 г. в семье рабочего в городе Пишпек. Трудовую деятельность начал с раннего возраста, работал вместе с отцом. В годы гражданской войны боролся с контрреволюцией в рядах Красной Армии и органах ЧК. После окончания гражданской войны до 1932 г. работал в органах ОГПУ.

С 1932 года находился на различной административно-хозяйственной работе. Участник Отечественной войны. Член КПСС с 1919 г., персональный пенсионер.

5. **ПАНЧЕНКО Иван Дмитриевич**, рождения 1894 г. В 1918 — 1920 гг. принимал участие в борьбе против белогвардейской контрреволюции в отряде Логвиненко. По окончании гражданской войны работает в сельском хозяйстве ирригатором, живет в селе Покровка Фрунзенской области.

6. **ЧЕРНЫШЕВ Макар Петрович** родился в 1902 г. в селе Александровке Кустанайского уезда Тургайской области в семье крестьянина-середняка. С 1919 г. проживает в г. Фрунзе. Еще юношей вступил в добровольческую дружину, которая впоследствии вошла в отряд под командованием Логвиненко. После окончания гражданской войны находился на руководящей партийной, советской и хозяйственной работе. В настоящее время — зам. директора трикотажной фабрики им. Микояна (г. Фрунзе). Член КПСС с 1926 года.

7. **ПАРШКОВ Василий Иванович**, рождения 1897 г. Из семьи крестьянина-бедняка деревни Марчуки бывшего Скопинского уезда Рязанской губернии. С 1907 г. живет в Пишпекском уезде. До службы в армии работал по найму у кулаков. В рядах Красной Армии служил с 1918 года по 1923 год, участвовал в борьбе с басмачами и в боях за Бухару. Участник подавления Беловодского мятежа 1918 г. После окончания гражданской войны занимался литературной деятельностью. В 1946 г. перешел на пенсию. Живет в г. Фрунзе.

8. **АКИМЕНКО Денис Кондратьевич** родился в 1885 году в семье пишпекского ремесленника. До службы в армии батрачил у кулаков. Участник установления Советской власти в Пишпекском уезде и борьбы с белогвардейцами в добровольческих отрядах Пишпекского уезда и в рядах Красной Армии на Семиреченском фронте. После окончания гражданской войны работал в хозяйственных и советских органах. Персональный пенсионер, живет в г. Фрунзе.

9. **ТЕРНО Иван Яковлевич** родился в 1893 г. в Полтавской губернии Лохвицком уезде хуторе Мармазовка в семье крестьянина-бедняка. С 1911 года жил в городе Пржевальске и работал по найму рабочим. С 1913 года по 1917 год служил в царской армии рядовым, а затем младшим унтер-офицером.

После Октябрьской революции вступил добровольцем в ряды Красной Армии. В 1918—1920 гг. руководил отрядами Красной Армии в Пржевальском уезде и в районах Нарына и Нарынкола. Затем до 1925 года работал военным комиссаром Ташкентского уезда. С 1925 года и по настоящее время — на руководящей хозяйственной работе в системе сельского хозяйства. Награжден орденом Красной Звезды. Член КПСС с 1918 года, живет в г. Алма-Ате.

10. **ЧЕРНОВ Михаил Иванович** происходит из крестьянской семьи села Тюп Пржевальского уезда. Служил в царской армии рядовым. Принимал участие в установлении Советской власти в Пржевальском уезде. После окончания гражданской войны работал в органах ЧК, ОГПУ до 1926 г., а затем — на различных хозяйственных должностях. С 1949 года персональный пенсионер. Живет в г. Фрунзе.

11. **ЧУЧАСОВ Яков Васильевич** родился в 1888 г. в семье крестьянина-середняка. Служил в царской армии прапорщиком. В мае 1918 года вступил в г. Верном добровольно в Красную Армию. Участник вооруженной борьбы с контрреволюцией в Пржевальском уезде и Нарыне в 1919 и 1920 годах. После окончания гражданской войны находился на советской и хозяйственной работе. В настоящее время пенсионер, живет в городе Алма-Ате.

12. **МАРЕЧЕК Рудольф Павлович** родился в 1888 г. в Чехословакии в семье рабочего. В Семиречье приехал в октябре 1917 года, принимал участие в установлении Советской власти в городе Верном, а затем по поручению Семиреченского облисполкома и обкома партии работал в г. Пржевальске по укреплению Советской власти и организации коммуны «Новая Эра». После окончания гражданской войны — на педагогической работе. Награжден орденом Трудового Красного Знамени. Член КПСС с 1926 года. Живет в гор. Пржевальске.

13. **ЧЕБЫКИН Иван Григорьевич** родился в 1880 г. в г. Пишпек. До революции работал в системе ветеринарного обслуживания. В 1915—1917 гг. служил в старой армии. В 1918—1920 гг. принимал участие в установлении Советской власти в Пишпекском уезде и в борьбе против контрреволюции на Семиреченском фронте. После окончания гражданской войны находился на советской и хозяйственной работе до 1942 года. Сейчас живет в городе Фрунзе, пенсионер.

14. **БОЛБАЧАН Иов Исакович** родился в 1883 году в Краснодарском крае, районе Дубинка в семье крестьянина. В 1900 году переехал на жительство в Пишпек. До империалистической войны занимался садоводством. В 1914—1917 гг. служил в старой армии рядовым. В 1918—1920 гг. участвовал в борьбе с контрреволюцией на Семиреченском фронте в рядах Красной Армии. После окончания гражданской войны работал в системе сельского хозяйства по садоводству. С 1953 года перешел на пенсию. Живет в городе Фрунзе.

15. **ПАВЛОВ Павел Никанорович** родился в 1896 г. в с. Токмаке в семье крестьянина-середняка. Окончил Пишпекскую городскую школу. После гражданской войны остался на военной службе, работал в г. Пугачеве нач. училища по подготовке снайперов. В 1946 г. демобилизовался по состоянию здоровья. Умер в г. Каменске Ростовской области.

16. **СУДОРГИН Владимир Степанович** родился в 1899 г. в г. Красноярске в семье железнодорожного рабочего (смазчика вагонов). С декабря 1917 г. принимал участие в вооруженной борьбе против сил контрреволюции на Оренбургском фронте. Работал в железнодорожной чрезвычайной комиссии ст. Туркестан. В 1919 году Турккрайкомом КПТ направлен в город Пишпек (г. Фрунзе), где на протяжении многих лет находился на партийной, советской и хозяйственной работе. Участник Отечественной войны, награжден орденом Красной Звезды и медалями. Член КПСС с января 1918 года. Персональный пенсионер, живет в городе Фрунзе.

17. **БРУСЕНКО Иван Панкратович** родился в 1891 г. в семье крестьянина-бедняка села Урожайного Прасковейского уезда Ставропольской губернии. В 1918—1923 годах был одним из организаторов и руководителей первых сельскохозяйственных коммун в Чульской долине («Заря» и им. Карла Маркса). Последующие годы находился на руководящей советской и хозяйственной работе. Член КПСС с 1918 г. Персональный пенсионер, живет в городе Фрунзе.

18. **ХРИПЧЕНКО Василий Яковлевич** родился в 1885 г. в поселке Изобильный станции Буранной Оренбургской губернии. До 1917 года находился в рядах царской армии. После демобилизации работал на руднике Кызыл-Кия счетоводом. Руководил вооруженным отрядом в борьбе против басмачей. После окончания гражданской войны находился на хозяйственной работе. В настоящее время пенсионер.

19. **БЕЛЬКОВ Иван Ефимович** родился в 1893 году в семье рабочего. Свою трудовую деятельность начал в детском возрасте. С 1912 года работал рабочим по ремонту на железной дороге ст. Урсатьевской. В 1915 году переехал на рудник Кызыл-Кия, где поступил на должность дежурного по станции узкоколейной железной дороги. Активный участник борьбы за установление Советской власти в Кызыл-Кии. После окончания гражданской войны—на руководящей профсоюзной и партийной работе. С 1950 года работает и живет в Москве. Член КПСС с 1918 г. За заслуги перед Советским государством награжден 3 орденами.

20. **ЛОБУНЕЦ Степан Романович** родился в 1888 г. в селении Пархомовск Пархомовской волости Скверского уезда Киевской губернии, рабочий рудника Кызыл-Кия, принимал участие в борьбе с басмачеством в составе отряда самоохраны кызыл-кийских рабочих. Сейчас пенсионер, живет в г. Кызыл-Кия.

21. **САТЫБАЛДИЕВ Мумин** родился в 1899 г. в г. Джалал-Абаде. Участвовал в борьбе с басмачеством на юге Киргизии. Член КПСС с 1933 г. Сейчас работает директором столовой в г. Джалал-Абаде.

22. **ЛИЧМАН Потап Денисович** родился в 1895 г. в селении Зеленки Канавского уезда Киевской губернии. В 1918—1923 гг. принимал участие в борьбе с басмачеством на юге Киргизии в составе отряда самообороны села Никольского (ныне село Советское Базар-Курганского района Джалал-Абадской области). В 1921 г. награжден орденом Красного Знамени. Член КПСС с 1944 г. Сейчас живет в селе Советском.

23. **ДОНЕЦ Митрофан Лукьянович** родился в 1893 г. в селе Никольском (ныне село Советское Базар-Курганского района Джалал-Абадской области). В 1918—1922 гг. принимал участие в борьбе с басмачеством в составе отряда самообороны в селе Никольском. В 1921 г. награжден орденом Красного Знамени. Сейчас живет в селе Советском Базар-Курганского района, член колхоза «25 лет Киргизии».

24. **ЛИХОБАБИН Митрофан Андреевич** родился в 1884 г. в селении Ширяево Калачевского района Воронежской области. С 1911 года живет на юге Киргизии (село Никольское). В 1918—1921 гг.

участвовал в борьбе с басмачеством в составе самообороны в селе Никольском. Сейчас живет в селе Советском.

25. **СЕРДЮКОВ Эммануил Игнатьевич** родился в 1893 г. в селе Волосневуш Острогского уезда Волынской губернии. В 1918—1919 гг. принимал участие в борьбе с басмачеством в г. Оше. Сейчас живет в Оше, работает бухгалтером.

26. **АБДЫРАСУЛОВ Жорбек**, рождения 1894 г., уроженец кишлака Кара-Дыйкан Яссинской волости Ошского уезда, крестьянин. В 1918—1919 гг. участвовал в составе продотряда в Узгенском районе. Сейчас проживает в колхозе им. Фрунзе Узгенского района Ошской области.

27. **МАДЫМАРОВ Мамасадык** родился в 1895 году в г. Узгене Ошской области. В 1918—1919 гг. участвовал в борьбе с басмачеством в Узгенском районе. Сейчас проживает в колхозе «Правда» Узгенского района.

28. **СУЛТАНОВ Абдылазис** родился в 1890 году в г. Аулие-Ате. В 1919—1921 гг. принимал участие в борьбе с басмачеством в Ошском уезде. Сейчас проживает в колхозе им. Фрунзе Узгенского района.

29. **БЕКТЕМИРОВ Исабек**, рождения 1881 г. из Ляйлякского района. В 1917—1918 гг. работал председателем земельного комитета при Ходжентском уездном исполнительном комитете. В 1918—1921 гг. работал председателем Боксо-Исфанского волысполкома, в 1920—1925 гг. был командиром киргизского добровольческого отряда. За храбрость в борьбе с басмачами неоднократно награждался ценными подарками и грамотами. Пенсионер.

30. **ЭШБЕКОВ Газбек**, 1887 года рождения со ст. Кольцо Булак-Башинского сельсовета Ляйлякского района. В 1918—1919 гг. работал председателем Булак-Башинского сельсовета Боксо-Исфанской волости, в 1919—1925 гг. был командиром взвода киргизского добровольческого отряда. Неоднократно награждался ценными подарками. Пенсионер.

31. **КЕНЖЕБАЕВ Сейдамы**, 1895 года рождения, из Караулкишлака (рудник Сулюкта), рабочий рудника Сулюкта, рядовой киргизского добровольческого отряда, участник боев против басмачества. Член КПСС с 1928 г. Умер в 1956 году.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
А. И. Иванецкий—Из истории Пишпекской парторганизации	5
Г. И. Швец-Базарный—Октябрь в Пишпек	19
О. Масадыков—Странички из прошлого	40
Н. Д. Голубь—Революционные события в Пишпек в 1917—1921 гг.	43
Н. Ф. Краснов—Роль Комитетов бедноты в укреплении Советской власти	55
И. Токбаев—Борьба за власть Советов	61
Я. Н. Логвиненко—Краткая биография	65
И. Д. Панченко, М. П. Чернышев—Бойцы Пишпекского Советского полка	69
В. И. Паршков—Подавление Беловодского мятежа	72
Д. К. Акименко — Ликвидация кулацкого заговора в Пишпекском уезде	83
И. Я. Терно, М. И. Чернов и Я. В. Чичасов — Борьба за установление Советской власти в районах Прже- вальска и Нарына	89
Р. П. Марчек—Укрепление Советов в Пржевальском уезде	95
И. Г. Чебыкин—В Пишпек и на Семиреченском фронте	100
И. И. Болбачан — В тылу и на фронте	107
П. Н. Павлов—В боях за Советы	112
В. С. Судоргин — На партийной работе в Пишпек в 1920 году	120
И. П. Брусенко—Первая коммуна в Пишпекском уезде	129
В. Я. Хрипченко—Рабочий отряд Кызыл-Кия в борьбе за Советы	140
И. Е. Бельков — О Кызыл-Кия и кызыл-кийцах	146
С. Р. Лобунец—Оборона Кызыл-Кия	152
М. Сатыбалдиев — Борьба с басмачеством в районе Джалал-Абада	157
П. Д. Личман, М. Л. Донец и М. А. Лихобабин — Действия отряда самообороны	161
Э. И. Сердюков — Оборона города Оша	163
Ж. Абдырасулов, М. Мадымаров и А. Султанов — Работа Комитета бедноты и борьба с басмачами в Узгене	166
И. Бектемиров, Г. Эшбеков и С. Кенжебаев — Борьба с басмачеством в районе рудника Сулюкта	173
Примечания	181

Литературная обработка *Н. Чекичева*.

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКОВ РЕВОЛЮЦИОННЫХ
СОБЫТИЙ И ГРАЖДАНСКОЙ
ВОЙНЫ В КИРГИЗИИ

Оформление *А. Шубин*
Худож. редактор *И. А. Ефимов*
Технич. редактор *С. Чотиев*
Корректор *П. С. Леснича*

Сдано в набор 12/VII 1957 г. Подписано к печати 9/IX 1957 г. Д-00352 Бумага
84×108^{1/2} 6,67 физич. печ. л., 9,63 условн. печ. л., 8,9 уч.-изд. л. Тираж 8000 экз.
Заказ № 3157. Цена без переплета 2 р. 15 к. Переплет 1 р.

Фрунзе, тип. № 2 Газониздата Мин. культ. Кирг. ССР.

